

ISSN 1729-4924

БЮЛЛЕТЕНЬ

**ВЛАДИКАВКАЗСКОГО
ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ**

№ 58

Владикавказ 2020

БЮЛЛЕТЕНЬ ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ

Издается с 1998 г.

Учредитель – Владикавказский институт управления

Редакционный совет: В.Д. Дзгоев, З.И. Салбиева,
В.А. Тишков, К.Х. Туганов,
А.В. Черджиев

Редакция: Т.Э. Кусов, А.В. Гагиева,
Н.Х. Бузарова, М.В. Цуциева,
Н.Ю. Туаева (научный редактор)

Бюллетень публикует статьи, посвященные проблемам права, экономики, образования, этнополитической и социально-экономической ситуации в России и мире, переводы статей зарубежных ученых, материалы конференций и круглых столов, проводимых Владикавказским институтом управления, научную хронику и рецензии.

Материалы Бюллетеня отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией учредителей, редакционного совета и редакции.

Электронная версия Бюллетеня выставлена на сайте института www.viu-online.ru.

При использовании ссылка на материалы Бюллетеня обязательна.

Адрес редакции:

362025, Республика Северная Осетия – Алания,
г. Владикавказ, ул. Бородинская, 14
тел: (8672) 540499, факс: (8672) 541580
E-mail: viu-online@mail.ru

ISSN 1729-4924

**Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)**

© Владикавказский институт управления, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

Бзаров З.И., Кокоева Л.Т. Специфика возникновения трудовой правосубъектности работодателей – юридических лиц	5
Лазарова Э.Т. Современное добровольчество (волонтерство) в РСО-Алания: опыт и перспективы развития	13
Хугаева А.А., Моргоева З.О. Концептуальные подходы к изучению проблем и механизмов адаптации этнических мигрантов	21

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Дзагоев А.А. Цифровизация экономики: объективные тенденции и влияние на повышение эффективности организаций	30
Накусова Ф.Б. Анализ финансовой устойчивости и деловой активности ОАО «Кавдоломит»	37

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Каргинов С.Н., Гадзиев С.О. Некоторые вопросы юридической природы федеральных округов (на примере Южного федерального округа)	48
Хадаев Э.А., Гагиева А.В. Этапы реформирования законодательства о юридических лицах	54
Хаматова С.Х. Конституционные обязанности заботиться о детях и престарелых родителях как инструмент для решения демографических проблем в России	63

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Баликоева А.Р., Гагиева А.В. Договорные отношения и неосновательное обогащение	68
Батяева О.Ю., Кертанова Э.В., Цаликова М.Б. История возникновения, развития и правового регулирования транснациональных корпораций	78
Бугулов Х.С., Бораев З.К. Предмет договора аренды	85
Дзугаева И.А., Лишута И.В. Понятие и правовая природа холдинга	94
Зангиев В.Т., Гагиева А.В. Саморегулируемые организации как некоммерческие корпорации	99

Зангиев Ф.А., Бузарова Н.Х. Учредители корпорации	108
Карпенко Л.В., Гагиева А.В. Современные принципы саморегулирования	114
Мадзаев Ч.Э., Гагиева А.В. Институт акционерных соглашений в корпоративном праве Российской Федерации	122
Маргиев Д.Д. К вопросу о правовой природе корпоративных правоотношений: некоторые вопросы теории и практики	128
Нигколова Л.А., Бузарова Н.Х. Становление института корпоративного договора в России	132
Санакоев М.М., Бузарова Н.Х. Виновные начала ответственности предпринимателя	137
Торчинова С.М., Гагиева А.В. Некоммерческие организации: проблемы правового регулирования	144
Хайманов Д.Т., Тменова Т.Г., Бузарова Н.Х. Некоторые проблемы обращения взыскания на исключительные права корпорации	150
Хачирова К.М., Тменова Т.Г., Кокоева Л.Т. К вопросу о сущности монополии в цивилистической доктрине	162
Хугаева А.Н., Владычкина О.А. Актуальные вопросы недействительности сделок с коррупционной составляющей	167
Шафрановский В.С., Лишута И.В. К понятию конкурсного производства	173

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Базаева А.А., Бузарова Н.Х., Цакоев А.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, по уголовному кодексу штата Нью-Йорк	181
Борзова О.О., Караева Л.Х. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию детей	188
Бузарова Н.Х., Кесаев Д.О. Англосаксонская система уголовного права в современном мире и тенденции ее развития	196
Джиоева И.В., Качмазов О.Х. Проблемы определения понятия и объективных признаков убийств	212
Казиев А.З., Караева Л.Х. Проблемы квалификации латентных преступлений	220
Рассказов М.Ю., Сурхаев Г.Р., Барданова М.В. О реализации уголовной ответственности несовершеннолетних	228
Сидакова Т.М., Караева Л.Х. Мотив и цель как признаки субъективной стороны преступления	234

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

З. И. Бзаров, Л. Т. Кокоева

СПЕЦИФИКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТРУДОВОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ РАБОТОДАТЕЛЕЙ – ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В статье рассматриваются актуальные проблемы и специфика возникновения трудовой правосубъектности работодателей – юридических лиц, анализируются различные точки зрения и научные подходы к вопросу трудовой правосубъектности работодателя – юридического лица.

Ключевые слова: правосубъектность работодателя; юридическое лицо; физическое лицо; имущественный характер; организационный характер.

Учеными-юристами, которые занимались изучением проблемы трудовой правосубъектности работодателей, всегда уделялось достойное внимание вопросу установления предпосылок и условий возникновения трудовой правосубъектности работодателя. Как правило, вся совокупность условий в научной и учебной литературе подразделяется на две группы: экономические и организационные, либо – на имущественные и организационные.

Под имущественным критерием, как правило, понимается наличие у работодателя эксплуатационных и прочих средств, необходимых для того, чтобы производить работникам оплату их труда, осуществлять финансирование непрерывного производственного процесса (расходы на материалы, аренду офисных и производственных помещений, приобретение, эксплуатацию, ремонт оборудования), а также наличие расчетного счета в банке, иной кредитной организации.

Еще советскими учеными-юристами за предприятием признавалось право выступать в качестве субъекта трудовых пра-

воотношений, если: оно имело возможность осуществлять прием работников на работу, у него имелся обособленный фонд заработной платы, отдельный счет в банке, и оно имело имущество на самостоятельном балансе [13].

Под организационным критерием возникновения трудовой правосубъектности понималось наделение субъекта правами юридического лица. Так, по мнению М. П. Карпушина, ни один из признаков организации, являющейся юридическим лицом в гражданском праве, нельзя исключать у организации, являющейся самостоятельным субъектом трудового права, и наоборот, для того чтобы организация была признана субъектом трудового права, не требуется наделения ее никакими дополнительными признаками к тем признакам, которые образуют юридическое лицо в гражданском праве [10].

Сразу отметим, что почти все советские исследователи, занимавшиеся проблемой правосубъектности работодателя, выделяли в качестве субъекта трудовых отношений – работодателя – только государственные предприятия. Это было обусловлено тем, что работодателей – физических лиц в советский исторический период развития трудового права было очень незначительное количество, и поэтому их правовой статус был вне сферы внимания подавляющего числа исследователей.

В современной юридической литературе, анализируя проблему, связанную с правосубъектностью работодателя, ученые разделяют вопросы, связанные с работодательской правосубъектностью юридических лиц и работодателей – физических лиц.

В настоящем исследовании будут рассмотрены общие для всех видов работодателей (как юридических, так и физических лиц) предпосылки и условия возникновения правосубъектности в трудовом праве.

По мнению большинства исследователей, как было сказано выше, наиболее общими предпосылками для возникновения правосубъектности у работодателей указываются условия имущественного и организационного характера, которые необходимы для вступления в трудовые правоотношения. Е. Б. Хохловым выдвинуто предложение именовать их материальными и формальными условиями возникновения правосубъектности [11].

Материальной или имущественной предпосылкой возникновения особой правосубъектности у работодателя является

наличие целей конкретной деятельности, для реализации которых должно быть приобретено имущество. Эта имущественная обособленность субъекта будет позволять ему не только распоряжаться имуществом в определенных целях, но и заключать с работниками трудовые договоры. Наличие обособленного имущества является одним из главных условий возникновения правосубъектности у работодателя, так как его отсутствие не только не позволит работодателю обладать совокупностью прав и исполнять обязанности, которые вытекают из факта возникновения трудового правоотношения, но и быть способным отвечать по обязательствам.

Помимо этого, отсутствие цели деятельности превращает в бессмысленность само заключение трудовых договоров, и соответственно выступает в качестве препятствия для заключения трудовых договоров.

Данную позицию в той или иной степени поддерживают все авторы, которые обращались к исследованию проблемы правосубъектности работодателя.

Так, О. Б. Зайцева считает, что в качестве одного из значимых критериев работодательской правосубъектности выступает необходимость производить своевременно и в полном объеме оплату труда работников. В силу этого важнейшим критерием работодательской правосубъектности выступает наличие у любого работодателя (как юридического, так и физического лица) фонда оплаты труда, необходимого для выплаты работникам заработной платы [7].

При этом те риски, которые связаны с деятельностью, которую осуществляет работодатель, не могут быть возложены на работников. В процессе заключения трудовых договоров работодатель должен помнить, что трудовому отношению свойственен возмездный характер, и именно на работодателя возлагается обязанность производить оплату труда работников. Следовательно, работодатель должен быть платежеспособным и обладать определенным минимумом имущества, обеспечивающего оплату труда.

Нами не разделяется точка зрения тех исследователей, которые полагают, что этот минимум имущества должен быть в обязательном порядке направлен в фонд оплаты труда [6]. В современных экономических условиях распределение работо-

дателем своего имущества на фонды может носить скорее рекомендательный, чем обязательный характер.

При этом следует поддержать высказывание Т. А. Бойченко о том, что тот работодатель, который не обладает средствами для обеспечения работникам даже прожиточного минимума, не может использовать труд наемных работников [5].

Необходимо заметить, что среди юристов-исследователей не сложилось единого мнения в отношении организационного (формального) критерия. В правовой литературе имеется много различных подходов к данному вопросу.

Формальное признание со стороны государства правосубъектности организаций в качестве работодателя связывается одними учеными с моментом государственной регистрации организации в качестве юридического лица, другими учеными – с моментом утверждения устава организации [14] и даже с моментом заключения трудового договора. Для работодателей – физических лиц способность обладать особой правосубъектностью связывается с наличием трудовых договоров и с моментом прохождения регистрации в качестве индивидуального предпринимателя [12].

Отдельные ученые, специалисты трудового права, считают, что в качестве универсального формального критерия возникновения работодательской правосубъектности выступает факт регистрации работодателя в качестве плательщика единого социального налога в Пенсионный фонд, Фонд социального страхования, Фонд обязательного медицинского страхования.

Данная позиция не находит поддержки в научной среде. Так, против данной точки зрения выступают М. А. Жильцов и Ю. В. Жильцова, и задают обоснованные вопросы: что делать, если работодателем будут нарушены положения трудового и налогового законодательства и он не пройдет регистрацию в качестве налогоплательщика? Будет ли в этом случае означать, что работодательская правосубъектность у такого работодателя не возникла? В соответствии с мнением этих авторов, ответ должен быть только отрицательным, поскольку, «заключив трудовой договор и допустив работника к выполнению работы, лицом подтверждается факт вступления в трудовые отношения», иными словами, он в автоматическом порядке приобретает статус работодателя [11].

Поддерживая позицию, изложенную М.А. Жильцовым и Ю.В. Жильцовой, отметим, что единый социальный налог с января 2010 года не уплачивается. Но из тех же статей, что ранее были закреплены в ст. 235 НК РФ (утратила силу), на которую опирались в своих рассуждениях эти авторы, в настоящее время исходит ст. 11 Федерального закона от 15.12.2001 №167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» [2]. В соответствии с этой нормой регистрация и снятие с регистрационного учета страхователей осуществляются в территориальных органах страховщика:

1) работодателей – организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств, физических лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей;

2) нотариусов, занимающихся частной практикой, адвокатов, арбитражных управляющих, иных лиц, занимающихся частной практикой и не являющихся индивидуальными предпринимателями, физических лиц, заключивших трудовые договоры с работниками, а также выплачивающих по договорам гражданско-правового характера вознаграждения, на которые в соответствии с законодательством Российской Федерации начисляются страховые взносы;

3) организаций по месту нахождения их обособленных подразделений, которым для совершения операций открыты юридическими лицами счета в банках и которые начисляют выплаты и иные вознаграждения в пользу физических лиц, иностранных организаций, международных организаций, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

В ст. 6 Федерального закона от 16.07.1999 №165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» [3] в качестве страхователей указаны – организации любой организационно-правовой формы, а также граждане, обязанные в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах или федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования уплачивать страховые взносы.

В соответствии с нормой, закрепленной в п. 2 ст. 12 указанного Закона, за страхователями закреплена обязанность встать на учет и сняться с учета у страховщика в порядке, установленном законодательством РФ [3].

С учетом изложенного, можно сделать вывод: для возникновения работодательской правосубъектности субъекту необхо-

димо вступить в трудовые правоотношения и обладать правами страхователя.

Выделяя в качестве особых субъектов трудового права работодателей – физических лиц, государством устанавливается, кроме общих, также ряд дополнительных условий возникновения работодательской правосубъектности.

Стоит отметить, что ряд авторов полагает, что разные виды работодателей наделяются различной правосубъектностью. Так, в частности, Г. В. Казакова считает, что работодательская правосубъектность может быть общей, когда юридическое лицо способно предоставлять работу вне зависимости от видов деятельности, которые им осуществляются; а также специальной, которая в силу общего правила находится в зависимости от того вида деятельности, которую оно осуществляет [9]. Аналогичный вывод этот ученый делает и по отношению к работодателям – физическим лицам.

Отметим, что о специальной работодательской правосубъектности в свое время писал еще Н. Г. Александров. По мнению этого известного советского ученого: «В применении к работодательской правосубъектности термин «специальная правосубъектность» означает, что юридическое лицо способно приглашать к осуществлению трудовой деятельности работников тех категорий, которые необходимы для осуществления управленческих или признанных государством задач юридического лица» [4].

Вместе с тем, если рассматривать правосубъектность в качестве способности быть субъектом права, как предпосылку к правообладанию, то представляется, что в этом смысле правосубъектность работодателей будет равной. Полагаем справедливым утверждение З. К. Ильиных, которая считала, что иное будет вступать в противоречие с пониманием трудовой правосубъектности как абстрактной категории, выражающей способность быть участником отношений, регулируемых нормами трудового права [8].

Полагаем, что вести речь о специальной правосубъектности работодателя можно только в том случае, когда имеются работодатели – иные субъекты, которые наделяются законом – правом на заключение трудовых договоров. В данном случае речь идет о таких разновидностях работодателей, как представительства и филиалы юридического лица, государство в лице

органов исполнительной власти, общественные организации и профессиональные союзы. Работодательская правосубъектность каждого из названных субъектов трудового права ограничена положениями, закрепленными в нормах федеральных законов. Так, представительства и филиалы юридического лица могут реализовать работодательскую правосубъектность в пределах той компетенции, которая установлена в положениях и находит свое выражение в доверенности, которая выдана главе представительства или филиала юридического лица.

Правосубъектность органов исполнительной власти является ограниченной не только рамками их компетенций, которые устанавливаются положением о конкретном органе, но и объемом финансирования, выделяемого и заложенного в соответствующем бюджете на содержание органа.

Цели деятельности общественных организаций и профессиональных союзов не направлены на извлечение прибыли, поэтому труд работников сводится скорее к наличию управленческого аппарата, диктуется необходимостью, и в практической деятельности эти организации, как правило, стремятся к минимизации расходов на персонал.

Такие авторы, как М. А. Жильцов и Ю. В. Жильцова, в процессе рассмотрения проблемы работодательской правосубъектности выносят следующий вывод: в отличие от трудовой правосубъектности граждан, правосубъектность работодателя не может быть равной, как не может быть постоянной и неизменной. Эти специалисты трудового права считают, что объем работодательской правосубъектности находится в зависимости от вида и сферы деятельности, которую осуществляет работодатель [11].

Известным и неоспоримым является факт, что возможность или способность вступления в трудовое правоотношение является главным элементом работодательской правоспособности. При этом абсолютно не важной является сфера, в которой осуществляет свою деятельность работодатель: не имеет значения, является ли он коммерческой организацией или государственным (муниципальным) унитарным предприятием и т. д. Сущность трудового отношения как отношения, в основе которого лежит соглашение, заключенное между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции и подчинении работника правилам

внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и рядом иных нормативно-правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором (ст. 15 ТК РФ), не изменяется [1]. Для того чтобы работодатель обладал правосубъектностью, совершенно не имеет значения, какая именно трудовая функция выполняется работником, а соглашение о трудовой функции, в конечном итоге, есть реализация конкретных субъективных прав и обязанностей работодателя, которые не являются составной частью его правосубъектности.

Примечания:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 №197-ФЗ. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс» //
2. Федеральный закон «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» от 15.12.2001 №167-ФЗ // Российская газета, №247, 20.12.2001.
3. Федеральный закон от 16.07.1999 №165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» // Российская газета №139, 21.07.1999.
4. Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М., 1948. С. 203-204.
5. Бойченко Т.А. Правовой статус работодателя: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 27.
6. Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Трудовое право России. М., 2014. С. 67.
7. Зайцева О.Б. Трудовая правосубъектность как правовая категория. Оренбург, 2008. С. 186.
8. Ильиных З.К. Социалистические организации – субъекты советского трудового права. Свердловск, 1975. С. 88.
9. Казакова Г.В. Проблемы правосубъектности работодателя: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 17.
10. Карпушин М.П. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1958. С. 93.
11. Курс российского трудового права. Т. 1. Часть Общая. СПб., 2013. С. 411.
12. Машукова Е.М. Правосубъектность юридических лиц

как работодателей: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 13.

13. Советское трудовое право: Учеб. / Под ред. Н.Г. Александрова. М., 1982. С. 171.

14. Трудовое право России: проблемы теории/ Под ред. С.Ю. Головиной. Екатеринбург, 2012. С. 117.

Э.Т. Лазарова

СОВРЕМЕННОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО (ВОЛОНТЕРСТВО) В РСО-АЛАНИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье анализируется опыт волонтерского движения в современном российском социуме на примере Республики Северная Осетия – Алания, описываются основные проблемы, препятствующие развитию волонтерского движения в России, и рассматриваются перспективы этого направления.

Ключевые слова: волонтерское движение, Общественная палата РФ, проект «Социальная активность», социальные проекты.

2018-ый год, объявленный годом добровольца, стал знакомым для всех участников этого уникального движения. На заседании Госсовета в декабре 2018 года, посвященном развитию добровольчества и социально ориентированных некоммерческих организаций, отмечалось, что количество людей, участвующих в волонтерской деятельности, увеличилось в два раза. По данным социологических исследований, уровень доверия к волонтерскому сообществу вырос до 88 процентов. Россияне считают, что волонтерская деятельность приносит пользу обществу. Каждый четвертый житель страны стал задумываться о том, чтобы заняться волонтерством.

В Северной Осетии зарегистрировано 5 региональных представительств федеральных добровольческих организаций и 22 – республиканских, объединяющих более 12 тысяч человек. В республике активно реализуются добровольческие проекты и инициативы в сферах экологии, культуры, патриотического воспитания, оказания помощи социально уязвимым категориям населения, правоохранительным органам и помощь в чрезвычайных ситуациях. В авангарде волонтерской деятельности –

региональные отделения Российского движения школьников, «Волонтеры Победы», «Волонтеры медики». Северная Осетия стала одним из 6 пилотных регионов федерального проекта «Серебряные волонтеры России». На таких слетах, как «Всем миром», добровольцы регулярно обмениваются опытом. В 2018 году получил свое продолжение урбанистический проект «Город начинается с тебя». Проект объединяет молодежь, волонтеров, творческие, профессиональные и национально-культурные общества и способствует формированию регионального брендинга. Владикавказ стал одним из 5 городов – участников Всероссийского флеш-моба «Я могу».

Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 №135-ФЗ дает четкие определения понятий «благотворительной» и «добровольческой (волонтерской) деятельности». В законе введено понятие волонтерской (добровольческой) организации и организации – организатора добровольческой (волонтерской) деятельности, определены полномочия федеральных и региональных органов государственной власти по поддержке волонтерской (добровольческой) деятельности. Впервые на законодательном уровне четко определены основные условия занятия добровольческой деятельностью. Предусматривается, что добровольцы могут осуществлять свою деятельность как индивидуально, так и в составе организаций, определены правовые условия осуществления добровольцами своей деятельности, которые могут быть закреплены в гражданско-правовом договоре между добровольцем и благополучателем, либо юридическим лицом [1].

Общественная палата РСО-Алания провела общественные слушания, представив свои заключения в Общественную палату РФ. Правительством Российской Федерации пока не разработаны и не приняты подзаконные акты, регламентирующие взаимоотношения организаторов волонтерской деятельности с подведомственными государственными учреждениями.

В 2017 году Агентством стратегических инициатив разработан Стандарт поддержки добровольчества, который включает в себя девять шагов по ключевым направлениям: вовлечение и поддержка добровольчества всеми заинтересованными региональными органами исполнительной власти, разработка прозрачного порядка взаимодействия органов власти и добро-

---

вольцев и добровольческих организаций, оказание мер поддержки в сфере инфраструктуры, подготовка добровольцев и должностных лиц, стимулирование добровольцев, финансовая и информационная поддержка добровольчества.

С 1 января 2019 года в рамках национального проекта «Образование» реализуется федеральный проект «Социальная активность». Одна из его ключевых задач – расширение участия по вовлечению к 2024 году в добровольческую деятельность 20% россиян – это практически 30 млн. человек. Запланированные проектом мероприятия, в частности, направлены на решение задачи неравномерности развития в регионах добровольческих центров, запуск системных программ финансовой поддержки для обучения добровольцев. В рамках проекта будет создана инфраструктура для поддержки деятельности волонтеров, подготовлены профессиональные кадры для работы с ними, проведены конкурсы по вовлечению школьников в добровольческие движения. По линии развития добровольчества в рамках федерального проекта в период до 2024 года будут направлены средства в объеме чуть более 27 млрд. рублей.

Во исполнение поручений Президента РФ по итогам заседания Госсовета 27 декабря 2018 года (№Пр-38ГС от 16.01.2019 г.) разработана «дорожная карта» развития добровольческого (волонтерского) движения в РСО-Алания.

Правительство Российской Федерации утвердило два документа, в которые включены мероприятия по развитию добровольчества, популяризации волонтерства, деятельности СО НКО и благотворительности.

В Плане мероприятий по реализации Концепции развития добровольчества до 2025 года прописаны меры по совершенствованию нормативно-правового регулирования, поддержке добровольческой деятельности граждан, международному сотрудничеству, корпоративному волонтерству и развитию движения в субъектах РФ. Документ предполагает большой объем работы по анализу и снятию барьеров, препятствующих деятельности волонтеров, запуску образовательных программ и программ поддержки отраслевого волонтерства в здравоохранении, социальной защите, культуре, экологии и других областях.

В свою очередь, План мероприятий по популяризации добровольчества, деятельности СО НКО и благотворительности включает работу по оказанию информационной поддержки до-

бровольческим организациям и НКО, размещению социальной рекламы, распространению информации в СМИ и интернете, созданию кинофильмов, музыкальных и видеопроизведений. Документ закрепляет полномочия органов региональной власти и местного самоуправления в части стимулирования и развития волонтерской деятельности: предполагается, что у каждого ведомства будет свой собственный план деятельности по развитию добровольчества. Таким образом, значительная часть мероприятий связана с тем, чтобы органы власти содействовали развитию добровольческой деятельности в границах своих полномочий. Этот план позволит держать тематику волонтерства, благотворительности в фокусе внимания, не снижая уровень их присутствия в медийной повестке, особенно после Года добровольца.

Документы разрабатывались при участии Министерства экономического развития РФ, Общественной палаты РФ, Агентства стратегических инициатив, Роспатриотцентра и Ассоциации волонтерских центров. Оба плана составлялись с учетом мнений и предложений волонтеров и активистов со всей России. Для сбора предложений к внесению в планы Ассоциацией волонтерских центров были организованы общественные дискуссии в 83 регионах страны, в том числе в Северной Осетии. В общей сложности участие в работе приняли 2038 активистов, было высказано 1079 предложений, из которых 94 вошло в итоговый список.

Совет Общественной палаты Северной Осетии поддержал и направил в Общественную палату РФ региональные предложения в Концепцию развития добровольчества до 2025 года, выработанные по итогам состоявшихся во Владикавказе общественных слушаний [2].

Представители волонтерских организаций Северной Осетии считают необходимым конкретизировать в Концепции вопросы создания системы бонусов для членов добровольческих организаций в рамках развития корпоративного добровольчества, снижения налоговых ставок по налогу на прибыль и налогу на имущество добровольческих организаций, включения добровольческой деятельности в список приоритетных факторов при трудоустройстве на работу в профильные учреждения, фирмы и ведомства, создания единого информационного добровольческого портала и единого мобильного приложения...

Единственный район республики, который, по мнению участников дискуссии, нуждается в ресурсном центре поддержки волонтерства, – Моздокский. Расположенный далеко от столицы республики, граничащий сразу с несколькими другими субъектами региона, имеющий сложную национальную структуру, Моздокский район нуждается в особой поддержке инициатив, направленных на развитие молодежной политики.

Еще одно из предложений Северной Осетии – установить единую федеральную систему оценки деятельности волонтера и распределения дополнительных баллов к результатам ЕГЭ при поступлении в ВУЗ. Статус волонтера в числе индивидуальных достижений учитывается, если с даты завершения волонтерской деятельности до момента поступления прошло не более 4 лет. Каждый вуз сам решает, сколько баллов и за какие заслуги присвоить волонтеру. Однако в отличие от многих других регионов России, где активная волонтерская деятельность абитуриента поощряется 5 дополнительными баллами, в Северной Осетии вузы прибавляют лишь один балл.

Для системного развития волонтерства, отмечали участники общественных слушаний, состоявшихся на площадке Общественной палаты Северной Осетии, необходимо не только введение Стандарта, но разработка и успешная реализация соответствующей региональной программы. В качестве проблем были названы: практика использования волонтеров как бесплатной рабочей силы, отсутствие информационной поддержки деятельности добровольческих объединений со стороны республиканских СМИ, а также неэффективное взаимодействие общественных благотворительных и добровольческих организаций между собой.

В ходе общественного обсуждения на площадке Общественной палаты Северной Осетии были затронуты темы налогового обложения некоммерческих организаций, возможность трудоустройства активных волонтеров в министерства и подведомственные организации, создание на национальном телевидении молодежной программы, медийная работа с факультетом журналистики Северо-Осетинского государственного университета.

Существенным барьером, сдерживающим приход в волонтерское движение, является неразвитость инфраструктуры – различных волонтерских центров, готовых работать с гражда-

нами, а также недоступность информации о проходящих социальных акциях и проектах. Российские волонтерские ресурсные центры начали создаваться сравнительно недавно и находятся в стадии поиска собственных стратегий развития: такие центры создаются как силами социально ориентированных некоммерческих организаций, так и при содействии государства.

Своеобразным «штабом» для волонтеров Северной Осетии стал открывшийся в феврале 2018 года во Владикавказе по инициативе депутата Государственной Думы РФ Артура Таймазова Ресурсный Центр поддержки добровольцев. В активе центра – несколько масштабных акций, например слет волонтеров «Добрая воля Кавказа», который собрал во Владикавказе более 1100 добровольцев из всех республик СКФО, а также федеральных и региональных экспертов, представителей органов власти, НКО и бизнеса.

Продолжает свое развитие ответственное и значимое направление добровольчества – добровольчество в чрезвычайных ситуациях. Общероссийская общественная организация «Российский союз спасателей», системно взаимодействуя с МЧС России, органами исполнительной власти субъектов Федерации, осуществляет деятельность в области пожарной безопасности, проведении поисково-спасательных работ, оказывает помощь пострадавшим в результате стихийных бедствий, иных катастроф и социальных конфликтов, ведет активную работу по подготовке различных слоев населения правилам и навыкам оказания первой помощи пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций, а также популяризирует идеи добровольчества, гуманизма и милосердия. В составе организации более 24 тыс. добровольных спасателей.

Северо-Осетинское региональное отделение «Всероссийского студенческого корпуса спасателей» в 2019 году выиграло президентский грант в размере 5389424 рублей. Проект направлен на создание первого на Северном Кавказе ресурсного центра по поддержке добровольчества в сфере культуры безопасности и ликвидации последствий стихийных бедствий, который на своей базе сможет не только совершенствовать теоретические и практические навыки студентов-спасателей Северной Осетии, но и будет центром притяжения всего направления волонтерства в чрезвычайных ситуациях в СКФО.

Важным направлением добровольческой деятельности выступает наставничество. Как правило, речь идет о привлечении профессионалов пенсионного возраста в качестве профнаставников для молодых специалистов. Этот вопрос рассматривался в рамках форумов «Сообщество» в регионах России, в том числе во Владикавказе и в Махачкале. Участники обсуждений пришли к выводу, что дальнейшему развитию наставничества будет способствовать государственная поддержка и координация усилий государства и гражданского общества. Предложено предусмотреть государственную поддержку развития наставничества в рамках федеральных приоритетных проектов, направленных на повышение производительности труда, разработать нормативные правовые акты о развитии наставничества в различных сферах, рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации на конкурсной основе предоставлять гранты НКО [3], реализующие социальные проекты по развитию наставничества, и ряд других мер.

Наставничество возрождается и в Северной Осетии. Так, практика наставничества Северо-Кавказского аграрно-технологического колледжа (СКАТК) в 2018 году была признана лучшей в федеральном округе в номинации «Дети учат детей». В этом колледже опробована схема, когда студенты 3-4 курса, проявившие себя в конкурсных процедурах WorldSkills Russia, становятся молодыми наставниками первокурсников при прохождении ими производственной учебной практики в первый месяц обучения. Коллективом СКАТК проработаны условия законного включения практики наставничества «студент-студент» в учебный процесс.

Пример наставничества на производстве – Владикавказский вагоноремонтный завод. Опытный мастер передает ученику знания о специфике работы, с которой он хорошо знаком, на конкретном рабочем месте. Школьники Северной Осетии участвуют в совместном проекте Общественной палаты Северной Осетии, Общественного Совета при Министерстве промышленности республики и Северо-Осетинского госуниверситета «Инженер – профессия будущего». Программа разработана, чтобы рассказать и показать ребятам – выпускникам средних школ, насколько профессия инженера интересна и престижна. Куратор программы, старший инженер ООО «Владикавказский технологический центр «Баспик», член Общественной палаты

Северной Осетии и председатель Общественного Совета при Министерстве промышленности республики Виталий Савенко представил этот наставнический проект и на форуме Общественной палаты «Сообщество» в Махачкале.

2018 год принес немало заслуженных побед Северо-Осетинским волонтерам. Проект по восстановлению переднеазиатских леопардов в Осетии, в котором участвует волонтерский экологический отряд «Барс», признан лучшей социально-экологической инициативой 2018 года и удостоен престижной Национальной экологической премии им. В. И. Вернадского.

Событием, подводящим итоги Года добровольца, стал конкурс «Доброволец России».

В номинации «Уверенные в Будущем!» победителем стал автор проекта, открывшегося в высокогорном селении Унал этнографического музея «Родовые Башни» Заурбек Цаллагов. В 2019 году конкурс запущен в новом формате – появились 12 обновленных номинаций, создана программа «Акселерация» – трехмесячная программа развития и обучения инициаторов самых успешных проектов. Конкурс становится значимым социальным лифтом для волонтеров. В 2018 году конкурс получил новый размах – подано 15839 заявок (в 2017 году было подано около 1,6 тыс. заявок).

Примечания:

1. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11.08.1995 №135-ФЗ (ред. от 05.05.2014) [Электронный ресурс] / СПС Консультант Плюс (тексты нормативных актов, комментарии экспертов, образцы документов, законопроекты) // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2020 г.).

2. Сайт Общественной палаты Республики Северная Осетия – Алания. [Электронный ресурс] // <https://oralania.ru/> (дата обращения: 15.01.2020 г.)

3. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 №7-ФЗ (ред. от 31.01.2016) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс (тексты нормативных актов, комментарии экспертов, образцы документов, законопроекты); Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 №82-ФЗ (ред. от 31.01.2016). [Электронный ресурс] / СПС Кон-

---

сультант Плюс (тексты нормативных актов, комментарии экспертов, образцы документов, законопроекты). // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2020 г.).

А. А. Хугаева, З. О. Моргоева

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ И МЕХАНИЗМОВ АДАПТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ

В статье рассматриваются теории, описывающие процесс адаптации этнических мигрантов в инокультурной среде, их поведенческую взаимосвязь с определенным периодом нахождения в новом обществе и влияние на это общество.

Ключевые слова: этничность, социальная адаптация, миграционные процессы, аккультурация, ассимиляция.

Будучи многонациональным государством, Россия издавна сталкивалась с проблемой отношений народов, населяющих ее. В настоящее время миграция народов из южных регионов нашей страны становится, с одной стороны, привычным и не вызывающим удивления явлением, а с другой – процессом, болезненно переносимым как принимающим обществом, так и мигрантами. В «традиционных» обществах идентификация индивида с крупными, относительно стабильными социокультурными общностями (этническими, религиозными, региональными) была способна обеспечить, с одной стороны, развитие чувства защищенности и ощущение стабильности окружающего мира, с другой, – формировала у индивида чувство «контролируемости» его поведения и жизни в целом со стороны той социальной группы, с которой он себя идентифицирует.

Идентичность индивида формирует его характер и вырабатывает личностные особенности, которые задают тенденцию в дальнейшем социокультурном взаимодействии и сосуществовании с иными этническими группами. От характера и типа идентичности зависит также способ адаптации, насколько она пройдет успешно и комфортно в непривычной для индивида среде.

Анализ теоретических и эмпирических исследований адаптации мигрантов ориентирован, в первую очередь, на выявление ключевых критериев успешности адаптационного процесса.

Сегодня анализ проблем адаптации мигрантов и гармонизации социальной и политической жизни поликультурного общества входит в число приоритетных исследовательских тем.

На сегодняшний день существует большое число работ как зарубежных, так и отечественных авторов, в фокусе внимания которых – проблемы и механизмы адаптации человека к меняющимся условиям. Но, несмотря на это, так и не сложилось единой теории, позволяющей точно описать мотивы адаптации, ее характер, структуру, свойства, критерии.

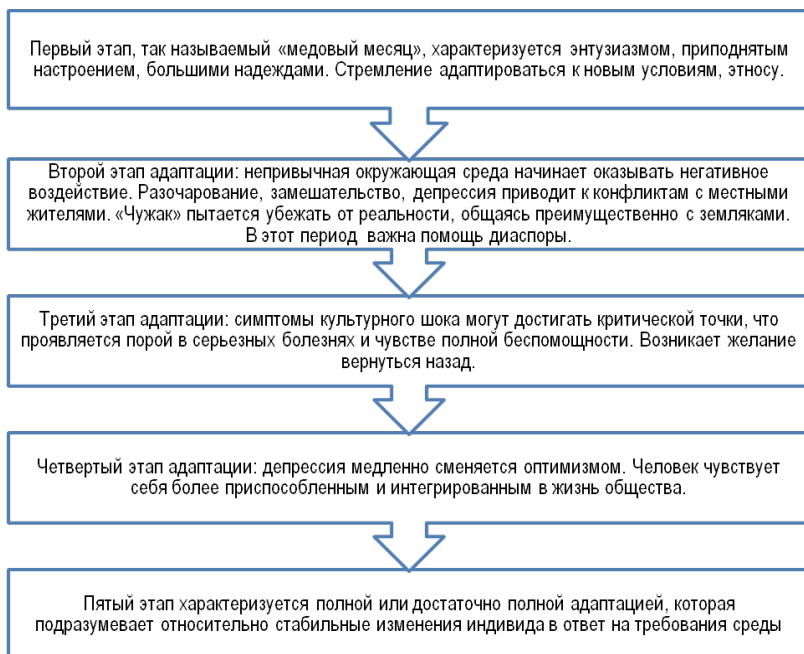
Для начала обратимся к справочным материалам для определения понятия «социальная адаптация». Итак, «социальная адаптация» – это «приведение индивидуального и группового поведения в соответствие с господствующей в данном обществе, классе, социальной группе системой норм и ценностей» [2]. Заметим, в этой связи, что при трактовке понятий «адаптация», а также «социальная адаптация» большинство исследователей обращается к структурно-функционалистской социологической парадигме.

Л. А. Хакулина отмечает, что социальная адаптация, как механизм интегрирования индивида в новую социальную среду, с перспективой превращения этой новой среды в свою сферу существования, включает в себя несколько составляющих. А именно: «внедрение в среду, принятие и усвоение ее норм и ценностей, активное отношение субъекта к данной среде для наиболее полного удовлетворения обоюдных интересов» [8].

С точки зрения нормативного подхода социальная адаптация – это перманентный контроль над поведением адаптирующегося индивида, а точнее над степенью его соответствия доминирующим в новом обществе нормам поведения и ценностям. Нормы и ценности в данном случае всегда являются неким принудительным аспектом социализации.

Т. Г. Стефаненко в работе «Этнопсихология» приходит к выводу, что разные сферы адаптации выполняют разные функции. Так сфера культуры исполняет роль гаранта сохранения собственной идентичности и временной преемственности индивидов. В результате они стремятся к консервации культуры стра-

ны выхода, что можно расценивать как настрой на сепаратизм. А бытовая и, в еще большей степени, профессиональная сферы призваны гарантировать приобщение приезжего к новым условиям существования, поэтому в них значимо преобладает интеграционная стратегия [7]. Т. Г. Стефаненко рассматривает кривую процесса адаптации, выделяя в этом процессе пять этапов (рисунок 1).

Рисунок 1. Стефаненко Т. Г.: процесс социальной адаптации мигрантов

В целом описанные закономерности подтверждаются в кросс-культурных исследованиях адаптации мигрантов на примерах разных этнокультурных общностей.

С целью формирования перечня критериев успешности адаптационного процесса, полезным для нас оказывается подход, связанный не с попытками перечисления как можно большего числа критериев, а с выделением факторов-комплексов, что позволяет охватить разные стороны адаптационного процесса и проследить его логику в целом. Например, П. С. Кузне-

цов выделяет семь таких комплексных факторов, влияющих на успешность адаптации: экономический (материальный), самосохранения, регулятивный, воспроизводственный, коммуникативный, когнитивный и самореализации [3]. Каждый комплексный фактор включает в себя ряд частных факторов.

Экономический (материальный)	объединяет факторы, связанные с получением средств к существованию (заработная плата, приработок, нетрудовые доходы, выплаты, материальные стимулы, доступ к дефициту)
Самосохранение	включает факторы, которые связаны с реализацией безопасности существования: физической и экономической (угроза жизни и здоровью, возможность потери источника существования, привлечение к уголовной ответственности)
Воспроизводственный	содержит факторы, отражающие реализацию сексуальных потребностей человека, включая сексуальные отношения, создание семьи, продолжение рода (сексуальный партнер, брачный партнер, дети)
Коммуникативный	включает факторы, которые связаны с реализацией потребностей человека в общении (глубина общения, круг общения, положение в группе)
Когнитивный	содержит факторы, отражающие реализацию когнитивных потребностей (образование, квалификация, интеллект, кругозор).

Рисунок 2. Кузнецов П. С.: факторы успешности социальной адаптации мигрантов

Самореализация – самый сложный комплексный фактор – может включать в себя любой из перечисленных выше факторов при условии, что реализация тех потребностей, которую они отражают, приобретает для человека ценность. Комплексный фактор самореализации определяется через понятия «творение», «достижение», «мастерство», «власть», «авторитет», «престиж».

Очевидно, что выделенные комплексы соответствуют основным потребностям человека. Первые четыре характеризуют низшие – дефицитарные, по терминологии А. Маслоу – потребности. Три других фактора характеризуют высшие – бытийные – потребности. Именно удовлетворение высших потребностей дает ощущение радости, тогда как удовлетворение дефицитарных потребностей обеспечивает само поддержание жизни.

Принципиально иные цели и задачи ставит перед собой идеология и политика мультикультурализма. Жесткий мульт-

---

тикультуралистский подход заключается в том, что общество должно принимать активные меры для обеспечения мигрантам и представителям меньшинств не только полноценного участия в жизни общества, но и максимальных возможностей для сохранения особой идентичности и традиций. Разнообразие следует не просто терпеть – его нужно поощрять и поддерживать, используя при этом как финансовые, так и правовые инструменты. Взаимодействие культур видится как путь их взаимного обогащения и развития [5].

Два важных положения формируют идеологическую основу мультикультурализма:

- члены этнических групп могут сохранять свою этническую уникальность и
- они чувствуют себя в безопасности в поликультурной среде [12].

Впрочем, эти положения выглядят обоснованными и непротиворечивыми только «на бумаге». В реальности же практики межкультурного взаимодействия рано или поздно сталкиваются с вопросом: «До какой степени культурное многообразие можно считать приемлемым? Есть ли «граница толерантности», как установить четкие и устраивающие всех правила общежития, когда в непосредственном соседстве сосуществуют люди с разными культурными традициями, как достичь общего согласия и относительно того, какие нормы поведения считать приемлемыми в общественных местах, и относительно того, какие вопросы могут легитимно считаться прерогативой государства?»

Столкновение с иными культурами неизбежно несет угрозу устоявшимся мнениям о том, что считать правильным и неправильным, хорошим и плохим, и, соответственно, наталкиваться на противодействие людей идеологии мультикультурализма, призывающей изменить если не свое поведение, то образ мысли.

Известнейшим теоретиком по теме проблем адаптации мусульман к ценностным ориентациям и условиям нового социокультурного сообщества является исламовед, этнолог и культуролог Сейла Бенхабиб. Рассматривая существующие в разных государствах формы взаимодействия обычаев и права, С. Бенхабиб ищет ответ на самый острый и проблемный вопрос теории мультикультурализма – в какой мере и каким образом

возможно совместить притязания культур на сохранение своей самобытности с основополагающими ценностями западной демократии – свободой и равенством всех граждан. Данную концепцию мультикультурализма разделяют и многие отечественные исследователи (Владислав Галецкий [1], В. Малахов [4], П. Мошняга [6], М. Толстанова, В. А. Тишков [4]).

Переход с уровня государственной идеологии и политики «принимающего» общества в отношении взаимодействия с этническими меньшинствами, в том числе и в первую очередь – с мигрантами, на уровень анализа адаптационных стратегий самих мигрантов предполагает рассмотрение различных вариантов аккультурации. Авторитетным канадским исследователем Дж. Берри была предложена модель аккультурации, доказавшая свою жизнеспособность в большом числе исследований стратегий аккультурации, выполненных на разном в культурном отношении материале.

Принимая во внимание тот факт, что, по мнению Дж. Берри, для выбора той или иной стратегии, ключевым вопросом, который решается мигрантом в процессе адаптации к новой социокультурной среде, оказывается вопрос о сохранности прежней или формировании новой/новых социокультурной идентичности. Предваряя изложение концепции Дж. Берри, необходимо обратиться к анализу подходов к определению этнической и гражданской идентичности.

Термины «этничность» и «этническая идентичность» пришли в советскую науку в конце 1980-х годов вместе с работами, в первую очередь, американских социологов и антропологов [11] и относительно быстро начали составлять конкуренцию привычным для советского этнографа терминам «этнос» и «этническое самосознание». Сегодня этничность – понятие, широко используемое в ряде наук (этнологии, географии, социологии, геоэтнологии и др.). Оно обозначает относительно устойчивые группы, существующие на определенной территории и внутренне сходные по своим культурным, языковым и прочим особенностям, характеру самоидентификации, отличающиеся от других образований подобного рода.

Современная концепция этничности делает акцент, прежде всего, на ее процессуальной (социально конструируемой) сущности, подвижном характере современных поликультурных обществ. Изучение понятия этничности ведут ученые в

большинстве западных стран, существует несколько подходов к его определению среди различных школ и отдельных исследователей.

Канадский исследователь Дж. Берри предлагает модель, позволяющую описать спектр стратегий аккультурации, выбираемых мигрантами. Модель основана на анализе установок мигрантов в отношении к двум принципиально важным проблемам, которые ставит перед ними необходимость вхождения в новую культурную среду.

Первая проблема – поддержание и развитие этнического своеобразия: индивид должен решить, насколько ценны его исходная культурная идентичность и традиции родной культуры, и нужно ли их сохранять.

Вторая проблема – степень готовности и желания мигранта контактировать с представителями других культур: нужно решить, представляют ли ценность отношения с принимающим сообществом, следует ли их налаживать и укреплять.

В зависимости от решения обеих проблем (для построения модели Берри использует дихотомичные значения («да» и «нет»)) формируется «координатное поле» аккультурационных опций (одновременно стратегий и последствий) для индивидов и групп в полиэтнических обществах. Это следующие опции: ассимиляция, интеграция, сепарация и маргинализация.

Ассимиляция – отказ от исходных культурных идентичностей и стремление к интеграции в более крупное сообщество (ответ на первый вопрос «нет», а на второй «да»). Эта стратегия может осуществляться либо путем поглощения недоминирующей группы сложившимся большинством, или путем соединения многих групп в «плавильном котле».

Противоположный вариант (ответ на первый вопрос «да», а на второй «нет») – стратегия сегрегации или сепарации – избирается при отсутствии значимых отношений с большим обществом и ориентации на сохранение этнической идентичности и традиций. В зависимости от того, какая группа контролирует ситуацию и инициирует выбор стратегии раздельного существования, эта опция может принять форму либо сегрегации (доминирующая группа препятствует интеграции мигрантов в жизнь сообщества), либо сепарации (меньшинство ориентировано на сохранение традиционного стиля жизни ценой отказа от участия в жизни большего общества).

Отрицательное решение обеих проблем – отказ от прежней культурной идентичности и невозможность обретения новой – истоки маргинализации. Ее сложно считать осознанно избираемой стратегией, поскольку она сопровождается коллективными и индивидуальными замешательством и стрессами [9]. Такая форма аккультурации приводит к потере группой культурный и психологический контакт, как со своей традиционной культурой, так и с культурой большего общества (либо путем исключения, либо путем отказа) и порождает классическую ситуацию маргинальности [9].

И, наконец, вариант аккультурации, подразумевающий как сохранение культурной целостности группы, так и стремление войти в качестве равноправного члена в большое сообщество (положительное разрешение обеих проблем), получил название интеграции. Когда такая стратегия широко распространяется, тогда появляется несколько разных этнических групп, которые сотрудничают внутри большей социальной системы.

Подчеркнем, что выделенные и описанные Дж. Берри стратегии представляют собой индивидуальные формы прохождения процесса аккультурации, и даже члены одной семьи мигрантов теоретически могут придерживаться разных стратегий, что иллюстрирует Бери, рассматривая гипотетическую семью, которая мигрировала из Италии в Канаду [10].

Учитывая, что выбор той или иной стратегии адаптации совершается индивидом в зависимости от его установок на сохранение прежних/обретение новых социокультурных идентичностей, нами были рассмотрены основные теоретические подходы к пониманию адаптационного процесса. Таким образом, адаптация предстает как комплексный феномен, в котором тесно связаны психологический, социальный, экономический и культурный аспекты.

Примечания:

1. Галецкий В. Критическая апология мультикультурализма// «Дружба Народов». 2006. №2. С. 8.
2. Глущенко Г.И., Пономарев В.А. Миграция и развитие. СПб.: Экономика, 2009; Социальные трансформации в России. Процессы и субъекты. М.: Едиториал УРСС, 2002.

---

3. Кузнецов П. С. Концепция социальной адаптации. Саратов, 2000.

4. Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 56.

5. Мاستикова Н. С. Изменения, привносимые мигрантами, и их оценка россиянами (по данным Европейского социального исследования) // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 160-169. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37144422>

6. Мошняга П. А. Билингвальное образование в Японии: межкультурная коммуникация vs мультикультурализм // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 4. 2010. С. 10-11.

7. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2008.

8. Хакулина Л. А. Система понятий в современных исследованиях трудовых ресурсов: Автореф. дисс... канд. экон. наук. Новосибирск, 1995. С. 9.

9. Berry J. W., Annis R. C. Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation. // Journal of Cross-Cultural Psychology. 5. 382-406. 1974.

10. Berry J. W., Kim U., Power S., Young M., Bujaki M. Acculturation attitudes in plural societies. // Applied Psychology, 38, 185-206, 1989.

11. Glaser N., Moynihan D. P. (Eds.). Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge (Mass.), 1975.

12. Moghaddam F. Managing cultural diversity: North American experiences and suggestions for the German unification process // International Journal of Intercultural Relations. 1993. 28. P. 727.

А. А. Дзагоев

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЛИЯНИЕ НА ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ

Статья посвящена характерным особенностям и признакам цифровизации экономики. Приводятся ключевые даты цифровизации, особое внимание обращается на развитие цифровой экономики в России, основным инструментом которого на государственном уровне является реализация национального проекта «Цифровая экономика». Проанализированы характерные особенности и результаты развития цифровизации в мире. На основе глобальных рейтингов и исследований показано отставание России по темпам внедрения цифровых технологий в промышленности от лидирующих стран.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, инновации, производительность труда, автоматизация, «индустрия 4.0», система управления.

Цифровизация – это современный тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации и процессе перевода организации в более гибкое состояние.

Основными этапами цифровизации являются:

– 1933 год – немецким инженером Конрадом Цузе впервые была разработана ЭВМ.

– 1945 год – инженером Конрадом Цузе впервые был разработан алгоритмический язык программирования Plankalkyl для своей ЭВМ.

– 1964 год – появилась сеть ARPANET, приближенная к современному интернету.

– 1972 год – разработан протокол передачи данных TCP/IP.

– 1994 год – появилось понятие «цифровая экономика», в том же году появилась Napster – первая пиринговая сеть для обмена файлами. Это дало начало электронной торговле.

– 1994 год – одно из важных событий в сфере цифровизации – канадский консультант и экономист по бизнесу Дон Тапскотт написал книгу под названием «Digital Economy» [6].

– 1995 г. – американец Николас Негропonte (Массачусетский университет) впервые ввел в употребление понятие «цифровизация».

– 1999 год – президент США Билл Клинтон поручил организовать конференцию по измерению цифровой экономики. Цифровая экономика получила особое внимание на уровне государства.

В России о цифровой экономике активно заговорили после послания Президента Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г [1]. Развитие цифровой экономики в России планировалось за счет использования больших массивов данных, нейро-, нано, квантовых технологий, искусственного интеллекта, робототехники, сенсорики, виртуальной и дополненной реальности.

В Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» содержится следующая формулировка:

«Цифровая экономика – экономическая деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов информации и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг».

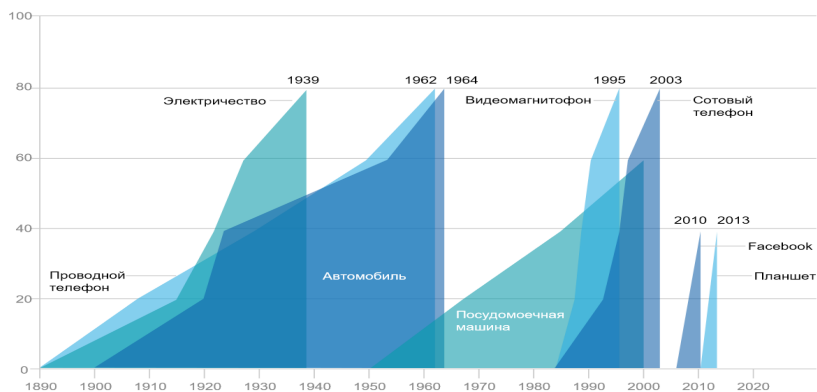
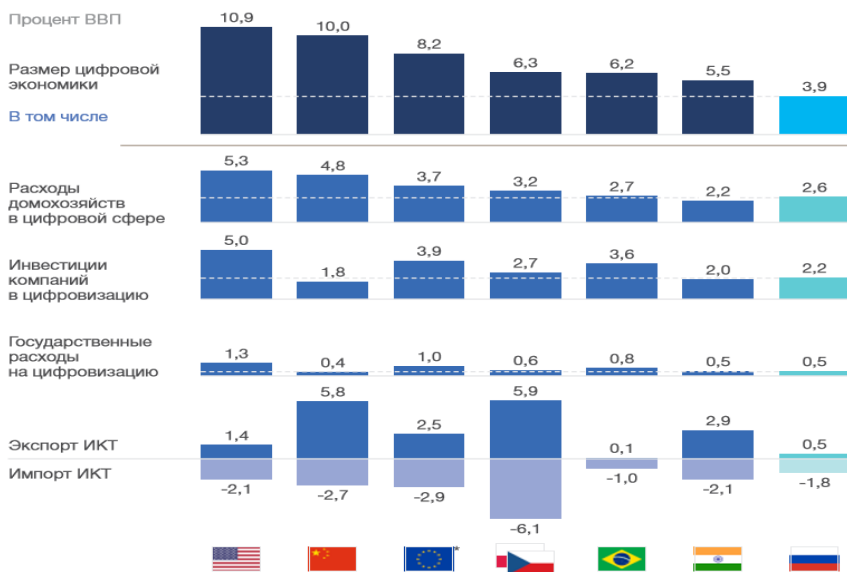

Рисунок 1. Скорость внедрения глобальных инноваций

В настоящее время развитие экономики сопровождается высоким уровнем конкуренции, чтобы быть конкурентоспособными на рынке, организации разрабатывают и внедряют инновации. Скорость их развития и внедрения продолжает увеличиваться (рисунок 1).

Путь от изобретения автомобиля к его массовому использованию составляет 50 лет. На данном этапе путь от внедрения до массового использования планшета составляет менее 3 лет. Увеличение скорости развития и внедрения инноваций происходит каждый год. Такое совершенствование влияет как на экономику, так и на качество жизни общества. Появляются бизнес-модели, которые 20 лет назад не имели прогнозов на такое массовое использование, – службы такси, без собственных автомобилей, банки, не имеющие физических отделений и т. д.

Рисунок 2. Вклад цифровой экономики в ВВП России и его составляющие в сравнении с другими странами

В проведенном в 2017 году организацией Digital Evolution[№]исследовании Россия в рейтинге цифровых экономик занимает 39 место, находясь на одном уровне с Индией, Малайзией и Филиппинами. Лидерами в данном рейтинге являются Норве-

гия, Швеция, Швейцария. В 10 лучших стран данного рейтинга входят: США, Великобритания, Дания, Финляндия, Сингапур, Южная Корея, Гонконг.

Вклад такого показателя, как объем цифровой экономики в совокупный ВВП страны, в России составляет 3,9%, что примерно в 2-3 раза ниже, чем в США, Китае и странах ЕС (рисунок 2). Наиболее значимый вклад в цифровизацию экономики страны вносят цифровые расходы домохозяйств (2,6% ВВП), что ниже, чем в среднем у стран данного рейтинга (3,6%).

Вклад цифровой экономики в мировой ВВП к 2025 году прогнозируется в объеме до 11,1 трлн. долл. США [4].

Если рассматривать процесс цифровизации экономики в разрезе рынка труда, то в России рынок труда практически не изменился под влиянием цифровых технологий.

По данным прогноза Глобального института McKinsey, в отдельных странах к 2036 году уже будет автоматизировано от 2 до 50% работы в человеко-часах, а к 2066 году эта доля составит от 46 до 99% [5]. В первую очередь автоматизация коснется алгоритмизированных работ, которые требуют предсказуемых физических операций, анализа и сбора информации, а также рабочих мест средней квалификации.

В России в настоящее время действуют «Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы», а также национальный проект «Цифровая экономика». Сроки реализации национального проекта начинаются с 2018 года по конец 2024 года.

Основными целями национального проекта являются:

1. Увеличение затрат на развитие цифровой экономики не менее чем в 3 раза по сравнению с 2017 годом.

2. Создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных.

3. Использование преимущественно отечественного программного обеспечения государственными органами, органами местного самоуправления и организациями.

Общий бюджет национального проекта составляет 1634,9 млрд. рублей. Он распределяется на федеральные проекты, входящие в национальный проект:

- Нормативное регулирование цифровой среды (1,7 млрд. рублей).

- Информационная инфраструктура (772,4 млрд. рублей).
- Кадры для цифровой экономики (143,1 млрд. рублей).
- Информационная безопасность (30,2 млрд. рублей).
- Цифровые технологии (451,8 млрд. рублей).
- Цифровое государственное управление (235,7 млрд. рублей).

В настоящее время мировая экономика находится в процессе перехода к 4-й промышленной революции – так называемой «Индустрии 4.0». «Индустрия 4.0» берет свое начало от инициативы 2011 года, определяемой как инструмент воздействия на конкурентоспособность обрабатывающей промышленности Германии через усиленное взаимодействие и внедрение киберфизических систем в заводские процессы. Изменения под воздействием «Индустрии 4.0» коснутся разных сторон жизни: рынок труда, качества жизни общества, политических систем и т. д.

Характерными особенностями «Индустрии 4.0» станет широкое развитие и внедрение следующих сфер:

- анализ больших объемов информации;
- 3D обучение и 3D зрение;
- промышленный интернет вещей;
- виртуальная и дополнительная реальность;
- трехмерные печать и моделирование;
- робототехника и беспилотные летательные аппараты.

Эти инновационные методы уже сейчас преобразуют промышленность во всем мире и оказывают влияние на производительность и рынок труда в сравнении с прошлыми революциями [3].

Организации, которые смогут внедрить все ключевые рычаги управления с помощью технологий «Индустрии 4.0» получат устойчивое конкурентное преимущество и возможность усилить свои позиции, как на домашних рынках, так и за территорией своей страны.

Выделяют 8 основных рычагов создания добавленной стоимости вследствие внедрения технологий «Индустрии 4.0» на производстве:

1. Оптимизация режимов работы оборудования.
2. Оптимизация загрузки оборудования.
3. Повышение производительности и безопасности труда.
4. Логистическая оптимизация.

5. Повышение качества продукции.
6. Улучшение прогнозирования спроса.
7. Сокращение сроков вывода продукции на рынок.
8. Улучшение послепродажного обслуживания.

Для любой организации получение результата от поставленных целей в первую очередь определяется эффективностью внедренной системы управления.

Концепции автоматизированных систем управления организациями прошли определенный путь в своем развитии. В процессе совершенствования сложилась формальная система стандартов и терминологии для представления характеристик автоматизированных систем управления и существующих в них процессов.

Эволюция автоматизированных систем управления предприятием:

1. 1950-1980 гг. – **MRP** (Material Requirements Planning) – планирование потребности в материалах.

2. 1970-е гг. – **CRP** (Capacity Requirement Planning) – планирование потребности в мощностях.

3. 1980-е гг. – **MRP II** (Manufacturing Resource Planning) – планирование ресурсов производства.

4. 1982 г. – **SCM** (Supply Chain®Management) – управление цепочками поставок.

5. 1990-е гг. – **CRM** (Customer Relationship Management) – управление отношениями с клиентами.

6. 1990-е гг. – **ERP** (Enterprise Resource Planning) – планирование ресурсов предприятия.

Последним достижением в области автоматизированных систем управления процессами деятельности предприятия являются ERP-системы.

В России представлены несколько автоматизированных систем класса ERP, как зарубежных, так и отечественных производителей. Существенную долю рынка занимают следующие системы: «SAP ERP», «1С: ERP Управление предприятием», «E-Business Suite» (Oracle), «Microsoft Dynamics ERP», «Галактика-ERP» [2].

Наиболее распространенным среди предприятий ERP-решением на российском рынке является «1С: ERP Управление предприятием 2» – инновационное решение для создания комплексных информационных систем управления деятельностью

организаций с учетом лучших зарубежных и отечественных практик автоматизации крупного и среднего бизнеса, дающее возможность для автоматизации следующих процессов предприятия:

- управление финансами;
- бюджетирование;
- бухгалтерский учет;
- управление персоналом и расчет заработной платы;
- управление производством;
- управление затратами и расчет себестоимости;
- организация ремонтов;
- управление продажами;
- управление закупками;
- управление складом и запасами.

Примечания:

1. Послание Президента Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года. / Президент России. Официальный сайт. [Электронный ресурс] // <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 10.01. 2019 г.).

2. Доклад «Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса» // отв. ред. Медовников Д. С. [Электронный ресурс] / Институт менеджмента инноваций ВШЭ// <https://imi.hse.ru> (дата обращения: 10.01. 2019 г.).

3. Промышленная робототехника в России и мире. [Электронный ресурс]. / НАУРР. Москва. 2016, ноябрь. <http://robotunion.ru> (дата обращения: 10.01. 2019 г.).

4. Цифровая Россия: новая реальность / ООО «Мак-Кинзи и Компания СиАйЭс», 2017 г.

5. Digital McKinsey – глобальная экспертная группа, объединяющая специалистов McKinsey по цифровым технологиям. [Электронный ресурс] // <https://www.mckinsey.com> (дата обращения: 10.01. 2019 г.).

6. Tapscott D. The Digital Economy Anniversary Edition: Rethinking Promise and Peril IN^othe Age of Networked Intelligence, McGraw-Hill, 2014. 448 p.

АНАЛИЗ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ ОАО «КАВДЛОМИТ»

В статье рассматриваются теоретические аспекты финансовой устойчивости предприятия, являющейся важнейшей характеристикой финансово-экономической деятельности любого экономического субъекта. Автор проводит анализ финансовой устойчивости и деловой активности ОАО «Кавдоломит», как одного из показателей оценки деятельности этого предприятия.

Ключевые слова: производство, экономическая деятельность, финансовая устойчивость, ликвидность, платежеспособность компании, деловая активность.

Финансовая устойчивость отражает такое соотношение финансовых ресурсов, при котором предприятие, свободно маневрируя денежными средствами, способно путем эффективного их использования обеспечить бесперебойный процесс производства и реализации продукции, а также затраты по его расширению и обновлению.

Финансовая устойчивость – характеристика, свидетельствующая о стабильном превышении доходов над расходами, свободном маневрировании денежными средствами предприятия и эффективном их использовании, бесперебойном процессе производства и реализации продукции. Финансовая устойчивость предприятия предопределяется влиянием совокупности внутренних и внешних факторов [1].

Для проведения анализа финансовой устойчивости предприятия рассчитаем данные и приведем их в таблицу 1.

Таблица 1

Расчет показателей для определения финансовой устойчивости, тыс. руб.

Показатели	коды строк	2018	2019	Отклонение 2019/2018
1. Источники собственных средств (капитал и резервы)	1300	298325	317078	18753
2. Внеоборотные активы	1100	131140	118874	-12266

3. Наличие собственных оборотных средств (СОС)	стр. 1-стр. 2	167185	198204	31019
4. Долгосрочные заемные средства	1410	0	0	0
5. Наличие собственных и долгосрочных заемных оборотных средств	стр. 3+стр. 4	167185	198204	31019
6. Краткосрочные заемные средства	1510	42411	39949	-2462
7. Наличие собственных, долго-и краткосрочных заемных оборотных средств	стр. 5+стр. 6	209596	238153	28557
8. Запасы и НДС	1210+1220	125719	162137	36418
9. Излишек (+) или недостаток (-) собственных оборотных средств для покрытия запасов и НДС	стр. 3-стр. 8	41466	36067	-5399
10. Излишек (+) или недостаток (-) собственных оборотных средств и долгосрочных заемных для покрытия запасов и НДС	стр. 5-стр. 8	41466	36067	-5399
11. Излишек (+) или недостаток (-) общей величины источников покрытия запасов и НДС	стр. 7-стр. 8	83877	76016	-7861
тип финансовой устойчивости	абсолютная финансовая устойчивость			

За анализируемый период на предприятии наблюдается абсолютная финансовая устойчивость. Такой тип финансовой устойчивости характеризуется тем, что все запасы предприятия покрываются собственными оборотными средствами, т. е. организация не зависит от внешних кредиторов.

Запасы и затраты обеспечиваются за счет собственных оборотных средств, и даже наблюдается их излишек в 2018 году – 41466 руб., а в 2019 году – 36067 руб.

Анализ показателей ликвидности и платежеспособности ОАО «Кавдоломит»

Ликвидность баланса предприятия – способность компании с помощью своих активов покрывать обязательства перед кредиторами. Ликвидность баланса является одним из важнейших финансовых показателей предприятия и напрямую определяет

степень платежеспособности и уровень финансовой устойчивости. Чем выше ликвидность баланса, тем больше скорость погашения задолженностей предприятия. Низкая ликвидность баланса – это первый признак риска банкротства [2].

Анализ ликвидности баланса представляет собой группировку всех активов и пассивов предприятия. Так, активы ранжируются по степени их реализуемости, т. е. чем больше ликвидность актива, тем выше его скорость трансформации в денежные средства. Сами денежные средства обладают максимальной степенью ликвидности. Пассивы предприятия ранжируются по степени срочности погашения. В таблице ниже представлена группировка активов и пассивов предприятия.

Таблица 2

Группировка активов по степени их ликвидности и пассивов по срочности их погашения

Группа активов	Группа пассивов
Наиболее ликвидные активы (A_1): • денежные средства; • краткосрочные финансовые вложения	Наиболее срочные обязательства (Π_1): • кредиторская задолженность; • задолженность перед собственниками по выплате дивидендов; • просроченная задолженность по кредитам и займам
Быстрореализуемые активы (A_2): • краткосрочная дебиторская задолженность; • прочие оборотные активы	Краткосрочные обязательства (Π_2): • краткосрочные кредиты и займы; • резервы предстоящих расходов; • прочие краткосрочные обязательства
Медленнореализуемые активы (A_3): • запасы; • НДС по приобретенным ценностям	Долгосрочные обязательства (Π_3): • долгосрочные кредиты, займы и другие долгосрочные обязательства
Труднореализуемые активы (A_4): • внеоборотные активы; • долгосрочная дебиторская задолженность; • неликвидные запасы сырья, материалов, готовой продукции; • просроченная и сомнительная дебиторская задолженность	Постоянные пассивы (Π_4): • собственный капитал (т. е. уставный, добавочный, резервный капитал, нераспределенная прибыль, доходы будущих периодов).

Баланс предприятия считается абсолютно ликвидным при выполнении следующих условий:

- 1 1
- 2 2
- 3 3
- 4 4

Величина наиболее ликвидных активов увеличилась на 16889 тыс. руб. к 2019 г. Такое положение повышает уровень ликвидности организации, и как следствие, ее платежеспособности.

Анализ показателей в 2018 и 2019 г. показал, что ситуация с данными показателями близка к идеальной. Ликвидность организации неабсолютная. Несоблюдение первого неравенства (в 2018 г.) свидетельствует о неплатежеспособности организации на момент составления баланса. У организации недостаточно наиболее ликвидных активов для покрытия наиболее срочных обязательств. Соблюдение же второго неравенства говорит о том, что быстро реализуемые активы превышают краткосрочные пассивы, и организация может рассчитывать на стабильный уровень платежеспособности в недалеком будущем с учетом своевременных расчетов с кредиторами, получения средств от продажи продукции в кредит. Баланс предприятия считается абсолютно ликвидным при выполнении всех 4 условий, такая ситуация в ОАО «Кавдоломит» наблюдается по данным 2019 года.

Коэффициент ликвидности в 2018-2019 гг. непрерывно растет, и вроде бы это должно говорить о хорошей тенденции развития предприятия, однако коэффициент текущей ликвидности больше 2 (в 2018 году) и больше 3 (в 2019 году), что говорит о нерациональном использовании средств предприятия, то есть у предприятия оборотных активов больше, чем обязательств.

Коэффициент автономии и в 2018, и в 2019 соответствует нормативному значению, что говорит о высокой финансовой независимости компании и о низком риске финансовых затруднений будущих периодов. Динамика коэффициента в анализируемом периоде положительная.

Таблица 3
Анализ финансовой ликвидности предприятия ОАО «Кавдоломит» за 2018 и 2019 годы [3]

актив	коды строк	значение, тыс. руб.		пассив	коды строк	значение, тыс. руб.		платежный баланс	
		2018	2019			2018	2019	2018	2019
1. Наиболее ликвидные активы	1250+1240	6056	22945	1. Наиболее срочные обязательства	1520+1550	19371	12666	-13315	10279
2. Быстро реализуемые активы	1230+1260	97198	65765	2. Краткосрочные пассивы	1510	42411	39949	54787	25816
3. Медленно реализуемые активы	1210-5407+1220+1170	125719	162137	3. Долгосрочные пассивы	1400	6	29	125713	162108
4. Трудно реализуемые активы	1100-1170	131140	118874	4. Постоянные пассивы	1300+1540+1530	298325	317078	-167185	-198204
Коэффициент ликвидности, фл									
						2,28	3,20		

Коэффициент соотношения заемных и собственных средств и в 2018, и в 2019, соответствует нормативному значению. Динамика коэффициента в анализируемом периоде отрицательная, что отражает превышение собственных источников покрытия над величиной заемных средств.

Динамика коэффициента маневренности в анализируемом периоде положительная, это положительно характеризует финансовое состояние предприятия.

Коэффициент обеспеченности запасов и затрат собственными источниками и в 2018, и в 2019, соответствует нормативному значению, что говорит о том, что предприятие обеспечивает запасы и затраты собственными источниками финансирования. Динамика коэффициента в анализируемом периоде отрицательная. Коэффициент абсолютной ликвидности в 2018 году не соответствует нормативному значению. В 2018 году предприятие может погасить 0,1 часть краткосрочной задолженности в ближайшее время, в 2019 – 0,4. Динамика коэффициента в анализируемом периоде положительная.

Коэффициент ликвидности и в 2018, и в 2019 г., соответствует нормативному значению. В 2018 он составил 1,671, а в 2019-1,686. Динамика коэффициента в анализируемом периоде положительная.

Коэффициент покрытия (текущей ликвидности) и в 2018, и в 2019 г., соответствует нормативному значению. Показывает платежные возможности предприятия, оцениваемые при условии не только своевременных расчетов с дебиторами и благоприятной реализации готовой продукции, но и продажи в случае необходимости прочих элементов материальных оборотных средств.

В 2018 г. коэффициент составил 3,706, в 2019 – 4,769. Динамика коэффициента в анализируемом периоде положительная.

Коэффициент реальной стоимости имущества производственного назначения и в 2018, и в 2019 г., соответствует нормативному значению. Отражает долю реальной стоимости имущества производственного назначения в имуществе предприятия. Динамика коэффициента в анализируемом периоде положительная. В 2018 году коэффициент составил 0,509, в 2019 – 0,522.

Таблица 4

Анализ финансовых коэффициентов предприятия ОАО «Кавдолломит» [3]

№	Наименование коэффициента	Нормальное ограничение коэффициента	Влияние изменений коэффициента на финансовое положение предприятия	Порядок расчета	2018	2019
1	Автономии	Более 0,5	Рост коэффициента свидетельствует об увеличении финансовой независимости предприятия, снижении риска финансовых затруднений в будущие периоды, повышает гарантии погашения предприятием своих обязательств	собственные средства/ баланс (1300/1700)	0,828	0,858
2	Соотношения заемных и собственных средств	Макс. 1	Рост коэффициента отражает повышение величины заемных средств над собственными источниками их покрытия	(долгосрочные обязательства + краткосрочные)/капитал и резервы (1400+1500)/1300	0,207	0,166
3	Маневренности	-	Высокое значение коэффициента положительно характеризует финансовое состояние предприятия	(собственные средства+долгосрочные заемные средства – внеоборотные активы)/ собственные средства (1300+1400-1100)/1300	0,560	0,625
4	Обеспеченности запасов и затрат собственными источниками	1	При значении коэффициента ниже нормативного предприятие не обеспечивает запасы и затраты собственными источниками финансирования	(собственные средства + долгосрочные заемные средства – внеоборотные активы)/ (запасы+НДС) (1300+1400-1100)/ (1210+1220)	1,330	1,223

5	Абсолютной ликвидности	Мин. 0,2	Показывает, какую часть краткосрочной задолженности предприятия может погасить в ближайшее время	наиболее ликвидные активы/краткосрочную задолженность (1250+1240)/(1500-1530-1540)	0,098	0,436
6	Ликвидности	Более 0,8	Отражает прогнозируемые платежные возможности предприятия про условия своевременного проведения расчетов с дебиторами	(наиболее ликвидные активы+быстрореализуемые активы)/краткосрочную задолженность	1,671	1,686
7	Покрывтия (текущей ликвидности)	Мин. 2	Показывает платежные возможности предприятия, оцениваемые при условии не только своевременных расчетов с дебиторами и благоприятной реализации готовой продукции, но и продажи в случае необходимости прочих элементов материальных оборотных средств	оборотные активы/краткосрочную задолженность	3,706	4,768
8	Реальной стоимости имущества производственного назначения	Мин. 0,5	Отражает долю реальной стоимости имущества производственного назначения в имуществе предприятия	(основные средства + нематериальные активы+сырье материалы и аналог. ценности+затраты в незавершенном производстве)/валюту баланса	0,509	0,522
9	Прогноза банкротства	Более 0	Чем выше значение показателя, тем ниже опасность банкротства	(запасы+наиболее ликвидные активы-краткосрочные обязательства)/валюту баланса	0,191	0,356

Коэффициент прогноза банкротства и в 2018, и в 2019 г., соответствует нормативному значению. В 2019 году ниже опасность банкротства, чем в 2018 году. Динамика коэффициента в анализируемом периоде положительная.

Анализ деловой активности «ОАО» Кавдоломит

Активность деловая – экономическая деятельность, конкретизированная в виде производства того или иного товара или оказания конкретной формы услуг. Положена в основу международной стандартной классификации отраслей хозяйства, экономических классификаторов Системы национальных счетов (СНС).

На сегодняшний день деловая активность рассматривается с трех позиций: индивидуума; предприятия (микроуровень); страны (макроуровень).

На уровне предприятия деловая активность чаще всего рассматривается как результативность работы предприятия относительно величины авансированных ресурсов или величины их потребления в процессе производства.

Обобщая существующие определения деловой активности, можно выделить два основных подхода:

1) одни авторы считают, что деловая активность – это комплекс мер, направленных на расширение доли рынка и увеличение объемов продаж;

2) другие рассматривают деловую активность как оценочный параметр результативности (эффективности) работы предприятия в целом.

Таблица 5
Показатели деловой активности ОАО «Кавдоломит» [3]

Показатель оборачиваемости	2018	2019	Изменения
			2019-2018
Оборачиваемость оборотных средств	1,32	1,15	-0,17
Оборачиваемость активов	0,84	0,78	-0,06
Оборачиваемость запасов	2,43	1,78	-0,64
Оборачиваемость дебиторской задолженности	3,18	4,54	1,36

Оборачиваемость кредиторской задолженности	15,61	22,70	7,10
Средний срок оборота дебиторской задолженности, дней	114,71	80,36	-34,34
Средний срок оборота кредиторской задолженности, дней	23,39	16,08	-7,31
Средний срок оборачиваемости оборотных активов, дней	276,42	318,39	41,98

1. Оборачиваемость оборотных средств в 2018 году составила 1,320, а в 2019 – 1,146. Динамика показателя в анализируемом периоде отрицательная. Изменения данного показателя связаны с уменьшением выручки на 14785 тыс. руб. и увеличением статьи оборотных средств на 21874 тыс. руб.

2. Оборачиваемость активов показывает изменение на 0,062.. Динамика показателя в анализируемом периоде отрицательная. Изменения данного показателя связаны с уменьшением выручки на 14785 тыс. руб. и увеличением активов на 9608 тыс. руб.

3. Изменение показателя оборачиваемости запасов составило 0,644. Динамика показателя в анализируемом периоде отрицательная. Изменения данного показателя связаны с уменьшением выручки на 14785 тыс. руб. и увеличением запасов на 36761 тыс. руб.

4. Оборачиваемость дебиторской задолженности была равна 3,182 и 4,542 в 2018 и 2019 годах соответственно. Динамика показателя в анализируемом периоде положительная. Данный факт обоснован тем, что темпы снижения дебиторской задолженности опережают темпы уменьшения выручки.

5. Оборачиваемость кредиторской задолженности за анализируемый период изменилась на 7,095. Динамика показателя в анализируемом периоде положительная. Данный факт обоснован тем, что темпы снижения кредиторской задолженности опережают темпы уменьшения выручки.

6. Средний срок оборота дебиторской задолженности уменьшился больше, чем на 34 дня. Это можно объяснить опережением темпов снижения дебиторской задолженности над темпами уменьшения выручки.

7. Средний срок оборота кредиторской задолженности уменьшился больше, чем на 8 дней. Это можно объяснить опе-

---

режением темпов снижения кредиторской задолженности над темпами уменьшения выручки.

8. Средний срок оборачиваемости оборотных активов увеличился почти на 42 дня. Таким образом, динамика показателя в анализируемом периоде положительная. Данный факт обоснован тем, что выручка уменьшилась, а статья оборотных средств увеличилась.

Таким образом, анализ финансового состояния предприятия свидетельствует об устойчивом финансовом положении и высокой степени деловой активности ОАО «Кавдоломит». В то же время в условиях мобильной внешней среды функционирования все хозяйствующие субъекты должны осуществлять меры по поддержанию своей финансовой устойчивости.

Примечания:

1. Kovanova E. S., Kolieva A. E., Mustafin R. F., Tedeeva Z. B. Strategy of highly efficient decisionmaking in modern business systems // The Leading Practice of DecisionMaking in Modern Business Systems: Innovative Technologies and Perspectives of Optimization. Bingley, West Yorkshire, 2019. С. 123-131.

2. Тедеева З. Б. Финансы предприятий: Учебное пособие. Владикавказ, 2016.

3. Официальный сайт ОАО «Кавдоломит». [Электронный ресурс]. // <https://dolomit.ru/> (дата обращения: 20. 12. 2019 г.)

С. Н. Каргинов, С. О. Гадзиев

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ
ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)**

В статье рассмотрены вопросы юридической природы федеральных округов, а также деятельность полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах.

***Ключевые слова:** федеральные округа, юридическая природа, полномочный представитель.*

Природа федеральных округов и полномочных представителей Президента РФ в них получила неоднозначную оценку в научных и практических кругах. Некоторые авторы в создании федеральных округов усмотрели начала административно-территориальной реформы. Так, В. В. Кистанов пишет: «Федеральные округа – инструмент общего управления государством – фактически относятся к административно-территориальному делению высшего федерального уровня...». Подобное мнение представляется необоснованным. Федеральные округа не отвечают критериям административно-территориального деления и не соответствуют формальным признакам административно-территориальных единиц. У них отсутствует собственная территория в строго научном смысле, можно говорить лишь о территориальной зоне деятельности или территориальных пределах ведения полномочных представителей в округе, охватывающих территорию нескольких смежных субъектов Российской Федерации. Территориальное пространство округов не очерчивается внутренними административными границами государства, которые бы имели особый режим эксплуатации или охраны. Федеральные округа были созданы указом главы государства, что

не свойственно административно-территориальным единицам, которые традиционно утверждаются основным или обычным законом. Но главное состоит в том, что наличие административно-территориальных единиц, которые бы интегрировали и группировали субъекты РФ, противоречит природе федеративного государства, в том числе России. Административно-территориальные единицы служат способом территориальной организации унитарного, а не федеративного государства. Никаких федеральных округов, которые бы могли конкурировать с субъектами Российской Федерации в их взаимоотношениях с федеральной властью, Конституция РФ не упоминает.

Руководители субъектов РФ не встали в подчиненное положение к президентским представителям, последние не вправе приостанавливать их акты, они могут лишь ходатайствовать перед Президентом РФ о применении подобной санкции. Здесь нельзя даже использовать тот аргумент, что решения полномочного представителя имеют силу и обязательны на всей территории округа, в том числе и для субъектов, входящих в округ, поскольку власть полпреда, в собственном смысле, как способность повелевать другими, имеет лишь внутренний аспект, решения полпреда, обязательные к исполнению, ограничены рамками его вспомогательного аппарата – представительства. В отношении субъектов РФ полномочия полпредов являются только контрольными и координационными, что не позволяет говорить о юрисдикции полномочных представителей в отношении субъектов Российской Федерации. Исполнение важнейшей функции представителя Президента РФ в федеральном округе, предусмотренной Положением 13 мая 2000 г., – организация взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с органами государственной власти субъектов РФ в пределах округа – целиком основывается на добровольном согласии субъектов РФ, их желании взаимодействовать с федеральными структурами. С точки зрения функциональной власть полномочного представителя в округе выглядит как *совета́тельная, рекоменда́тельная*, лишенная силы административного принуждения. С полпредом, правда, согласовывают должностные назначения в пределах округа, а также проекты решений федеральных органов государственной власти, затрагивающих интересы субъектов РФ, находящихся в округе (п. 6 Положения), однако это согласование отнюдь не предо-

пределяет окончательное решение вопроса, которое остается за федеральными органами государственной власти.

Из сказанного вытекает тот вывод, что учреждение федеральных округов, не являющихся административно-территориальными единицами, не требовало участия законодателя, Президент РФ был правомочен учредить систему федеральных округов, как ответственную зону действия своих территориальных представителей, география которых Конституцией РФ не ограничивается. Иными словами, указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. о полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе является вполне конституционным, что не исключает возможность и даже необходимость регулирования данного института посредством закона, о чем ниже будет сказано подробнее.

Не обладая комплексными признаками административно-территориальной реформы, создание федеральных округов обладало в то же время признаками реформы *административной*, то есть реформы управления. Трудно согласиться с мнением о том, что федеральные округа следует рассматривать «не как новый уровень вертикали власти в России, а как территориальную структуру Федерального центра» [1]. Возникновение федеральных округов внесло принципиальные изменения в структуру государственного управления, которая в федеративном государстве имеет 2 уровня – федеральный и региональный. Федеральные округа создают принципиально новый, т. н. средний уровень управления, связывающий Федерацию и субъекты, и отнюдь не промежуточный, а вполне самостоятельный и самодостаточный с точки зрения задач, целей, форм, способов, средств и объектов управления. Как правильно отмечает С. И. Некрасов, «создание института полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах с более высоким статусом по сравнению с полномочными представителями Президента в регионах РФ может рассматриваться как переход от двухзвенной (Центр – регион) к трехзвенной (Центр – округ – регион) структуре управления...» [2].

Помимо контроля и координации деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, находящихся в округе, составляющих, согласно Положению о полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе, основное назначение полпредов, президентские представи-

тели разрешают широкий перечень вопросов политического и социально-экономического свойства, пока не получивших надлежащей нормативно-правовой регламентации, которые носят межсубъектный характер и которые чем дальше, тем больше ставят полномочного представителя в позицию руководителя самостоятельного территориального органа управления. Федеральные округа медленно, но неуклонно превращаются в современные центры политической и социально-экономической активности на большой территории, становятся средоточием обширных государственных функций, объединяющих группы субъектов РФ.

Полномочные представительства главы государства становятся центрами не только административной, но также экономической, политической и общественной деятельности на своей территории. Полномочные представители разрабатывают и осуществляют комплексные социально-экономические программы государственного значения, утверждаемые Правительством РФ. К территориальной характеристике федерального округа наилучшим образом подходит термин «*регион*», имеющий законодательную прописку, как совокупная территория нескольких субъектов. Термин «регион» получил законодательное определение в Указе Президента РФ от 3 июля 1996 г. №803 «Основные положения региональной политики в Российской Федерации» [3], в котором под регионом понимается «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий» – определение, которое в принципе может быть применено и к федеральным округам.

Окружная реформа территориального устройства России значительно облегчила управление субъектами РФ, количество которых в России превышает все мыслимые пределы управляемости объектов. Совершенно очевидно, что федеральный центр не в состоянии сколько-нибудь эффективно осуществлять федеративную политику и влиять на процессы государственного развития такого множества субъектов, отличающихся значительным разнообразием. Создание промежуточного звена управления в лице федеральных округов уменьшает количество непосредственно управляемых единиц, позволяет федеральному центру принимать выверенные решения, отвечающие взаимным интересам федерации и субъектов, испол-

нение которых в регионах затем контролируется и обеспечивается президентскими представителями. В Соединенных Штатах Америки, например, которые также имеют десятки субъектов, все штаты распределены по 9 районам Бюро цензов, во Франции 96 департаментов распределены по 22 районам экономической активности, что обеспечивает соблюдение т. н. закона предела кратности. В Франции же в 1982 г. было осуществлено укрупнение административно-территориального деления, в соответствии с которым департаменты объединялись в регионы, которых на материковой части насчитывается 22. Напомним, что и в дореволюционной России, имевшей значительное число территориальных единиц – 81 губернию, 18 областей и 2 округа, в интересах управляемости создавались промежуточные звенья управления – генерал-губернаторства (8), которые объединяли сразу несколько губерний и областей. Промежуточные территориальные комплексы создавались и при советской власти, и в современной России в лице межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов РФ, которых насчитывалось 8.

Роль полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах в интересах комплексного характера управления должна быть повышена. В перспективе президентские представители должны взять на себя функции финансового контроля за реализацией федеральных целевых, инвестиционных, а также региональных программ. На окружном уровне полпреды должны контролировать рациональное использование средств федерального бюджета, что требует формирования окружных отделений Счетной палаты.

Полномочные представители Президента РФ в федеральных округах в перспективе должны приобрести значение и статус представителей федерации в целом, *федеральных представителей*, поскольку их действительная роль превосходит интересы какой-то одной ветви власти [4]. Обращается внимание на то, что основные задачи полномочного представителя в округе, формулируемые Положением о нем, в своем содержании превосходят интересы только главы государства, они связываются с интересами государства в целом. В их числе называются – организация в соответствующем федеральном округе работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики

государства (выделено нами), определяемых Президентом РФ; организация контроля за исполнением в федеральном округе решений федеральных органов государственной власти (ст. 5).

Полпредам, на наш взгляд, могли бы делегироваться отдельные полномочия Правительства РФ, которые позволят им самостоятельно формировать региональную социально-экономическую политику, разумеется, сообразную с общегосударственной национально-территориальной политикой, например, право отменять акты территориальных органов федеральных министерств и других центральных органов исполнительной власти, находящихся в округе. При этом следует сохранить их ответственность перед главой российского государства, за которым останется единоличное право их назначения и смещения, с одновременным выведением федеральных представителей из состава и оперативного подчинения президентской администрации, за которой, тем не менее, останется оказание полномочным представителям разнообразной и действенной организационно-технической помощи.

Примечания:

1. Игнатов В. Г., Бутов В. И. Южная Россия: история и современность. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2002. С. 276.

2. Некрасов С. И. Федеральные округа – новое звено в вертикали российской власти // Журнал российского права. 2001. №11. С. 24.

3. Указ Президента Российской Федерации от 03.06.1996 г. №803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» // Сборник законов Российской Федерации 1996. №23. Ст. 2756.

4. В своем послании палатам Федерального Собрания РФ 2000 г. Президент РФ назвал своих представителей в округах «федеральными представителями» («четко очерчивая пределы компетенции федеральных полпредов, делаем их работу прозрачной для региональных администраций и населения территорий»), что в свете реальной роли этого института не кажется оговоркой. // Российская газета. 2000, 11 июля.

ЭТАПЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦАХ

В статье анализируются основные этапы реформирования законодательства о юридических лицах и в целом законодательства, регулирующего корпоративные правоотношения. В статье также поднимаются проблемы правового регулирования деятельности юридических лиц на современном этапе.

Ключевые слова: *юридические лица, корпоративные правоотношения, корпоративное законодательство, организационно-правовые формы юридических лиц.*

Законодательство о юридических лицах может пониматься в широком и в узком смысле. В широком смысле законодательство о юридических лицах – это система нормативных актов, регулирующих все аспекты деятельности юридических лиц – от их государственной регистрации до административной ответственности. В таком понимании законодательство о юридических лицах является комплексной многоотраслевой системой, включающей нормативные акты гражданского, административного, трудового, процессуального законодательства, а также нормативные акты специальных отраслей законодательства, таких как банковское, страховое, финансовое право и т. д.

Однако в аспекте темы настоящего исследования мы будем говорить о законодательстве о юридических лицах (корпоративном законодательстве) в узком смысле – как подотрасли законодательства гражданского, регулирующей гражданско-правовое положение юридических лиц как участников гражданского оборота и корпоративные отношения. При этом само участие юридических лиц в гражданском обороте регулируется другими частями гражданского права (обязательственным, вещным и т. д.).

Наличие множества законов и подзаконных актов, огромное количество организационно-правовых форм юридических лиц с каждым годом все больше создавали ощущение хаоса в правовом регулировании, отрицательно сказывались на стабильности гражданского оборота, привлекательности для инвесторов отечественной экономики. Постепенно на государственном

уровне пришло понимание необходимости кардинального совершенствования законодательства о юридических лицах.

Первым шагом в этом направлении стала Концепция развития корпоративного законодательства на период до 2008 г., разработанная Минэкономразвития России в 2005 г. [6]. Ее целями являлись создание более благоприятного инвестиционного климата, минимизация корпоративных конфликтов, корпоративных захватов, передела собственности.

Однако полномасштабный процесс модернизации законодательства о юридических лицах был запущен после принятия Указа Президента РФ от 18.07.2008 №1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [5], давшего начало продолжающейся по настоящее время крупной реформе всего гражданского законодательства.

Данная реформа затронула несколько крупных тематических блоков норм, посвященных различным институтам гражданского права, которые были отражены в нескольких проектах концепций по разным разделам Гражданского кодекса РФ (далее по тексту – ГК РФ) (в том числе по юридическим лицам, по вещным правам, по обязательствам, по ценным бумагам, по международному частному праву и по интеллектуальным правам). Впоследствии данные концепции были переработаны и сведены в один документ – Концепцию развития гражданского законодательства Российской Федерации, на основе которой в дальнейшем принимались законы о внесении изменений в ГК РФ.

В ходе реформы был подготовлен и проект Концепции развития законодательства о юридических лицах, основные положения которого легли в основу соответствующих разделов Концепции совершенствования гражданского законодательства Российской Федерации.

В развитие идей Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации был разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11]. Данный проект был принят Государственной Думой в первом чтении, после чего был разбит на части, которые стали впоследствии приниматься по отдельности.

Одной из основных причин принятия изменений в ГК по частям выступили дискуссии по гл. 4 ГК РФ о юридических лицах,

поправки в которую были выделены в отдельный блок в виде проекта Федерального закона №47538-6/2 «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации, статью 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». При этом разногласия между разными группами разработчиков касались практически всего спектра проблем правового регулирования юридических лиц: от системы законодательства до классификации юридических лиц на различные виды и типы. В результате модернизация положений ГК РФ о юридических лицах, так же как и вся реформа гражданского законодательства, пошла по пути принятия соответствующих поправок поэтапно.

Принципиальное значение для всего законодательства о юридических лицах имеют несколько федеральных законов о внесении изменений в ГК РФ. Первый из них – Федеральный закон от 30.12.2012 №302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [1], вступивший в силу с 01.03.2013. Данный Закон включил корпоративные отношения в число отношений, регулируемых гражданским законодательством, и определил их как «отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими». Тем самым на законодательном уровне было признано, во-первых, что корпоративные отношения являются по своей природе гражданско-правовыми, основанными на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, и во-вторых, что корпоративное законодательство должно развиваться как подотрасль законодательства гражданского [13].

В настоящее время развитие корпоративного законодательства и значение соответствующих отношений для оборота в целом достигли такого уровня, что они постепенно стали одними из основных отношений, регулируемых гражданским правом, поэтому в современных условиях невозможно было и далее продолжать игнорировать корпоративные отношения в качестве одного из основных видов отношений, регулируемых гражданским правом.

Следующим является Федеральный закон от 07.05.2013 №100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодек-

са Российской Федерации» [2], вступивший в силу с 01.09.2013. Данный Закон ввел общие нормы о решениях собраний, играющих важнейшую роль в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами.

Новые положения о государственной регистрации юридических лиц были внесены в ст. 51 ГК РФ Федеральным законом от 28.06.2013 №134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям». Как видно из его названия, данный Закон не имел прямого отношения ни к реформе гражданского законодательства, ни к модернизации законодательства о юридических лицах, а вводил прежде всего новые публично-правовые нормы ограничительного характера в целях противодействия незаконным финансовым операциям.

Наиболее крупные изменения в правовое регулирование юридических лиц были внесены Федеральным законом от 05.05.2014 №99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [3], вступившим в силу с 01.09.2014. Данный Закон по существу ввел новую редакцию гл. 4 ГК РФ о юридических лицах.

Наконец, Федеральный закон от 08.03.2015 №42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», вступивший в силу с 01.06.2015 и в целом посвященный реформе общих положений об обязательствах, внес несколько небольших поправок в гл. 4 ГК РФ в части, касающейся правового положения фондов. Но самым важным для законодательства о юридических лицах нововведением этого Закона явилось установление принципиальной возможности применения общих положений об обязательствах к требованиям, возникшим из корпоративных отношений (п. 3 ст. 307.1 ГК РФ). Необходимость внесения соответствующих поправок была обусловлена недостатками уже новой редакции гл. 4 ГК РФ о юридических лицах, введенной Федеральным законом от 05.05.2014 №99-ФЗ, и является яркой иллюстрацией поспешности и недоработанности многих новелл о юридических лицах, подготовленных в процессе модернизации законодательства о них.

Постоянные поправки продолжают вноситься и в специальные законы, регулирующие деятельность отдельных видов

юридических лиц. Эти поправки в основном направлены на развитие или дополнение новых положений ГК РФ, расширение диспозитивности и дальнейшую либерализацию правового регулирования деятельности юридических лиц, особенно коммерческих организаций.

Уточняющие поправки вносятся и в ГК РФ. Федеральным законом от 29.07.2017 №259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [4], вступившим в силу с 01.09.2018, в ГК РФ предусмотрена возможность создания нового вида юридических лиц – наследственных фондов.

Однако самые масштабные поправки в законы о юридических лицах, учитывающие новую редакцию гл. 4 ГК РФ, не приняты до сих пор.

Соответствующий законопроект (в части внесения поправок в законы о хозяйственных обществах) готовится Минэкономразвития России еще с 2014 г. [5]. Законопроект направлен на приведение отдельных федеральных законов, регулирующих деятельность хозяйственных обществ, в соответствие с новой редакцией гл. 4 ГК РФ, в том числе предусматривается более подробное регулирование новых институтов, введенных в российское законодательство о хозяйственных обществах, расширяется применение принципа диспозитивности в регулировании корпоративных отношений, конкретизируются новеллы ГК РФ.

Однако данный законопроект до сих пор не может пройти согласование заинтересованных органов исполнительной власти, так как вызывает целый ряд замечаний как технико-юридического, так и принципиального характера (заключения Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и др.). Причина – попытка «провести» в этом законопроекте нормы, противоречащие ГК или не предусмотренные им, которые были отвергнуты еще на этапе подготовки поправок в гл. 4 ГК РФ (например, запрет голосования так называемыми квазиказначейскими акциями, принадлежащими подконтрольным компаниям).

Дальнейшее развитие реформы корпоративного права было предусмотрено и в «дорожной карте» Правительства РФ «Совершенствование корпоративного управления» [9]. «До-

рожной картой» была предусмотрена разработка целого ряда федеральных законов, касающихся деятельности хозяйственных обществ, часть которых уже принята.

В настоящее время распоряжением Правительства РФ от 17.01.2019 №20-р утвержден новый план мероприятий «Трансформация делового климата» [7], в рамках которого предусмотрено направление X «Совершенствование корпоративного управления», также предполагающее принятие федеральных законов по отдельным вопросам корпоративного законодательства. Целями соответствующих мероприятий в сфере корпоративного управления провозглашены повышение уровня защиты миноритарных инвесторов и качества корпоративного управления в российских хозяйственных обществах, а также высокий уровень защиты прав и законных интересов миноритарных акционеров (участников) хозяйственных обществ при совершении сделок, в которых присутствует конфликт интересов, при реорганизации, увеличении уставного капитала и при концентрации значимых пакетов акций в руках одних и тех же лиц и урегулирование вопросов ответственности в случаях причинения хозяйственным обществам убытков. Однако данные институты выходят за пределы предмета настоящего исследования.

Наряду с мероприятиями указанного плана Правительство РФ также дает отдельные поручения по совершенствованию корпоративного законодательства. Например, в настоящее время ведется работа по внесению в законодательство изменений, направленных на упрощение требований к уставам российских компаний [8].

В отношении некоммерческих организаций законодатель также пошел по пути принятия «точечных» поправок, постепенно приводящих действующие нормы с новой редакцией ГК РФ, а также вводящих дополнительные новшества, в Кодексе не предусмотренные. Кроме того, в противоречие с изначально запланированными целями реформы перечень разновидностей (организационно-правовых форм) некоммерческих организаций постоянно расширяется.

Очевидно, что в этих условиях в отношении регулирования правового статуса некоммерческих организаций требуется проведение второго этапа реформы законодательства о юридических лицах, которая должна затронуть Федеральный закон

от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее по тексту – Закон об НКО), а также специальные законы об отдельных видах некоммерческих организаций (об общественных объединениях, о кооперативах и т. д.).

В настоящее время в Государственной Думе находится на рассмотрении законопроект №207015-7, внесенный 23.06.2017 Правительством РФ (разработан Минюстом России) «О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» (в части приведения Закона об НКО в соответствие положениям ГК РФ).

Законопроект [10] исходит из идеи, что предметом Закона о некоммерческих организациях должны являться лишь особенности государственной регистрации и контроля за деятельностью некоммерческих организаций, а также возможные формы поддержки НКО органами государственной власти и органами местного самоуправления. При этом гражданско-правовое положение, порядок создания и ликвидации некоммерческих организаций как юридических лиц регулируются гл. 4 ГК РФ. Соответственно, законопроектом признаются утратившими силу все положения Закона об НКО, касающиеся статуса НКО как юридических лиц (гл. 2 Закона об НКО утрачивает силу). В то же время законопроект непоследователен, в нем остаются многие общие положения о некоммерческих организациях: о минимальном размере имущества, гарантирующего интересы кредиторов (если НКО осуществляет приносящую доход деятельность), положения об управлении НКО, о содержании устава, о компетенции высшего органа управления и т. д. Также учтены положения о возможности выхода из состава учредителей, о заочном голосовании и т. д., т. е. восполняются пробелы Закона, касающиеся гражданско-правового положения юридических лиц. Тем самым проект поправок в Закон об НКО сохраняет во многих аспектах прежний его недостаток: общие положения о некоммерческих организациях как юридических лицах вместо того, чтобы быть перенесенными в ГК РФ, продолжают оставаться в этом Законе, создавая новые риски несоответствия и разных интерпретаций правовых норм по сравнению с ГК РФ. Также законопроект выводит из-под сферы действия Закона об НКО общественные организации и общественные движения, являющиеся юридическими лицами (их статус регулируется Федеральным законом от 19.05.1995 №82-ФЗ «Об обществен-

ных объединениях»), государственные бюджетные учреждения (предполагается принятие отдельного закона о государственных и муниципальных бюджетных учреждениях), государственные корпорации и государственные компании.

Таким образом, реформирование законодательства о юридических лицах, начатое в 2008 году, все еще находится в процессе, а выбранная законодателем тактика «латания дыр», как представляется, не приведет к развитию корпоративного законодательства, а, напротив, послужит причиной его унификации.

Примечания:

1. Федеральный закон от 30.12.2012 №302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew> (дата обращения: 10.11.2019 г.).

2. Федеральный закон от 07.05.2013 №100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. №19. Ст. 2327/

3. Федеральный закон от 05.05.2014 №99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. №19. Ст. 2304

4. Федеральный закон от 29.07.2017 №259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. №31 (ч. I). Ст. 4808

5. Указ Президента Российской Федерации от 18.07.2008. №1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [Текст] // Вестник гражданского права. 2009. №2. С. 9-73.

6. Концепция развития корпоративного законодательства на период до 2008 г. [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. №29 (ч. I). Ст. 3482.

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.01.2019 №20-р «Об утверждении Плана мероприятий «Трансформация делового климата» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. №3. Ст. 266/

8. Протокол совещания Правительства РФ от 16.07.2018 [Электронный ресурс] // <http://government.ru/news/33258>. (дата обращения: 10.11.2019 г.).

9. План мероприятий («дорожная карта») «Совершенствование корпоративного управления» (утв. распоряжением Правительства РФ от 25.06.2016 №1315-р [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. №28. Ст. 4756 (в настоящее время утратил силу (см. распоряжение Правительства РФ от 17.01.2019 №20-р)).

10. Законопроект №207015-7 от 23.06.2017 «О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс] // <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/207015-7> (дата обращения: 10.11.2019 г.).

11. Проект федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы совершенствования гражданского законодательства», 22.11.2010 [Электронный ресурс] // <http://www.privlaw.ru>. (дата обращения: 10.11.2019 г.).

12. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части приведения в соответствие с главой 4 Гражданского кодекса Российской Федерации)». [Электронный ресурс] // <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/corpmanagment/devinstcorpmanag/201412103> (дата обращения: 10.11.2019 г.).

13. Яковлев В. Ф. Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации – развитие основных положений гражданского права // Кодификация российского частного права 2015 / Под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2015. С. 14-16.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ЗАБОТИТЬСЯ О ДЕТЯХ И ПРЕСТАРЕЛЫХ РОДИТЕЛЯХ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В РОССИИ

Статья посвящена анализу демографической политики в Российской Федерации, реализации национального проекта «Демография». Автор обращает внимание на необходимость совершенствования механизма практической реализации конституционных обязанностей заботиться о детях и нетрудоспособных родителях.

Ключевые слова: национальный проект «Демография», конституционные нормы, обычай и традиции, социальная поддержка.

Президент России В. Путин неоднократно в своих выступлениях подчеркивал, что «человек – это главное наше достояние и главный приоритет» [1]. Очевидно, что важным условием устойчивого развития федеративной государственности является прирост ее населения.

Как известно, Российская Федерация занимает сегодня 7-е место в мире по количеству населения (после Китая, Индии, США, Индонезии, Бразилии, Пакистана). Общая численность населения России по данным Росстата на 1 января 2019 года составляет 146 млн. 793,7 тыс. человек (городское население – 109 млн. 451 тыс. человек (74,27%), сельское – 37 млн. 342 тыс. человек) [2]. Россия располагает самой большой территорией в мире – 17125191 км² вместе с Крымом. Понятно, что эти огромные территории необходимо в первую очередь заселять, и затем осваивать.

При этом средняя плотность населения России составляет 8,57 чел./км². Вместе с тем население распределено крайне неравномерно: 68,3% россиян проживают в европейской части России, составляющей 20,82% территории. Плотность населения европейской России – 27 чел/км², азиатской – 3 чел/км². Очевидно, что особенно сложной, с точки зрения современных условий и геостратегической ситуации, является демографическая ситуация в азиатской части России, которой принадлежит большая часть территории страны и где проживает лишь пятая часть населения. Поразительно слабо заселены районы Крайнего Севера и приравненные к ним по климатическим ус-

ловиям территории. На эти районы, которые приравниваются к Крайнему Северу, приходится до 70% территории страны. И на этих 70% проживают 11,5 млн. человек, то есть 1 человек на 1 квадратный километр. Но даже эта крайне незначительная численность населения в азиатской и северной части Российской Федерации с начала 90-х годов неуклонно уменьшается в абсолютном исчислении.

Все эти и другие показатели свидетельствуют о сложной демографической ситуации в стране. Очевидно, что в условиях бескомпромиссной борьбы за природные ресурсы (до 42% которых от всех мировых запасов сосредоточено в Российской Федерации), долговременное существование государства с гигантской территорией с быстро уменьшающимся населением представляется весьма проблематичным.

Именно поэтому проводимая с начала реформ демографическая политика в Российской Федерации была направлена на рост рождаемости, увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране. Необходимо отметить, что принятые в 2000-е годы демографические государственные программы принесли определенные результаты: численность населения страны впервые с 1991 года стабилизировалась, а уровень рождаемости впервые за многие годы выравнивался с уровнем смертности.

Однако в 2018 году население вновь сократилось на 99,7 тыс. человек [3]. В настоящее время Правительство РФ надеется, что три триллиона рублей, выделенные на реализацию национального проекта «Демография», принесут «конкретные, ощутимые результаты» [4]. При этом нацпроект «Демография» состоит из пяти подпроектов: финансовая поддержка семей с детьми, программа содействия занятости женщин – создание условий для дошкольного образования и дополнительных мест в детских садах. Третий подпроект – старшее поколение и активное долголетие, четвертый – укрепление общественного здоровья, пятый – «Спорт – норма жизни». Как мы можем убедиться, по меньшей мере, три подпроекта из пяти представляют собой инструментарий для практической реализации закрепленных в Конституции РФ норм заботиться о детях и престарелых родителях.

Вместе с тем, существует и иной подход к решению демографических проблем. Так, эксперты Гайдаровского форума, который прошел в Москве в январе 2019 года, в своих докладах подвергли критике нынешние направления государственной социальной политики, и представили альтернативные версии подходов к решению проблем демографии [5]. По их мнению, главным фокусом внимания правительства должно стать не повышение рождаемости, а снижение смертности, поэтому необходимо оптимизировать работу здравоохранения. В этой связи необходимо вводить лекарственное страхование и совершенствовать модель управления здравоохранением за счет конкуренции разных подходов в разных субъектах РФ в рамках пилотных проектов с тем, чтобы затем распространить самый эффективный подход на всю страну.

Безусловно, проведение грамотной демографической политики – это прерогатива государства. Однако при разработке любых национальных проектов не стоит забывать и об институте конституционных обязанностей человека и гражданина. Характерно, что Конституция РФ 1993 года предполагает существенное усиление *индивидуальной ответственности* во всех областях жизни, в том числе и в семейных отношениях, без привычных для многих «социалистических амортизаторов» и средств социальной поддержки. И здесь в первую очередь речь идет о необходимости совершенствования механизма соблюдения и практической реализации конституционных обязанностей заботиться о детях и нетрудоспособных родителях (ст. 38 Конституции РФ).

Важную роль в расширении каталога юридических обязанностей в субъектах Российской Федерации играет возможность субъектов Федерации с учетом региональной специфики конкретизировать и развивать обязанности, предусмотренные федеральной конституцией, федеральными законами, принятыми в рамках совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов. Закрепление дополнительных конституционных (уставных) обязанностей, помимо предусмотренных Конституцией РФ, свойственно преимущественно конституциям республик, что объясняется, в частности, наличием в них определенных устойчивых обычаев и традиций национальных республик.

В данном случае особо следует выделить положения Конституции Чеченской Республики о семье и детстве: «Чеченская

Республика осуществляет гуманитарную демографическую политику, охрану материнства и детства, оказывает необходимую помощь семье как основной социальной ячейке общества, обеспечивает ей гарантированный прожиточный минимум» (статья 12); «Чеченская Республика проводит активную молодежную политику» (статья 13). Несомненно, данные положения норм конституции перекликаются с нормами обычного права многих кавказских народов, которые направлены на увеличение народонаселения республик, на утверждение ценностей семьи, защиту материнства и детства.

Необходимо особо подчеркнуть, что почитание кровнородственных связей на Кавказе как давно существующий обычай представляет собой большой научный интерес [6]. Значение кровнородственных связей в жизни каждого человека весьма важно, поскольку они во многом способствуют преемственности исторических, культурных и духовных традиций, формированию таких основополагающих понятий, как «Родина» и «дом». Несмотря на это, институт родства не стал еще предметом серьезного научного исследования. Хотя несомненно одно – данный институт представляет значительную социальную ценность, в том числе и в контексте заявленной нами темы.

Для преодоления фундаментального кризиса на пути решения демографических проблем неопределимую роль могли бы сыграть опыт и традиции кавказских народов (например, в Северо-Кавказских республиках, как правило, высокий уровень рождаемости; самые низкие показатели в стране по уровню подростковой преступности; в Чеченской Республике в силу определенных горских традиций нет ни детских домов, ни домов престарелых; и др.). На наш взгляд, закрепленные на федеральном конституционном уровне, развиваемые на уровне регионального законодательства вопросы охраны подрастающего поколения и цивилизованного отношения к пожилым родителям, во многом в состоянии стабилизировать процессы, направленные на улучшение демографической ситуации в России. И как следствие, укрепить основы российской государственности.

Примечания:

1. Прямой эфир с Президентом РФ В. В. Путиным 28 февраля 2008. Вести. RU / [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=166238> (дата обращения: 20.01.2019).

2. РИА Новости. 24 января 2019 г. [Электронный ресурс]: // URL: <https://ria.ru/20190124/1549808785> (дата обращения: 30.01.2019).

3. Как уточняет «Интерфакс», последний раз численность населения сокращалась в 2008 году. 24 января 2019 г.

4. Известия. 3 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]: // URL: <https://iz.ru/863577/2019-04-03/golikova-zaiavila-o-rostesmertnosti-v-32-regionakh-rossii> (дата обращения: 4.04.2019).

5. Коммерсант. 18 января 2019 года.

6. Цалиев А. М., Хаматова С. Х. Конституционные обязанности: их соблюдение и реализация (на примере Республики Северная Осетия – Алания). Владикавказ, 2016. С. 108.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

А. Р. Баликоева, А. В. Гагиева

ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБОГАЩЕНИЕ

В статье рассматривается соотношение конструкции неосновательного обогащения и договора, заключенного в устной форме или путем совершения конклюдентных действий сквозь призму выбора адекватной юридической конструкции при рассмотрении спора.

Ключевые слова: гражданское право, гражданско-правовые отношения, неосновательное обогащение, предпринимательская деятельность.

Согласно подп. 4 ст. 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации «Не подлежат возврату в качестве неосновательно-го обогащения денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило имущество в целях благотворительности» [1]. На изучении данной нормы необходимо остановить свое внимание, так как она вызывает большое количество споров в судебной практике и влияет на выбор юридической конструкции при рассмотрении спора.

Истоки данной нормы коренятся в римском праве, где ошибка плательщика в существовании обязательства была непререкаемым условием удовлетворения иска о возврате недолжно уплаченного (**condictio indebiti**). Этот подход сохраняется в большинстве современных правовых порядков. Особенность англо-американского права состоит в том, что там для обоснования реституционного иска необходимо, чтобы ошибка носила фактический, а не правовой характер (**mistake of law**),

тогда как в странах континентального права характер ошибки не имеет значения. В континентальном праве различаются подходы к распределению бремени доказывания. Так, во Франции и Швейцарии истец должен доказать, что он, производя платеж, заблуждался в существовании долга. Напротив, в Германии и Греции ответчик для защиты от кондикционного иска должен доказать, что истец в момент исполнения знал об отсутствии; такой же подход закреплен и в подп. 4 ст. 1109 ГК РФ.

Проблема состоит в том, что требование наличия ошибки как условия возникновения кондикционного обязательства является адекватным только для ограниченной группы случаев неосновательного обогащения – уплаты недолжного (они и опосредовались в римском праве специальной **condictio indebiti**). Для иных случаев, таких как отпадение основания обогащения в связи с недостижимостью цели совершенного предоставления (**condictio causa data causa nonsecuta**) и исполнение по незаконному основанию (**condictio ex iniusta causa**), юридическая конструкция иска, обязательным условием удовлетворения которого является ошибка потерпевшего, совершенно не подходит.

Выбор неадекватной юридической конструкции при рассмотрении спора приводит к тому, что законодательные положения становятся менее совершенными, не обеспечивают в должной мере защиту интересов участников соответствующих отношений.

Между тем законодательное придание обязательствам из неосновательного обогащения родового характера (ст. 1103 ГК РФ) привело в судебно-арбитражной практике к тому, что норма подп. 4 ст. 1109 ГК РФ очень часто стала использоваться лицами, получившими имущество по незаключенному договору, для обоснования возражений против требований о возврате неосновательно приобретенного. Для разрешения этой проблемы необходимо разграничивать договор (например, путем совершения конклюдентных действий или в устной форме) и неосновательное обогащение.

В соответствии со ст. 434 Гражданского кодекса РФ [1] договор может быть заключен в любой форме, предусмотренной для совершения сделок, если законом для договоров данного вида не установлена определенная форма. Договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного

документа, подписанного сторонами, а также путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. Письменная форма договора считается соблюденной, если письменное предложение заключить договор принято в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 438 ГК РФ.

Статьей 438 ГК РФ установлено, что акцептом признается ответ лица, которому адресована оферта, о ее принятии. Совершение лицом, получившим оферту, в срок, установленный для ее акцепта, действий по выполнению указанных в ней условий договора (отгрузка товаров, предоставление услуг, выполнение работ, уплата соответствующей суммы и т. п.) считается акцептом, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не указано в оферте.

Если одна сторона направляла счета на оплату, в которых имеется информация относительно условий поставки (услуги, работы), количества товара и его стоимости, а другая сторона принимала их и оплачивала (в том числе с использованием платежных поручений), стороны совершили конклюдентные действия, которые приравниваются к письменной форме договора [10]. Стороны вправе согласовывать способы и формы договорных отношений, в том числе и посредством электронной почты.

В соответствии с п. 1 ст. 5 ГК РФ обычаем делового оборота признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. Использование электронной почты можно расценить как обычай делового оборота. Заказчик совершает конклюдентные действия, свидетельствующие об одобрении выбора электронной почты как способа обмена информацией с исполнителем. Стороны фактически согласились с такой формой связи для деловой переписки [14, 7].

Согласно п. 65 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 [5] если иное не установлено законом или договором и не следует из обычая или практики, установившейся во взаимоотношениях сторон, юридически значимое сообщение может быть направлено в том числе посредством

электронной почты, факсимильной и другой связи, осуществляться в иной форме, соответствующей характеру сообщения и отношений, информация о которых содержится в таком сообщении, когда можно достоверно установить, от кого исходило сообщение и кому оно адресовано.

Следовательно, получение или отправка сообщения с использованием адреса электронной почты, известного как почта самого лица или служебная почта его компетентного сотрудника, свидетельствует о совершении этих действий самим лицом [6]. Стороны фактически согласились с такой формой связи для деловой переписки и обмена документами, и между сторонами сложились фактические договорные отношения [12]. Другими словами, при отсутствии договора в виде письменного документа договор может быть заключен с помощью конклюдентных действий. Например, оплата выставленного счета может быть произведена платежным поручением в счет оплаты за товары, работы, услуги, т. е. стороны путем совершения конклюдентных действий подтверждают свое участие в фактических договорных отношениях [9].

Кроме того, фактически сложившиеся правоотношения сторон необходимо толковать в пользу сохранения обязательств, а не их аннулирования, с учетом презумпции разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений, закрепленной в ст. 10 ГК РФ. Если одна сторона совершает действия по исполнению договора (выполняет работы, оказывает услуги), а другая сторона принимает их без каких-либо возражений (оплачивает работы, услуги), то неопределенность в отношении содержания договоренностей сторон отсутствует. Следовательно, в этом случае соответствующие условия спорного договора должны считаться согласованными сторонами, а договор – заключенным [6].

В силу ст. 9 и 421 ГК РФ о выборе форм и способов осуществления предпринимательской деятельности, заключении договоров и определении их условий стороны договора вправе выразить свое волеизъявление не только путем согласования существенных условий договорных отношений в конкретном документе (договоре, соглашении и др.), но и посредством совершения конклюдентных действий.

Свобода граждан в заключении договора означает свободный выбор стороны договора, условий договора, свободу во-

леизъявления на его заключение на определенных сторонами условиях. Стороны договора по собственному усмотрению решают вопросы о заключении договора и его содержании. Принцип свободы договора относится к основным началам гражданского законодательства. Данное законоположение направлено на обеспечение свободы договора и баланса интересов его сторон.

Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, свободы договора, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Физические и юридические лица, приобретая и осуществляя своей волей и в своем интересе свои гражданские права, свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (п. 2 ст. 1 ГК РФ). При этом субъекты предпринимательской деятельности, осуществляя на свой риск предпринимательскую деятельность, направленную на систематическое получение прибыли, самостоятельно принимают решения о выборе более эффективных способов ее осуществления.

Руководствуясь ст. 12 ГК РФ, участникам таких правоотношений (а также правоприменителю) необходимо избирать верный способ защиты нарушенного права, исходя из наличия фактических договорных отношений, а не возникших вследствие неосновательного обогащения. Для возникновения обязательств из неосновательного обогащения (кондикционных обязательств) необходимо, во-первых, чтобы обогащение одного лица (приобретателя (ответчика)) произошло за счет другого (потерпевшего (истца)) и, во-вторых, чтобы такое обогащение произошло при отсутствии к тому законных оснований или последующем их отпадении. При этом не имеет значения, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения обогатившегося, самого потерпевшего или третьих лиц либо произошло помимо их воли. Субъектами кондикционных обязательств выступают приобретатель – лицо, неосновательно обогатившееся, и потерпевший – лицо, за счет которого произошло обогащение.

Согласно ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без оснований, установленных законом, иными правовыми актами или сделкой, приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет

другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных в ст. 1109 ГК РФ.

Согласно правовой позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 29.01.2013 №11524/12 [8], основания возникновения неосновательного обогащения могут быть разными: требование о возврате ранее исполненного при расторжении договора, требование о возврате ошибочно исполненного по договору, требование о возврате предоставленного при незаключенности договора, требование о возврате ошибочно перечисленных денежных средств при отсутствии каких-либо отношений между сторонами и т. п. Вместе с тем Президиум ВАС РФ указал, что применительно к конкретным обстоятельствам спора, а именно когда исходя из платежных документов усматривается, что основания платежа являлись конкретные правоотношения, именно истец должен доказать, что правоотношения, указанные в качестве оснований платежа, не являются такими основаниями.

Кроме того, необходимо учитывать временной период отношений между сторонами: при неоднократности перечисления денежных средств можно заключить, что основанием их перечисления явились конкретные правоотношения, следовательно, платежи были произведены во исполнение обязательств, что не может свидетельствовать об ошибочности перечисления денежных средств. Другими словами, систематичность платежей и наличие исполнения другой стороной договорных обязательств (выполнение работ, оказание услуг), согласно которому платежи производились в рамках договорного правоотношения, неосновательного обогащения не образуют. Тем самым платежные поручения могут подтверждать не только факт перечисления денежных средств, но и служить доказательством наличия договорных отношений между сторонами и отсутствия неосновательного обогащения. Более того, если при перечислении денежных средств с различным назначением платежа сторона не требовала встречного исполнения либо возврата денежных средств, то также можно говорить о наличии между сторонами договорных отношений, тогда как при ошибочном перечислении денежной суммы разумным было бы незамедлительное направление требования о возврате денеж-

ных средств, а при перечислении в счет оплаты за выполненные работы – требования о выполнении работ, оказании услуг. В ином случае поведение стороны, которая бездействовала в отношении своевременности возврата денежных средств, может рассматриваться как выходящее за рамки обычного поведения хозяйствующего субъекта, осуществляющего свою предпринимательскую деятельность (деятельность, направленную на получение прибыли) на свой страх и риск [12].

Отдельно необходимо рассмотреть оценку доказательств со стороны суда, когда между сторонами отсутствует письменная форма договора.

Суды оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, при этом каждое доказательство подлежит оценке арбитражным судом наряду с другими доказательствами. Предоставление судам соответствующих полномочий по оценке доказательств вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и является одним из проявлений дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия, что вместе с тем не предполагает возможность оценки судом доказательств произвольно и в противоречии с законом. Кроме того, результаты оценки доказательств суды отражают в судебном акте, содержащем мотивы принятия или отказа в принятии доказательств, представленных лицами, участвующими в деле, в обоснование своих требований и возражений [3, 7]. Свидетельские показания, фотоснимки строящегося объекта, расчетные таблицы могут также подтверждать наличие фактических договорных отношений между сторонами.

Ограничение предмета доказывания при рассмотрении дела в судах, повлекшее принятие ошибочных судебных актов, может являться основанием для направления дела на новое рассмотрение [16].

Наконец, необходимо обратить внимание на особенности исчисления срока исковой давности при отсутствии договора в письменной форме и наличии между сторонами фактических договорных отношений.

Конституционный Суд РФ в Определении от 21.12.2006 №576-О [2] указал, что установление в законе общего срока исковой давности, т. е. срока для защиты права по иску лица, пра-

во которого нарушено (ст. 195 и 196 ГК РФ), обусловлено необходимостью обеспечить стабильные и определенные отношения, сложившиеся между участниками гражданского оборота. Истечение срока исковой давности, о применении которого заявлено стороной в споре, само по себе является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске (п. 2 ст. 199 ГК РФ).

Срок исковой давности на предъявление требований о взыскании денежных средств может быть определен по дате последнего платежного поручения.

В некоторых ситуациях срок исковой давности может быть пропущен в результате бездействия руководителя компании относительно взыскания дебиторской задолженности в судебном порядке [17]. Не были проведены меры по взысканию задолженности с дебиторов: участник не обращался с претензиями к дебиторам, с исками в суд в течение срока исковой давности.

Уклонение от надлежащей деятельности руководителя юридического лица в виде взыскания имеющейся дебиторской задолженности в пределах исковой давности не может быть признано добросовестным и разумным, отвечающим экономическим интересам компании. Такое поведение лица выходит за пределы обычного делового (предпринимательского) оборота [13].

Существуют ситуации, когда истец не указывает значимых факторов, которые препятствовали или затрудняли использование средства правовой защиты – обращения в суд с иском в пределах срока исковой давности [4].

В отдельных случаях необходимо отличать сроки исковой давности от материально-правовых сроков. В соответствии с п. 1 ст. 725 ГК РФ срок исковой давности для требований, предъявляемых в связи с ненадлежащим качеством работы, выполненной по договору подряда, составляет один год, а в отношении зданий и сооружений определяется по правилам ст. 196 ГК РФ [11]. Кроме того, согласно положениям ст. 756 ГК РФ указанный в ней 5-летний срок – это предельный срок для обнаружения недостатков выполненных работ, а не для предъявления требований в связи с ненадлежащим их качеством. Этот срок не является сроком исковой давности, а представляет собой материально-правовой срок, истечение которого прекращает ответственность подрядчика за качество выполненной по договору работы [15]. Руководствоваться необходимо общим

сроком исковой давности – 3 года (п. 1 ст. 196 ГК РФ), особенно если сторона обратилась в суд с иском о взыскании неосновательного обогащения (избран неверный способ защиты), для которого в соответствии со ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности составляет именно 3 года.

В заключение необходимо отметить, что отсутствие договора в письменной форме отнюдь не означает отсутствие между сторонами фактических договорных отношений. Напротив, необходимо исходить из волеизъявления сторон, которое может быть подтверждено конклюдентными действиями (действиями лица, выражающими его волю установить правоотношение с помощью поведения, по которому можно сделать заключение о таком намерении) и отсутствием каких-либо претензий стороны в отношении качества поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг.

К сожалению, практика российских судов показывает, что норма подп. 4 ст. 1109 ГК РФ чаще используется как раз недобросовестными лицами, стремящимися уклониться от возврата неосновательно полученного в обход норм закона.

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.19 г.).

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2006 №576-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рябовой Веры Сергеевны на нарушение ее конституционных прав статьей 153, положением пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации и положениями части шестой статьи 152 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.19 г.).

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2017 №306-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «ГАЗЛЮКС трейд» на нарушение конституционных прав и сво-

бод статьей 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.19 г.).

4. Постановление Европейского суда по правам человека от 03.10.2013 по делу «Яви против Греции» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.19 г.).

5. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. №8.

6. Постановление Президиума ВАС РФ от 05.02.2013 №12444/12 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.19 г.).

7. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.11.2013 №18002/12 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.19 г.).

8. Постановление Президиума ВАС РФ от 29.01.2013 №11524/12 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.19 г.).

9. Определение Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 22.11.2013 №ВАС-15734/13 по делу №А04-9035/2012 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.19 г.).

10. Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров: информ. письмо Президиума ВАС РФ от 05.05.1997 №14 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1997. №7.

11. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.03.2016 по делу №А33-258/2015 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.19 г.).

12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.11.2017 по делу №А40-184890/2016 // Справочно-право-

вая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.19 г.).

13. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.01.2017 по делу №А60-1134/2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.19 г.).

14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.10.2017 по делу №А40-84762/17 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.19 г.).

15. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2013 по делу №А63-14290/2012 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.19 г.).

16. Гагиева А.В. Конституционный принцип свободы экономической деятельности и его реализация посредством саморегулирования // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11-4 (76). С. 29-32.

17. Луценко С.И. Договорные отношения и неосновательное обогащение: дифференциация правовых категорий // Современное право. 2018. №9. С. 43-47.

О. Ю. Батяева, Э.В. Кертанова, М.Б. Цаликова

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, РАЗВИТИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ

В статье анализируется зарождение и развитие, правовой статус транснациональных корпораций на современном этапе в условиях интернационализации производства и капитала, перерастающих национально-государственные границы

Ключевые слова: *транснационализация, транснациональные корпорации, транснациональная компания; трансграничная несостоятельность, механизм правового регулирования.*

Транснациональная корпорация – это корпорация, которая обладает производственными мощностями в нескольких странах, управляемыми из единого центра. В некоторых источниках

определение данного термина звучит так: корпорация, международный бизнес которой является существенным [1].

Свои истоки ТНК берут с начала 16 века и на протяжении последующих нескольких сотен лет в крупных колонизациях и империализме предприятий, в Западной Европе можно увидеть это. Например, в течение данного периода, такая фирма как Британская Ост-Индская компания (Ост-Индская компания, до 1707 года – Английская Ост-Индская компания— акционерное общество, созданное 31 декабря 1600 г.), осуществила британскую колонизацию Индии и ряда стран Востока. Фактически королевский указ предоставил компании монополию на торговлю в Индии. Первоначально компания имела 125 акционеров и капитал в 72 тысячи фунтов стерлингов. Компания управлялась губернатором и советом директоров, который был ответствен перед собранием акционеров. Коммерческая компания вскоре приобрела правительственные и военные функции, которые утратила только в 1858. Вслед за Голландской Ост-Индской компанией, Британская также начала размещать свои акции на бирже. Компания также имела интересы за пределами Индии, стремясь обеспечить безопасные маршруты к Британским островам. В 1620 году она пыталась захватить Столовую гору на территории современной ЮАР, позднее заняла остров Святой Елены. Войска компании держали Наполеона на острове Святой Елены; её продукты подверглись атаке американских колонистов во время Бостонского чаепития, а верфи Компании послужили образцом для Санкт-Петербурга.

После Второй мировой войны наблюдался период не только роста управления ТНК в мировой торговле, а также рост товарооборота в предприятиях этой корпорации, или «внутрифирменная» торговля. В то время как внутрифирменная торговля природных ресурсов была характерной чертой ТНК, так как до 1914 года это была торговля на промежуточные товары и услуги. Это явление последних десятилетий. Однако 80% международных расчётов по технологии отчислений и сборов на внутрифирменной основе. Проблемы, связанные с внутрифирменной торговлей концерна ТНК – возможность максимизировать прибыль, избегая рыночных механизмов и национальных законов с помощью прибора внутренней калькуляции и учёта, известного как «трансфертное ценообразование».

Трансфертные цены являются объектом контроля фискальных органов государства. Это распространённый метод, посредством которого ТНК устанавливают цены на трансферы товара, услуги, технологии и кредиты между своими филиалами по всему миру, которые существенно отличаются от цен фирм, которые не пришлось бы платить. За счёт снижения цены в странах, где налоговые ставки высоки, и переносить их в страны с более низкой налоговой ставкой, например, ТНК могут снизить общее налоговое бремя, таким образом, повышая общую прибыль. Практически все внутрифирменные отношения, в том числе консультативные услуги, страхование, и общего управления могут быть классифицированы как операции. Поэтому правительства, которые не имеют никакой возможности контролировать передачу ценообразования ТНК, находятся под давлением, чтобы снизить налоги, в качестве средства привлечения инвестиций, или ведение деятельности компании в своей стране. Таким образом, налоговые поступления, которые могут быть использованы для социальных программ или других бытовых нужд, теряются.

Кроме того, в странах, где есть государственный контроль, не позволяющий компаниям устанавливать розничные цены на товар выше определенного процента от цены импортных товаров, или себестоимости продукции, фирма может завышать расходы на импорт из их дочерних компаний, а затем предъявляют более высокие розничные цены. Кроме того, ТНК могут использовать завышение импорта или экспорта по заниженным ценам в обход правительственных барьеров на репатриацию прибыли, в результате национальные государства могут понести большие убытки от курсовых разниц. Например, если материнская компания имеет прибыльную дочернюю компанию в стране, где родитель не желает реинвестировать прибыль, он может перевести их на завышение цен импорта в эту страну. В течение 1970 годов исследования доказали, что в среднем завышение цен материнских фирм по импорту по их латиноамериканским дочерним компаниям в фармацевтической отрасли составил 155%, а импорта сырья красителей и материалов в филиалы индийских ТНК были завышены между 124 и 147%.

В России с 2012 года действует новое законодательство по трансфертному ценообразованию. Оно регулируется Разде-

---

лом V. 1. Налогового кодекса РФ. Новым разделом законодательства вводятся нормы, соответствующие руководству ОЭСР по трансфертному ценообразованию. До 2012 года регулирование производилось ст. 40 Налогового кодекса РФ «Принципы определения цены товаров, работ или услуг для целей налогообложения» и ст. 20 Налогового кодекса Российской Федерации [2]. Перечень контролируемых налоговыми органами сделок включает также сделки с взаимозависимыми лицами. В этих случаях российские налоговые органы имеют право сравнивать применённые налогоплательщиками цены с рыночными и доначислять налоги.

В современных ТНК в России уже благодаря новым компьютерным технологиям превалирует сетевая организация с базами транснационального капитала и узлами управления в крупных городах различных стран. Развитие мировых коммуникационных сетей и глобальных ТНК с сетевой структурой управления проходило параллельно, и эти процессы, безусловно, взаимодополняли и стимулировали друг друга.

Единые для всего мира финансовые инструменты, стандарты передачи и обработки информации, единообразные финансовые и информационные институты создают идеальную среду для транснационализации бизнеса и свободного движения его капитала.

При превалирующей сетевой системе организации звенья современных ТНК представляют собой, говоря языком компьютерных сетевых технологий, своеобразные «порты», открытые для подсоединения к корпоративной сети взаимосвязей новых элементов через механизмы транснациональных стратегических групп. Благодаря этому границы компаний и промышленных альянсов размываются или приобретают форму неких «созвездий», включающих связанные между собой, но до известной степени независимые, компании различных размеров и отраслей.

В последние годы наряду с традиционным вывозом капитала в форме прямых инвестиций транснациональные компании все более практикуют экспорт организационных технологий, ноу-хау и целых фрагментов развившихся в других странах пребывания корпорации или зародившихся в недрах самой ТНК неформальных институтов в сфере организации и управления. Постепенно руководители передовых ТНК нача-

ли понимать, что инновации являются лишь видимой вершиной айсберга социокультурных институтов, и для обеспечения их непрерывного и успешного производства необходимо научиться переносить крупные институциональные методы в «принимающие» страны.

В тех случаях, когда интересы транснационального капитала объективно совпадают с интересами определенных национальных государств, он может обеспечить им значительные и даже решающие преимущества в межгосударственной экономической конкуренции. В передовых странах это двоевластие приняло характер симбиоза. Развитые государства активно поддерживают собственные ТНК, которые, в свою очередь, обеспечивают союзникам поступление налоговых средств от международной деятельности и, что возможно более важно, распространение их экономического, а в дальнейшем и политического влияния.

Наиболее общей причиной возникновения транснациональных корпораций (ТНК) является интернационализация производства и капитала на основе развития производительных сил, перерастающих национально-государственные границы.

Интернационализация производства и капитала приобретает характер экспансии хозяйственных связей через создание крупнейшими компаниями многочисленных отделений за границей и превращения национальных корпораций в транснациональные. Вывоз капитала становится важнейшим фактором в формировании и развитии международных корпораций.

Изучение деятельности и влияния ТНК на мировую экономику началось в 1972 году, когда под руководством Организации Объединённых Наций (ООН) был создан Центр по ТНК. На протяжении ряда лет предпринимались попытки создания международного регулирования деятельности ТНК как ООН, так и другими международными организациями, которые оказались неудачными. Международные организации пытались создать систему регулирования ТНК исходя из помощи развивающимся государствам, в результате чего развитые страны не позволили это сделать, так как у них были силы и возможности взаимодействия с корпорациями на равных началах и получение выгоды от их деятельности. С 1993 г. и до сих пор над проблемой ТНК работает специальное подразделение ЮНКТАД [3]. За годы работы были созданы ключевые источники информации по ТНК, а

каждый год формируются доклады по мировым инвестициям. В настоящее время деятельность ТНК в принимающих странах регулируется «Трехсторонней декларацией принципов, касающаяся многонациональных корпораций и социальной политики» [4], принятой в 1977 г. под покровительством МОТ (Международная организация труда). В ней обозначены стандарты в вопросах найма, обучения, условий труда и жизни, отношений на производстве. В 1980 г. ГА ООН одобрила систему многосторонне согласованных справедливых правил и принципов для контроля запретительной деловой практики, а в 1994 г. ЭКОСОС (Экономический и социальный совет ООН) издал обзор по вопросам учёта и отчётности транснациональных корпораций, делающих информацию об их деятельности более открытой. В 1982-1985 гг. были заключены соглашения о международной производственной кооперации 151 крупнейшими корпорациями, что стало важной правовой основой деятельности ТНК. Данные соглашения повышают эффективность процесса производства и улучшают взаимодействие принимающей страны и ТНК на рынке. Отдельные аспекты деятельности ТНК могут регулироваться ТРИМС [5] и ТРИПС [6], принятым Уругвайским раундом ГАТТ/ВТО (1994 г.). В июле 2003 г. Комиссия по правам человека одобрила проект конвенции «Нормы ответственности транснациональных корпораций». Несмотря на деятельность международных организаций, основную роль в регулировании деятельности ТНК в настоящее время выполняют национальные законодательства, регламентирующие допуск и условия деятельности прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в их экономиках. Благодаря ПИИ в развивающиеся страны поступает более половины всего притока финансовых ресурсов, а это превышает по своим объёмам официальную помощь на цели развития. Несмотря на несформированную правовую основу, существует много теорий, уже признающих ТНК субъектами современного международного права либо субъектами создаваемого некоего нового права, призванного заменить собой ныне действующее международное право.

В Российской практике юридическая доктрина не поддерживает позицию, требующую делегирования ТНК части государственных правомочий, исходя из того, что договоры, заключаемые между государствами и компаниями, являются гражданскими сделками, а не межгосударственными соглашениями

и, соответственно, относятся к сфере международного частного права [7]. С одной стороны, правительство России осуществляет контроль деятельности дочерних компаний иностранных ТНК на своей территории, обязывая их проявлять активное участие в развитии отечественной промышленности. Например, участие в инновационных экономических кластерах РФ одних ТНК. А также решать социальные проблемы по созданию дополнительных рабочих мест путём размещения заводов конечного цикла производства и сборки товаров на территории РФ других ТНК. С другой стороны, происходит помощь национальным ТНК внутри страны, помощь в их становлении для выхода на мировой уровень [8].

Таким образом, предоставляется нецелесообразным и невозможным применять радикальные меры ограничения деятельности ТНК и принудительного приобщения их к нормам социальной ответственности. Невозможным является и наделение ТНК правовым статусом государства. В каждой стране имеется своё законодательство, регламентирующее деятельность ТНК, но законодательство большинства государств не контролирует деятельность транснациональных корпораций должным образом (например, экологические, социальные аспекты), поэтому необходимо выработать кодекс взаимоотношений ТНК и государств базирования, основанный на сотрудничестве ТНК и государств, который возможно применять во всем мире без ущемления интересов стран-реципиентов.

Примечания:

1. Михайлушкин А. И., Шимко П. Д. Экономика транснациональной компании: Учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2005. С. 24.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая 31 июля 1998 года № 146-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2019) [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 10.10.2019).

3. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) // <http://unctad.org/en/Pages/aboutus.aspx> (дата обращения: 19.10.2019).

4. Трёхсторонняя декларация принципов, касающихся мно-

гонациональных корпораций и социальной политики, принятая Административным советом Международного бюро труда на его 204-й сессии (Женева, 17 ноября 1977 г., с поправками, принятыми на его 279-й сессии (Женева, ноябрь 2000 г.) [Электронный ресурс] // <https://base.garant.ru/2561777>.

5. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) [Электронный ресурс] // <http://www.vavt.ru/wto/wto/GATT-1994> (дата обращения: 19.10.2019).

6. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г.) (с изменениями и дополнениями): Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (с изм. на 6.12.2005 г.) (вступил в силу с 22.09.2017 г.) [Электронный ресурс]. / СПС «Ганант» // <https://base.garant.ru/4059989/> (дата обращения: 19.10.2019).

7. Антонова П.А., Макаревич М.Л. Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 1 (19). С. 16.

8. Механик А. Кто станет транснациональной корпорацией // Expert Online, 2016. [Электронный ресурс] // <http://expert.ru/2016/12/1/konkurs-buduschih-chempionov/> (дата обращения: 19.10.2019).

Х. С. Бугулов, З. К. Бораев

ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА АРЕНДЫ

В статье рассматриваются условия договора аренды. Автор исследует такое существенное условие договора аренды, как предмет. Анализируются предмет различных видов арендных правоотношений и их особенности с точки зрения теории и правоприменительной практики.

Ключевые слова: договор аренды, гражданское законодательство, имущество, гражданско-правовое регулирование.

Содержание договора аренды образуют его условия, в числе которых важно выделить существенное. Для договора аренды существенным является условие о его предмете, отсутствие

данного условия в договоре – основание для признания его незаключенным. По вопросу о том, что именно является предметом договора аренды, у исследователей договора аренды однозначного мнения не сложилось. Так, А. О. Иншакова и А. О. Козлова считают, что «предмет договора аренды – это имущество, передаваемое по договору. Таким имуществом является потребляемая вещь, определяемая индивидуальными признаками, так как эта же самая вещь, по окончании действия договора, должна быть возвращена арендодателю. Это означает, что родовая и потребляемая вещи предметом аренды быть не могут» [7]. В. В. Витрянский полагает, что договор аренды является двуобъектным. При этом действия арендатора и арендодателя являются объектом первого рода, а имущество, которое предоставляется в аренду, – объект второго рода и пользование арендатора [2]. Предмет договора – это «совокупность прав и обязанностей сторон договора, в комплексе обеспечивающих возникновение или переход прав на объект договора к выгодоприобретателю с одновременным соблюдением корреспондирующих прав всех других сторон договора» [6].

Объект договора – это то, по поводу чего возникает правоотношение сторон договора аренды. Это объект материального мира, вещь существующая, или та, которая должна быть создана, и на которую в силу договора должны возникнуть права у арендатора. Соответственно, в случае с договором аренды объектом аренды будет являться то имущество, которое подлежит передаче в пользование либо владение и пользование арендатора.

Согласно ст. 607 ГК РФ в аренду могут передаваться любые вещи, которые в процессе их использования не теряют своих натуральных свойств (то есть не потребляемые вещи). В договоре аренды необходимо указать данные, позволяющие точно установить имущество, которое подлежит передаче арендатору как объект аренды (п. 3 ст. 607 ГК РФ). Таким образом, в договоре аренды обязательно следует указать данные, индивидуализирующие имущество, подлежащее передаче. Если в договоре предмет описан недостаточным образом, то имеются основания для признания его незаключенным.

Однако в настоящее время в судебной практике возобладала позиция, в соответствии с которой в первую очередь поддерживается стабильность гражданского оборота. Так, согласно

п. 15 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды», если арендуемая вещь в договоре аренды не индивидуализирована должным образом, но договор фактически исполнялся сторонами, стороны не вправе оспаривать этот договор по основанию, связанному с ненадлежащим описанием объекта аренды, в том числе ссылаться на его незаключенность или недействительность.

Статья 607 ГК РФ регламентирует перечень объектов гражданского оборота, которые могут быть переданы в аренду следующим положением: «в аренду могут быть переданы земельные участки и другие обособленные природные объекты, предприятия и другие имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и другие вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования (непотребляемые вещи)». Кроме того, названная статья указывает на необходимость указания данных, позволяющих определенно установить имущество, подлежащее передаче арендатору в качестве объекта аренды, чтобы договор аренды считался заключенным. В этой связи некоторые ученые придерживаются точки зрения, что объектом договора аренды могут быть исключительно индивидуально-определенные вещи.

В.А. Белов утверждает, что предметом договора аренды могут быть любые не изъятые из оборота индивидуально-определенные непотребляемые вещи [1]. Такой же точки зрения придерживаются С.П. Гришаев, А.М. Эрделевский, которые указывают, что объекты аренды во всех случаях – вещи индивидуально-определенные и непотребляемые (неуничтожаемые и неизменяющиеся, не считая нормального износа, своих свойств в процессе пользования, потребления). Эти качества объекта связаны с временным характером владения и пользования, а также обязанностью арендатора вернуть арендодателю именно ту вещь, которая ему предоставлена, и в том состоянии, в каком он ее получил (статья 622 ГК РФ) [9]. Схожей позиции придерживается А.В. Никитин, который полагает, что предметом договора имущественного найма (аренды) являются индивидуально-определенные и непотребляемые вещи, подлежащие возврату по окончании его срока действия [12].

Аналогичную точку зрения можно встретить и в учебной юридической литературе: по договору аренды всегда передается индивидуально-определенная вещь, и получатель обязуется вернуть ту же самую, конкретно определенную вещь [5].

В аренду может быть передана часть вещи. Так, в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 73 разъясняется, что аренда части вещи (к примеру, части земельного участка, не являющейся самостоятельным объектом права) является допустимой и не противоречит законодательству (п. 9). Одним из аргументов, высказанных в Постановлении № 73 в поддержку допустимости аренды части вещи, является ссылка на то, что Гражданский кодекс РФ, включая ст. 606 ГК РФ, допускает передачу объекта аренды только в пользование арендатора, исключая владение. Отсюда можно сделать вывод, что собственник (иной законный владелец вещи) может оставаться владельцем вещи, которая передана в аренду, только в том случае, если эта вещь передана в аренду не в полном объеме, не «целиком». Таким образом, согласно Постановлению № 73 договоры аренды, заключенные в отношении части вещи, не должны признаваться незаключенными или недействительными.

В судебной практике в отношении аренды части земельного участка в настоящее время преобладает другая правовая позиция, согласно которой, к примеру, земельный участок или его часть может быть объектом аренды только после формирования границ (межевания) и постановки на кадастровый учет. В противном случае договор аренды участка или его части является незаключенным. «В то же время имеются и немногочисленные примеры обратной судебной практики, в которых допускается заключение договоров аренды в отношении части земельного участка, не прошедшей кадастровый учет» [3].

В судебной практике допускается аренда части помещения в случае, если договор аренды части помещения содержит сведения, позволяющие индивидуализировать эту часть, если она есть на поэтажном плане.

Предметом аренды не могут быть:

- вещи обладающие индивидуальными признаками, обезличиваются, смешиваясь с имуществом пользователя;
- охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридиче-

ского лица (изобретения, полезные модели, промышленные образцы, секреты производства, информация, товарные знаки и другие), так как предоставление прав на их использование осуществляется на основе лицензионных соглашений, которые не относятся к договорам аренды (имущественного найма).

Есть и другие виды имущества, которые либо запрещаются законом для сдачи в аренду, либо ограничиваются. Пример: вооружение, железные дороги общего пользования, атомные электростанции и пр. Недвижимое имущество, предназначенное для проживания людей, не может сдаваться в аренду по правилам гл. 34 ГК РФ, поскольку наем жилой недвижимости регулируется специальными нормами гл. 35 ГК и Жилищным кодексом РФ. Нормами, составляющими общие положения об аренде, регулируется аренда нежилых помещений, не являющихся самостоятельными зданиями и сооружениями.

В пункте 1 статьи 611 ГК РФ написано, что арендодатель обязан предоставить арендатору имущество в состоянии, соответствующем условиям договора аренды и назначению имущества, то есть пригодным для пользователя. Условия сдачи имущества описаны в пункте 2 статьи 611 ГК РФ. Имущество сдается в аренду вместе со всеми его принадлежностями (например, инженерными коммуникациями в здании) и относящимися к нему документами (сертификатом качества, техническим паспортом и т. п.), если другое не предусмотрено договором. Если эти принадлежности и документы не переданы, и арендатор не сможет воспользоваться этим имуществом в соответствии с его назначением или лишится того, на что рассчитывал при заключении договора, арендатор вправе требовать от арендодателя эти принадлежности и документы, либо требовать расторжения договора и возмещения убытков.

При наличии материальных (фактических) дефектов и юридических изъянов арендуемой вещи, при отсутствии обычных и обусловленных договором качеств либо при наличии свойств, препятствующих нормальному использованию, вещь, передаваемая арендатору, считается несоответствующей условиям договора. Пример материального дефекта – протекание крыши в арендуемом доме. Пример юридического изъяна – наличие прав третьих лиц на арендуемое имущество (право залога с запретом передачи заложенной вещи третьим лицам и др.). По закону при заключении договора аренды арендодатель обязан

предупредить арендатора о правах третьих лиц на сдаваемое в аренду имущество, и это должно быть прописано в договоре. При несоблюдении арендодателем этой обязанности (ст. 613 ГК РФ) арендатор вправе требовать уменьшения арендной платы и возмещения убытков.

Обязанность арендодателя за недостатки сдаваемого в аренду имущества, препятствующие пользованию им, раскрываются в статье 612 ГК РФ. Арендодатель должен устранить эти недостатки, даже если при заключении договора о них не знал, либо заменить это имущество аналогичным. Согласно этой статье арендатор вправе требовать устранения недостатков этого имущества или уменьшения арендной платы, или возмещения расходов, если сам их устранил, или удержать эти расходы из арендной платы, либо потребовать расторжения договора. Арендатор вправе требовать возмещения непокрытой части убытков. За те недостатки, которые оговорены в договоре аренды и известны арендатору или должны были быть обнаружены при осмотре и проверке имущества, арендодатель не отвечает [4].

Для некоторых видов договора аренды в качестве важных условий могут быть предусмотрены и другие условия договора. Так, согласно статье 654 ГК РФ при заключении договора аренды зданий и сооружений является арендная плата. Не является существенным условие о сроке арендного договора, если согласно пунктам 1,2 статьи 610 ГК РФ в договоре срок аренды не определен, то договор аренды заключается на неопределенный срок и даже в этом случае договор аренды заключается на время, так как не исключает возможность прекращения по желанию одной из сторон. Об этом говорится в статье 606 Гражданского кодекса: «имущество передается арендатору во временное владение и пользование или пользование». Также законом устанавливаются предельные (максимальные) сроки для конкретных видов имущества и отдельных видов аренды. В предельные сроки договоров аренды необходимы предотвращения отчуждения имущества под видом аренды и возможности изменения условий пользования имуществом при изменении хозяйственной обстановки для каждой из сторон договора.

В связи с развитием экономической ситуации в стране в настоящее время все более распространенными становятся договоры, объектом которых является весьма специфическое имущество, в частности объекты незавершенного строитель-

ства (объекты недвижимости, не введенные в эксплуатацию), а также будущие результаты строительства. Таким образом, в рамках настоящего параграфа представляется обоснованным рассмотреть данные объекты гражданского оборота в структуре арендных отношений.

Существует несколько точек зрения относительно потенциальной возможности отнесения объектов незавершенного строительства к объектам договора аренды. В.А. Микрюков указывает, что объект незавершенного строительства, являясь не потребляемой и не изъятой из оборота вещью, может быть объектом договора аренды, за исключением случаев, указанных в законе. В этих целях указанный автор предлагает установить единый правовой режим для аренды зданий, сооружений и объектов незавершенного строительства [11]. Аналогичной позиции придерживается А.А. Сорокин, утверждая, что объекты незавершенного строительства вполне способны активно вовлекаться в экономический оборот, в том числе в составе предмета договора аренды, так как это не нарушает чьи бы то ни было права и законные интересы [13].

Судебная практика также подтверждает правомерность передачи в аренду объектов незавершенного строительства. «Объект незавершенного строительства имеет признаки недвижимого имущества и к сделкам объектам незавершенного строительства предъявляются требования, предъявляемые к объектам недвижимости. В соответствии со статьей 607 ГК РФ незавершенное строительство может являться объектом аренды» [16].

Другие авторы, напротив, указывают, что объекты незавершенного строительства не могут быть отнесены к составным частям предмета договора аренды, поскольку такие объекты не представляют имущественного интереса для арендатора. Данной позиции придерживается К.К. Шалагинов, который указывает: «...сомнения вызывает также и возможность передачи в аренду объектов незавершенного строительства, рассматриваемых в правовом смысле в качестве объектов недвижимости, поскольку извлечение полезных свойств из незавершенной вещи не представляется возможным...» [14]. Также существует судебная практика, которая указывает, что объект незавершенного строительства не может быть включен в предмет договора аренды. Так, в одном из дел суд указал: «Оценивая отношения,

возникшие между истцом (пользователем) и ответчиком (собственником) по поводу пользования недвижимым имуществом, арбитражный суд пришел к выводу, что договор аренды жилых помещений является незаключенным, поскольку на дату подписания договора здание являлось объектом незавершенного строительства и его характеристики изменялись по мере проведения строительных работ, в связи с чем невозможно определенно установить имущество, фактически переданное в аренду» [15].

Однако кроме изложенных позиций существует и третья точка зрения. Исследователи гражданско-правового статуса недостроенной недвижимости отмечают, что при выявлении возможности использования объекта незавершенного строительства в целях, предусмотренных договором, установление арендных отношений допустимо [10]. Следствием такой точки зрения явилось утверждение, что заинтересованное лицо вполне может отыскать даже в незавершенной вещи полезные для него свойства, ради которых заключается договор. Аналогичной точки зрения придерживается Л. Т. Кокоева, которая не исключает, что фундамент многоэтажного дома кто-то пожелает получить в аренду для использования по иному назначению (например, для использования под стрелковый тир или кафе на открытом воздухе), но в таком случае перед нами вовсе не объект незавершенного строительства [8]. Подытоживая, следует согласиться с мнением последних, что объект незавершенного строительства действительно может быть объектом договора аренды. Однако в данном случае необходимо сделать одну важную оговорку, что извлечение блага из такового должно происходить непосредственно в момент самого существования объекта незавершенного строительства, т. е. до ввода его в эксплуатацию, поскольку именно после получения разрешения на ввод в эксплуатацию объект незавершенного строительства исчезает.

Между тем, несмотря на то обстоятельство, что гражданское законодательство становится все более гибким, как представляется, вся выше обозначенная полемика ученых и практиков, которая связана с необходимостью изучения и укреплению правовой конструкции договора аренды объекта незавершенного строительства и предварительного договора аренды будущей недвижимости, является в некоторой степени искусственной

и мнимой. Полагаем, что избежать всякого рода нагромождений в области правового регулирования арендных отношений позволит легализация возможности заключения договоров аренды, где объектом выступает еще не созданная вещь, в том числе построенная спустя некоторое время после заключения сделки. Полагаем, что введение конструкции договора аренды будущей недвижимости, в некоторой степени, не будет являться новым правовым феноменом для российского гражданского права. Схожее положение содержится в статье 455 ГК РФ, где указана возможность для заключения договора купли-продажи вещи, которая на момент заключения договора отсутствует у продавца. Аналогичным образом выстраиваются отношения в предпринимательском секторе при заключении договоров поставки.

Примечания:

1. Белов В.А. Правовое регулирование договора аренды: анализ общего и специального законодательства в сфере арендных отношений // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2014. № 2.

2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 2 Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2002.

3. Васильева В. В. Договор аренды: юридические аспекты. М.: «ГроссМедиа: РОСБУХ», 2007.

4. Витрянский В. В. Договор аренды и его виды: прокат, фрахтование на время, аренда зданий, сооружений и предприятий, лизинг. М.: Статут, 2010.

5. Зенин И. А. Гражданское право. Особенная часть. М.: Юрайт, 2017.

6. Иванова Е. В. Договорное право в 2 т. Том 2. Особенная часть. М.: Юрайт, 2017.

7. Иншакова А. О., Козлова М. Ю. Конструкция договора аренды на страже результативности гражданского оборота имущества // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2013. №2.

8. Кокоева Л. Т. Основные проблемы гражданско-правового регулирования арендных отношений. Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03. Саратов, 2004.

9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Феде-

рации, части второй (постатейный) / под ред. С. П. Гришаева, А. М. Эрделевского. [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс»: // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 12.02.2019 г.)

10. Мельников Н. Н. Сделки с объектами незавершенного строительства // *Хозяйство и право*. 2010. № 4.

11. Микрюков В. А. О возможности обременения объекта незавершенного строительства договором аренды // *Адвокат*. 2013. № 4.

12. Никитин А. В. О предмете договора аренды // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2014. № 11.

13. Сорокин А. А. Некоторые аспекты правового регулирования оборота объектов незавершенного строительства. Аренда объектов незавершенного строительства // *Вестник Евразийской академии административных наук*. 2013. № 1.

14. Шалагинов К. К. К вопросу о возможности заключения договора аренды объекта незавершенного строительства // *Пространство экономики*. 2009. №3-2.

15. Определение ВАС РФ от 20.01.2009 № 17279/08 по делу № А17-1012/2007 (официально не опубликовано) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс»: // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 12.02.2019 г.).

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс»: // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 21.02.2019 г.).

И. А. Дзугаева, И. В. Лишута

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ХОЛДИНГА

На сегодняшний день в российском законодательстве остается нерешенной проблема правового статуса холдинга, а большинство аспектов деятельности таких компаний определяется на основании существующей практики. В статье рассмотрена проблема отсутствия системного нормативно-правового регулирования функционирования холдинговых компаний, а также различные точки зрения и

подходы к определению правовой природы этого института рыночной экономики.

Ключевые слова: *корпоративное право, холдинг, правовой статус холдинговой компании.*

Понятие «холдинг» является доктринальным, и в настоящее время не имеет легальной дефиниции. В мировой практике существует два подхода к определению «холдинга»: согласно первому из них под «холдингом» понимается компания, имеющая долю участия в других компаниях. Согласно второму подходу холдинг представляет собой совокупность компаний, находящихся между собой в отношениях зависимости (контроля) [1].

Первоначально понятие «холдинг» было включено в законодательство английских компаний для обозначения компании, которая владеет акциями других компаний. Американские экономисты Дж. Гутман и Дж. Дугалл дали классическое определение холдинговых компаний: «В самом распространенном определении этого термина холдинговая компания – это компания, которая имеет долю в другой компании, которая дает право делового контроля».

Таким образом, согласно ранее действующему законодательству в британских компаниях, компания представляет интерес в дочерней компании, если выполняется одно из условий:

корпорация (B) владеет большинством голосующих акций корпорации (A);

корпорация (B) является членом корпорации (A) и имеет право назначать (отзывать) большинство членов совета директоров корпорации (A);

корпорация (B) является членом корпорации (A) и контролирует, независимо или совместно с другими акционерами или участниками, по соглашению с ними, любое большинство голосов в корпорации (A);

• компания (A) является одной из дочерних компаний другой компании, которая, в свою очередь, является дочерней компанией компании (B)» [2].

В российском праве первоначальная «холдинговая компания» также называлась исключительно управляющая компания с долей в дочерних компаниях. Об этом можно узнать из первых нормативных актов, затрагивающих деятельность холдинговых компаний.

Так, во Временном положении о холдинговых компаниях, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 16 ноября 1992 года № 1392 «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий», определяется как «предприятие, независимо от его организационно-правовой формы, активы которого включают контрольные пакеты акций других предприятий».

Однако со временем в законодательстве Российской Федерации был принят второй подход, согласно которому холдинг представляет собой совокупность организаций, подконтрольных друг другу. Таким образом, в соответствии со статьей 4 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» банковским холдингом является объединение не юридических лиц, состоящее из юридических лиц, в состав которого входит хотя бы одна кредитная организация, находящаяся под контролем юридического лица, не являющегося кредитной организацией...». Кроме того, в федеральном законопроекте Российской Федерации «О холдингах» отражен аналогичный подход. Согласно законопроекту, холдинговая компания – это совокупность двух или более юридических лиц, связанных отношениями управления одного из участников в деятельности других участников холдинга, на основе прав управляющей компании определять свои решения [3].

В доктрине холдинг часто упоминается как «набор основных компаний и дочерних компаний», как «группа лиц, включая управляющую компанию и другие хозяйствующие субъекты, над которыми управляющая компания имеет возможность принимать решения, выбранные ими» [3].

В. С. Белых определяет участие как «форму профессиональной ассоциации, которая представляет собой группу взаимосвязанных юридических лиц, в которой холдинговая компания (основная компания) имеет право управлять деятельностью других участников партнерских отношений в силу контрольного пакета акций в их уставном капитале в соответствии с договором или иным образом определять решения, принимаемые этими компаниями для выполнения общих задач и обеспечения эффективной работы всей операции» [4]. Н. Я. Коваленко также включает в концепцию холдинга особую цель создания такой ассоциации: «проводить общую экономическую политику для достижения одной или нескольких целей, общих для всей хол-

динговой компании» [5]. Е. О. Кутин дает следующее определение: «Холдинговая компания – это структурированное объединение трех или более связанных организаций, которые не имеют статуса юридического лица, но имеют частичную правосубъектность в отдельном типе правовых отношений (налоговые правоотношения, а также правовые отношения, возникающие из законодательства об организации торговли и защите конкуренции) и действуют на разных рынках товаров и услуг в качестве единой консолидированной организации» [5].

К. Я. Портной определяет холдинговую компанию как «группу лиц, в которую входят управляющая компания (холдинговая компания) и коммерческие организации, чья управляющая компания имеет право принимать решения» [6].

Признаки холдинга были детально проанализированы И. С. Шиткиной. В своей диссертации она дает следующее определение холдинга: форма профессиональной ассоциации, которая представляет собой группу организаций, основанных на отношениях экономического контроля, включая членов, при сохранении формальной юридической независимости в своей коммерческой деятельности, подчиняются одному из членов группы – холдинговой компании (управляющей компании). Для обозначения различных форм экономических взаимоотношений И. С. Шиткина предлагает использовать доктринальную концепцию «объединение», дополняя ее знаком «предпринимательское объединение», целью которой является получение прибыли. Таким образом, она рассматривает холдинг как тип профессиональной ассоциации с определенными характеристиками, которая отличает его от других ассоциаций, а именно:

Холдинговая компания – это ассоциация вертикального типа, основанная на экономической подчиненности, что означает способность одного субъекта определять решения другого. «В инвестициях в акционерный капитал управляющие компании, как правило, крупнейшие компании, осуществляют контроль над деятельностью дочерней компании в связи с владением основными пакетами акций в уставном капитале, договором или другими».

В настоящее время ни в одной юрисдикции закон не рассматривает холдинг как единое независимое образование, обладающее правосубъектностью, поскольку такой режим противоречил бы пожеланиям учредителей холдинга, целью которого

было создание нескольких взаимосвязанных компаний, а не один объект [7].

Однако главная цель холдинга – объединить интересы нескольких субъектов в рамках одной политики и стратегии. В некоторых случаях действия, предпринятые в рамках этой стратегии, могут привести к убыткам для контролируемой компании. Во-вторых, на самом деле воля дочерней компании подчиняется воле основной компании, которая является центром процесса принятия решений и основным бенефициаром экономических выгод от деятельности дочерней компании. Следовательно, в деятельности дочерней компании существует конфликт интересов между несколькими группами: интересы контролирующей компании, которая является контролером, который стремится, прежде всего, получить прибыль от деятельности всей компании, с одной стороны, и с другой стороны, противоречащие интересам кредиторов и других заинтересованных сторон, заинтересованных в соблюдении дочерним предприятием своих обязательств.

Таким образом, холдинговая компания представляет собой объединение юридических лиц, основанное на корпоративном контроле отношений между ее деятельностью на рынке как единого хозяйствующего субъекта. Однако с точки зрения права холдинговая компания должна рассматриваться только как совокупность формально независимых юридических лиц, поскольку ее признание в качестве отдельного лица противоречит цели создания холдинговой компании, тем самым создавая совокупность юридических лиц, самостоятельно несущих ответственность по своим обязательствам. Тем не менее, в некоторых случаях корпоративное право должно признавать существование такой ассоциации, регулировать ее деятельность, главным образом, для разрешения конфликтов интересов, возникающих при управлении компаниями, принадлежащими холдингу. Основным вопросом, возникающим в связи с деятельностью предприятия, который должен быть разрешен законом, является вопрос о распределении обязанностей между участниками холдинга.

Примечания:

1. Шиткина И.С. Холдинги: Правовое регулирование экономической зависимости. Управление в группах компаний М.: Волтерс Клувер, 2014. С. 83.

2. Келлер Т. Концепции холдинга. Организационные структуры и управление. Обнинск, 2016. С. 19.

3. Предпринимательское право России / Под ред. Бельх В.С. М., 2013. С. 166.

4. Коваленко Н.Ю. Холдинг как гражданско-правовая модель взаимодействия хозяйствующих субъектов: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2015. С. 12.

5. Кутин Е. О. Правовое положение холдингов, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере розничной торговли: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 8.

6. Портной К. Я. Правовое положение холдингов в России: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 7-8.

7. Шиткина И. С. Правовое регулирование организации и деятельности холдинга как формы предпринимательского объединения: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 18.

В. Т. Зангиев, А. В. Гагиева

САМОРЕГУЛИРУЕМЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК НЕКОММЕРЧЕСКИЕ КОРПОРАЦИИ

В статье рассматривается правовой статус саморегулируемых организаций как разновидности ассоциаций (союзов), анализируются характерные черты саморегулируемой организации как некоммерческой организации.

Ключевые слова: гражданское право, саморегулируемые организации, юридические лица, предпринимательская деятельность, имущественная ответственность.

Согласно п. 1 ст. 123.8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) саморегулируемые организации (далее – СРО) и их объединения создаются в организационно-правовой форме ассоциации (союза) [1]. В то же время необходимо учитывать, что особенности правового статуса СРО

как ассоциации определяются не только ГК РФ. Как справедливо было указано в письме Минюста РФ от 21 августа 2015 г. №11-97901/15 [4] (которое носит разъяснительный характер), СРО относятся к числу юридических лиц, создаваемых для осуществления деятельности в определенной сфере, в силу положений п. 1 ст. 3 Закона «О саморегулируемых организациях» [3] (далее – закон о СРО), что позволяет сделать вывод о приоритете норм указанного Федерального закона и иных федеральных законов, регулирующих деятельность СРО, перед положениями ГК РФ. Тем не менее, в правовой характеристике СРО, созданных в организационно-правовой форме ассоциации (союза), прослеживаются традиционные законодательные признаки некоммерческих организаций.

Во-первых, основная цель деятельности любой некоммерческой организации, в том числе и СРО, не связана с получением прибыли. Применительно к СРО законодатель определяет основную цель их деятельности (саморегулирование) – разработка и установление стандартов и правил предпринимательской или профессиональной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил (ч. 1 ст. 2 Закона о СРО). О. Г. Ершов замечает, что иных целей законодатель в этой части не предусматривает, поэтому инициативность и добровольность объединения хозяйствующих субъектов для их координации деятельности отходит на второй план, а на первое место ставится защита потребителей, обеспечиваемая достижением при построении правовых норм публичного интереса [7]. О. А. Чернега полагает, что цель и средства к ее достижению взаимосвязаны: цель не может быть достигнута в случае отсутствия необходимых для ее реализации средств, равно как и наличие средств к достижению цели бессмысленно, если не определена или отпала сама цель [10], с чем считаем возможным согласиться. Поэтому цели деятельности СРО должны быть следующие:

- совершенствование управления предпринимательской (профессиональной) деятельностью участников;
- создание благоприятных условий для осуществления предпринимательской (профессиональной) деятельности;
- повышение качества товара, работ и услуг, предоставляемых предпринимателями;
- повышение юридических гарантий для потребителей и

установление дополнительных мер по предупреждению вреда жизни или здоровью физических лиц, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации.

Цели деятельности отдельных видов СРО, которые в ряде случаев выведены из-под действия Закона о СРО, могут определяться в законах, регламентирующих их особый статус. Так, согласно ст. 48 ФЗ «О рынке ценных бумаг» СРО учреждается профессиональными участниками рынка ценных бумаг для обеспечения условий профессиональной деятельности участников рынка ценных бумаг, соблюдения стандартов профессиональной этики на рынке ценных бумаг, защиты интересов владельцев ценных бумаг и иных клиентов, профессиональных участников рынка ценных бумаг, являющихся членами СРО, установления правил и стандартов проведения операций с ценными бумагами, обеспечивающих эффективную деятельность на рынке ценных бумаг [6]. ФЗ от 18 июля 2009 г. №190-ФЗ «О кредитной кооперации» определяет цель деятельности СРО кредитных кооперативов как регулирование и контроль деятельности кредитных кооперативов, являющихся их членами, а также представление и защиту интересов членов СРО (ст. 35). Во всех этих случаях цель деятельности СРО сопряжена с установлением правил поведения для ее членов, что является отражением понятия саморегулирования. Однако само содержание саморегулирования наполняется дополнительными элементами – контролем за выполнением правил и стандартов, разрабатываемых СРО, и даже защитой интересов членов СРО. По иному определяются цели деятельности СРО в градостроительной сфере. В соответствии со ст. 55.1 ГК РФ основными целями СРО в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства являются:

– предупреждение причинения вреда жизни или здоровью физических лиц, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации вследствие недостатков работ,

которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства и выполняются членами саморегулируемых организаций;

– повышение качества выполнения инженерных изысканий, осуществления архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства [2].

Во-вторых, законодателем установлен запрет на распределение полученной прибыли между участниками некоммерческих организаций. Данное правило непосредственно связано с возможностью некоммерческой организации заниматься приносящей доход деятельностью и получать прибыль от занятия такой деятельностью. Анализ норм ст. 12 Закона о СРО показывает, что СРО вправе осуществлять приносящую доход деятельность, т. е. оказывать услуги по предоставлению информации на платной основе, предоставлять образовательные услуги, заниматься продажей информационных материалов. Соответственно, СРО не вправе распределять полученную прибыль от указанных видов деятельности между своими членами.

Одним из квалифицирующих признаков СРО как ассоциации (союза) является то, что она, по общему правилу, объединяет субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности определенного вида, исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров. Это правило нашло отражение в других специальных законах об отдельных видах СРО. Более того, в градостроительной сфере законодатель, несмотря на то, что изыскатели, проектировщики, строители взаимосвязаны и являются участниками одного процесса – строительного, исключил возможность создания одной СРО для всех этих участников градостроительной деятельности (ст. 55.3 ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 14 ФЗ «О саморегулируемых организациях» саморегулируемая организация не вправе осуществлять предпринимательскую деятельность. В то же время возможно, чтобы СРО выступала учредителем в других коммерческих организациях, и здесь законодатель установил только одно ограничение: СРО не может выступать учредителем в тех коммерческих организациях, которые занимаются теми же видами деятельности (определить это можно по кодам ОКВЭД), что и члены данной СРО. Действующее законодательство опреде-

ляет такой вид деятельности, как аналогичный предмету саморегулирования СРО. Также следует отметить, что анализ ст. 12 ФЗ «О саморегулируемых организациях» показывает, что СРО вправе осуществлять иную, приносящую доход деятельность, т. е. оказывать услуги по предоставлению информации на платной основе, предоставлять образовательные услуги, заниматься продажей информационных материалов. Только вот почему данные виды деятельности не будут рассматриваться как предпринимательская деятельность – вопрос остается открытым. По мнению А. Н. Колябина, саморегулируемые организации арбитражных управляющих, не занимаясь предпринимательской деятельностью, вряд ли покроют дефицит собственного бюджета взносами своих членов, поэтому правило о запрете СРО заниматься предпринимательской деятельностью излишне [9]. На наш взгляд, норма п. 1 ст. 14 ФЗ «О саморегулируемых организациях» требует изменения, поскольку, установив прямой запрет на осуществление предпринимательской деятельности, законодатель, тем не менее, допускает возможность осуществления ее саморегулируемой организацией.

Следует также заметить, что СРО могут получать доход, полученный, например, в виде дара, пожертвований или завещания, и в этом случае, как справедливо отмечает О. П. Кашковский, возможности распоряжения иными, кроме прибыли, видами доходов остались неурегулированными [8]. СРО, являясь некоммерческими организациями, тем не менее, отличны от последних, – законодателем установлены обязательные требования, предъявляемые исключительно к СРО (п. 3 ст. 3 ФЗ «О саморегулируемых организациях»).

Кроме того, законодатель установил исключение из общего правила об объединении в СРО субъектов либо только предпринимательской, либо только профессиональной деятельности определенного вида. Возможность объединения в одной СРО субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности определенного вида может быть предусмотрена исключительно федеральными законами. В настоящее время такая возможность установлена в трех федеральных законах (п. 1 ч. 3 ст. 18 ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ч. 1 ст. 18 ФЗ «Об аудиторской деятельности», ч. 1 ст. 18 ФЗ «Об аль-

тернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации))».

Помимо указанных выше требований, предъявляемых к СРО, законодатель предусмотрел также следующее:

а) в состав СРО должны быть включены в качестве ее членов не менее 25 субъектов предпринимательской деятельности или не менее 100 субъектов профессиональной деятельности определенного вида, если федеральными законами в отношении СРО, объединяющих субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности соответствующего вида, не установлено иное. Так, согласно ст. 17 ФЗ «Об аудиторской деятельности» установлены иные требования о количественном составе членов названной организации (не менее 10000 физических лиц или не менее 2000 коммерческих организаций);

б) у СРО должны иметься стандарты и правила предпринимательской или профессиональной деятельности, обязательные для выполнения всеми членами СРО – это требование отражает основную цель деятельности СРО;

в) СРО должна обеспечивать дополнительной имущественной ответственностью каждого своего члена перед потребителями произведенных товаров (работ, услуг) и иными лицами. Норма ст. 13 ФЗ «О саморегулируемых организациях» выделяет два способа обеспечения СРО имущественной ответственности своих членов: 1) создание системы личного и (или) коллективного страхования; 2) формирование компенсационного фонда СРО. В ряде других федеральных законов, определяющих статус отдельных видов СРО, устанавливается также обязанность применения двух названных способов обеспечения имущественной ответственности (например, относительно СРО арбитражных управляющих данное правило закрепляется ст. ст. 20, 24.1, 25.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Наличие вышеперечисленных требований является обязательным для приобретения статуса СРО, что предопределено ролью и значением СРО – выполнять определенные функции регулятора экономических отношений. В некоторых областях деятельности законодателем определяются и иные требования к СРО, что связано со спецификой тех общественных отношений, в которых участвуют названные организации. Законодатель закрепил правовой статус СРО через определение харак-

теристики осуществляемой в ее рамках деятельности, ее субъектного состава и ее содержания.

Законодателем введено еще одно дополнительное требование для осуществления деятельности СРО. СРО должна обладать определенными специализированными органами. Норма ч. 1 ст. 19 Закона об СРО устанавливает обязательность создания двух специализированных органов СРО: 1) органа, осуществляющего контроль за соблюдением членами СРО требований стандартов и правил СРО; 2) органа по рассмотрению дел о применении в отношении членов СРО мер дисциплинарного воздействия.

Правило о создании специализированных органов в СРО может быть изменено или исключено другими федеральными законами. Применительно к отдельным видам СРО законодателем выделяются и другие специализированные органы: например, в СРО арбитражных управляющих формируется также орган по отбору кандидатур арбитражных управляющих для представления арбитражным судам в целях утверждения их в деле о банкротстве (п. 9 ст. 21.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») в СРО оценщиков – экспертный совет (ст. 24.2 ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ») и др. В ГрК РФ применительно к СРО в градостроительной сфере не предусмотрено создание специализированных органов, их функции выполняет постоянно действующий коллегиальный орган управления (ст. 55.11).

Требования о количественном составе СРО, разработке правил и стандартов, обеспечении дополнительной имущественной ответственностью своих членов являются обязательными, если иное не установлено федеральным законом. Такая формулировка приведенного правила, по сути, может привести к неправильному толкованию и «стиранию» каких-либо особенностей правовой природы создаваемых СРО, например, в сфере рекламы. Согласно ст. 32 ФЗ «О рекламе» законодатель в числе прав (но не обязанностей!) СРО в сфере рекламы предусматривает право разрабатывать, устанавливать и опубликовывать обязательные для выполнения всеми членами СРО правила профессиональной деятельности в сфере рекламы, а согласно ст. 31 названного Закона СРО в сфере рекламы создаются с целью выработки требований соблюдения этических норм в рекламе и обеспечения контроля за их выполнением. Таким образом, СРО в сфере рекламы могут и не соответствовать

требованиям, указанным в законе об СРО, что, на наш взгляд, вряд ли оправданно.

Поскольку СРО – это не самостоятельная организационно-правовая форма некоммерческих организаций, законодатель связывает приобретение некоммерческой организацией (ассоциацией) правового статуса СРО не с моментом создания некоммерческой организации, а с внесением сведений о некоммерческой организации в государственный реестр саморегулируемых организаций. Только после внесения сведений о некоммерческой организации в реестр она приобретает статус СРО и на нее распространяются соответствующие правила действующего законодательства. Судебная практика также исходит из подобного вывода.

Например, Определением Верховного Суда РФ вопрос о ликвидации некоммерческой организации был передан на новое рассмотрение в суд первой инстанции по причине отсутствия данных о том, что благотворительный фонд включался в реестр саморегулируемых организаций. Суд установил, что в Едином государственном реестре юридических лиц данный фонд зарегистрирован в ведомственном реестре некоммерческих организаций. Между тем в силу требований комментируемого Закона некоммерческая организация приобретает статус саморегулируемой с даты внесения сведений о ней в государственный реестр саморегулируемых организаций [5].

Само саморегулирование должно рассматриваться как результат («продукт») объединения, что нашло свое закрепление в законодательном определении СРО. СРО представляют собой объединение субъектов предпринимательской деятельности исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг) либо объединяющие субъектов профессиональной деятельности определенного вида.

Наличие перечисленных выше требований является обязательным для приобретения статуса СРО, что предопределено ролью и значением СРО – выполнять определенные функции регулятора экономических отношений. В некоторых областях деятельности законодателем определяются и иные требования к СРО, что связано со спецификой тех общественных отношений, в которых участвуют названные организации.

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс] / Справочно-правовая система «Консультант Плюс» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 31.10.19 г.).

2. Градостроительный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. №190-ФЗ. [Электронный ресурс] / Справочно-правовая система «Консультант Плюс». // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 31.10.19 г.).

3. Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. №315-ФЗ «О саморегулируемых организациях». [Электронный ресурс] / Справочно-правовая система «Консультант Плюс». // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 31.10.19 г.).

4. Письмо Минюста РФ от 21 августа 2015 г. №11-97901/15 [Электронный ресурс] / Справочно-правовая система «Консультант Плюс». // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 31.10.19 г.).

5. Определение Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. №46-Впр10–14. [Электронный ресурс] / Справочно-правовая система «Консультант Плюс». // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 31.10.19 г.).

6. Гагиева, А.В. Конституционный принцип свободы экономической деятельности и его реализация посредством саморегулирования // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11-4 (76). С. 29-32.

7. Ершов О.Г. Организационно-правовая форма саморегулируемых организаций в сфере строительства. // Налоги. 2015. №39.

8. Кашковский О.П. О критериях разграничения коммерческих и некоммерческих организаций // Юрист. 2014. №5. С. 18.

9. Колябин А.Н. Саморегулируемая организация арбитражных управляющих как юридическое лицо: Дис.... канд. юрид. наук. Волгоград, 2009.

10. Чернега О.А. Правовая модель благотворительности и благотворительных организаций: гражданско-правовой и социологический аспекты: Дис.... канд. юрид. наук. М., 1998.

УЧРЕДИТЕЛИ КОРПОРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы определения понятия и правового статуса учредителя корпорации, юридические факты, связанные с переходом правового статуса учредителя в иной правовой статус, круг прав и обязанностей, которые возникают у лица в связи с приобретением статуса учредителя.

Ключевые слова: гражданское право, корпорация, коммерческая деятельность, правовой статус учредителя, правовой факт.

Любые лица – субъекты гражданского права (физические лица, юридические лица, публично-правовые образования (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования)) при наличии необходимой и достаточной дееспособности могут участвовать в создании юридического лица способом его учреждения и приобретать специальный правовой статус учредителя.

Такой подход в полной мере соответствует конституционному принципу свободы экономической деятельности (ст. ст. 8 и 34 Конституции РФ). Статья 34 Конституции РФ, в частности, устанавливает, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Участие в создании юридического лица рассматривается Конституционным Судом РФ в качестве формы реализации права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [1].

Понятие «учредитель», а также элементы его правового статуса с возможным указанием различных вариаций изменения таких элементов в настоящее время нигде не закреплены. Для определения правового статуса необходимо учитывать несколько принципиально важных моментов: юридический факт, после которого у лица возникает правовой статус учредителя, и юридический факт, после реализации которого такой статус

прекращается; трансформируется ли правовой статус учредителя в иной правовой статус и с каким юридическим фактом связана указанная трансформация; круг прав и обязанностей, которые возникают у лица в связи с приобретением статуса учредителя; важно также проследить судьбу этих прав и обязанностей при указанной трансформации.

Установить юридический факт, после которого у лица возникает правовой статус учредителя, в настоящее время затруднительно [2].

В самом общем виде для всех форм, видов и типов юридических лиц исходя из ст. 50.1 ГК РФ под учредителем можно понимать лицо, которое приняло решение об учреждении юридического лица (если имеет место единоличное учредительство) или которое участвовало в принятии решения об учреждении юридического лица (если решение принималось двумя или более лицами).

Однако определение факта принятия решения (участия в принятии решения при соучредительстве) в качестве единственного наталкивается на ряд возражений.

Главное из таких возражений состоит в том, что субъекты права, в особенности если речь идет о соучредительстве, еще до того, как принимается решение об учреждении, совершают различные, в том числе юридически значимые, действия.

К примеру, в соответствии со ст. 11 Закона о политических партиях учредителями политической партии признаются «делегаты учредительного съезда политической партии». Таким образом, участник съезда – это учредитель (а само участие в съезде – соучредительство) вне зависимости от того, участвовал ли он в голосовании и как голосовал (а закон здесь не предусматривает единогласия – согласно ст. 14 Закона о политических партиях решения учредительного съезда политической партии принимаются большинством голосов делегатов) [3].

При создании некоторых видов организаций лица еще до принятия решения о создании на собрании могут заключить между собой договор об учреждении, определяющий порядок осуществления ими совместной деятельности по учреждению нового лица. Причем существующее описание такого рода договоров в законах о корпорациях отдельных видов такую схему, скорее, предполагает [4]. Так, ст. 11 Закона об ООО указывает, что учредители общества заключают между собой в письмен-

ной форме договор об учреждении общества, определяющий порядок осуществления ими совместной деятельности по учреждению общества, размер уставного капитала общества, размер и номинальную стоимость доли каждого из учредителей общества, а также размер, порядок и сроки оплаты таких долей в уставном капитале. Заметим, что часть указанных сведений должно содержать и решение об учреждении общества (размер уставного капитала). Можно сказать, что договор, если он будет заключаться после принятия решения, будет отражать его часть, но, скорее всего, имеется в виду иная ситуация: учредители сначала договариваются о размере уставного капитала, как и о других параметрах создаваемой корпорации, а затем реализуют свои договоренности в виде принимаемого решения об учреждении.

На такой вывод наталкивает анализ текста и ст. 11 Закона об ООО, и ст. 50.1 ГК РФ, которая требует указания в решении об учреждении общества размера, способов и сроков образования имущества юридического лица, т. е. указания обязательных элементов договора об учреждении [5].

Таким образом, если субъекты заключают указанный договор до проведения учредительного собрания корпорации, то именно с момента заключения договора об учреждении они приобретают правовой статус учредителей (в некоторых законах это отражается и в используемых словах и выражениях: «учредители общества заключают между собой...»).

В некоторых случаях закон при соучредительстве о договоре не упоминает, называя в качестве первого совместного документа учредителей, иные документы – к примеру, протокол, которым оформляется решение (ст. 7 Закона о кредитной кооперации). Даже если предположить, что договор заключается после собрания учредителей на котором принимается решение об учреждении, то надо понимать: это собрание кто-то должен организовать, провести подготовку текстов решений, иных документов, рассылку документов и проч. Проекты решений надо согласовать, поэтому если даже откинуть организационно-техническую сторону дела, ясно: субъекты еще до принятия решения находятся в определенных отношениях (переговорах) по согласованию проектов решений [3]. Каков статус у этих лиц до подписания договора об учреждении и (или) до принятия решения об учреждении? В специальных законах их иногда на-

зывают субъектами, по инициативе которых создается то или иное лицо, субъектами, «изъявившими желание» создать новое лицо.

Правовой статус «инициативников» и «изъявивших желание» лиц чаще всего никак не определяется. Но есть несколько случаев, когда закон предусматривает формирование так называемого организационного комитета, в рамках которого осуществляется подготовка необходимых решений.

Организационный комитет – форма организации деятельности учредителей корпораций на стадии учреждения вновь создаваемой корпорации. Для некоторых корпораций предусмотрена обязательность создания такого комитета, установлены подробные положения, регламентирующие его деятельность и результаты (решения), которые он должен принять [5].

Положения об организационном комитете встречаются в Законе о сельскохозяйственной кооперации, Законе о политических партиях и Законе о взаимном страховании. Причем во всех трех случаях деятельность такого комитета урегулирована различно.

Наиболее простое регулирование представлено Законом о сельскохозяйственной кооперации. Из этого Закона понятно, что формирование такого комитета обязательно. Форма его институционализации Законом не определена (договор, протокол или что-то иное), не определена конечная точка его существования, хотя, скорее всего, его деятельность исчерпывается проведением учредительного собрания, не определены права и обязанности членов такого комитета. Важно отметить, что нет прямой зависимости между участием лица в деятельности такого комитета и участием в собрании и принятием решений об учреждении юридического лица. Говоря иначе, можно принять участие в работе организационного комитета, но не принять участия в собрании и не стать впоследствии участником кооператива [6].

Развернутое регулирование деятельности организационного комитета содержится в Законе о политических партиях (ст. ст. 12, 13). Законом предусмотрена форма создания такого комитета – протоколом собрания определены цель его деятельности и срок полномочий (не более одного года), предусмотрено проведение учредительного съезда политической партии, установлена обязательность письменного сообщения о

его создании уполномоченному государственному органу, предоставлена возможность открытия специального расчетного счета, а также заключения договоров гражданско-правового характера через определенное комитетом уполномоченное лицо, установлены факты, в связи с наступлением которых организационный комитет прекращает свою деятельность (проведение учредительного съезда политической партии или в случае, если организационным комитетом в течение срока его полномочий не будет проведен учредительный съезд политической партии). Здесь также нет прямой зависимости между участием лица в деятельности такого комитета и его последующим участием в учредительном съезде.

Последний пример деятельности организационного комитета – организационный комитет общества взаимного страхования застройщиков (ст. 23.2 Закона о взаимном страховании). Этот пример существенно отличается от двух предыдущих: организационный комитет формируется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере строительства. Причем участники такого комитета, как и сам указанный федеральный орган исполнительной власти, в число учредителей не входят, поскольку к функциям комитета как раз относится подбор будущих учредителей [6]. Лицо, планирующее быть учредителем, подает в организационный комитет заявление на участие в отборе учредителей. Участник отбора, в отношении которого принято решение о соответствии его заявки установленным требованиям, допускается к участию в учредительном собрании общества взаимного страхования гражданской ответственности застройщиков. Таким образом, как видно, участие в отборе не есть учредительство, статус учредителя возникает здесь на основании общих правил.

Еще одну форму волеизъявления на участие в создаваемой организации (в учредительном собрании) предусматривает ст. 8 Закона о сельскохозяйственной кооперации, в которой указана группа лиц, выражающих намерение участвовать в кооперативе еще до проведения собрания в форме подачи заявлений о вступлении в члены кооператива. В этом случае такие лица не признаются прямо учредителями.

Иное значение имеет письменное заявление, о котором го-

ворит ст. 8 Закона об общинах коренных малочисленных народов: таким письменным заявлением выражается «воля к вступлению в общину малочисленных народов» [3].

Есть законы, где лиц, участвующих в организации учредительного собрания, прямо называют учредителями организации. Так, ст. 6 Закона об общественных объединениях учредителями такого объединения называет физических лиц и юридических лиц – общественные объединения, созвавшие «съезд (конференцию) или общее собрание, на котором принимается устав общественного объединения, формируются его руководящие и контрольно-ревизионный органы». Таким образом, учредителем является лицо, которое участвует в организации (созыве) собрания и имеет намерение при достижении соответствующих его интересам договоренностей стать после государственной регистрации участником юридического лица.

Пункт 6.2 Инструкции Банка России от 2 апреля 2010 г. № 135-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» называет учредителями кредитной организации лиц, которые до заключения договора об учреждении (создании) кредитной организации и для целей заключения такого договора направляют в Банк России запрос о возможности использования кредитной организацией предполагаемых полного фирменного и сокращенного фирменного наименований (на русском языке).

Таким образом, в настоящее время законодательство указывает на различные юридические факты, с которыми связывается получение правового статуса учредителя: а) принятие решения о создании (участие в принятии решения о создании); б) заключение договора об учреждении (создании); в) участие в учредительном съезде; г) направление письменного заявления в уполномоченные федеральные органы; д) участие в организации собрания учредителей; е) участие в процессе учреждения в иной форме (направление запроса в уполномоченные органы).

Примечания:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2010 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости

населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н. И. Гущина». [Электронный ресурс]. СПС «Консультант Плюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100893/ (дата обращения: 23.10.2019).

2. Майорова К. И. Корпоративные отношения в некоммерческих организациях: проблемы определения природы и содержания [Текст] // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 23.

3. Суханов Е. А. Предпринимательские корпорации в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации [Текст] // Журнал российского права. 2015. № 1.

4. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. [Текст]. М.: Статут. 2014. С. 38.

5. Ламсков Д. С. Волеизъявление учредителя – юридического лица как основа создания акционерного общества: миф или реальность? [Текст] // Юрист. 2009. № 7.

6. Хабибуллина А. Ш. О правовом статусе и компетенции высшего органа управления и учредителя (участника) юридического лица на стадии ликвидации // Юрист. 2014. № 18.

Л. В. Карпенко, А. В. Гагиева

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются принципы саморегулирования, заложенные в Концепции саморегулирования, а также основные тенденции развития основных начал в указанной сфере.

Ключевые слова: законодательство Российской Федерации, нормативно-правовое регулирование, правовой механизм, институт саморегулирования, предпринимательская деятельность.

С 30 декабря 2015 года вступило в силу распоряжение Правительства РФ №2776-р «О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования» [3] (далее – Концепция саморегулирования), положениями которого необходимо руководствоваться при выработке государственной политики и формировании нормативно-правового регулирования в соответствующих сферах предпринимательской и профессиональной дея-

тельности. В настоящее время назрела необходимость теоретической и практической оценки положений данной Концепции в целях определения тенденций в совершенствовании института саморегулирования в целом и формирования специализированных пластов отраслевого законодательства, связанного с правовым регулированием процессов саморегулирования на современном этапе экономического развития в России.

Концепция саморегулирования декларирует необходимость введения в сложившуюся систему нормативно-правового регулирования в Российской Федерации устойчивых базовых принципов в целях недопущения дальнейшего размывания института саморегулирования отраслевым законодательством, а также формирования национальных отраслевых стандартов саморегулирования, которые должны содержаться в специальном отраслевом законодательстве при условии наличия бланкетных норм в Законе «О саморегулируемых организациях» [1] (далее – закон о СРО).

Рассмотренная нами Концепция регламентирует ряд принципов, на которых должно базироваться нормативно-правовое регулирование деятельности саморегулируемых организаций и их национальных объединений. К числу таких принципов относятся:

- принцип эффективной коллективной ответственности членов саморегулируемой организации;
- принцип единства отрасли;
- принцип ответственности субъектов саморегулирования за нарушение законодательства Российской Федерации о саморегулируемых организациях;
- принцип информационной открытости, прозрачности (публичности) деятельности саморегулируемых организаций и национальных объединений саморегулируемых организаций;
- принцип делегирования полномочий и отраслевого совместного регулирования.

Рассмотрим данные принципы более подробно.

Принцип эффективной коллективной ответственности членов саморегулируемой организации предполагает:

- обеспечение обращения взысканий на средства компенсационного фонда по обязательствам члена саморегулируемой организации, включая расширение перечня оснований для обращения;

– установление солидарной ответственности членов саморегулируемой организации в качестве субсидиарной ответственности к дополнительной ответственности саморегулируемой организации;

– оценку органами саморегулируемой организации риска деятельности своих членов.

Этот принцип противопоставляется принципу индивидуальной ответственности члена СРО и предполагает, что обращение взысканий распространяется не только на средства компенсационного фонда или фонда коллективного страхования СРО, но также и на средства самих членов СРО. Причем ответственность членов СРО в случае обращения взысканий за нарушение одним из ее членов имеет характер солидарной ответственности, то есть взыскание может быть получено не только из компенсационных средств СРО, но также и из средств каждого из ее членов. Такой подход позволяет существенно усилить компенсационную функцию СРО, так как даже в случае, если средства компенсационного фонда будут исчерпаны, взыскание может быть реализовано за счет других членов СРО, а не только за счет средств самой СРО. Это позволит решить сразу несколько важных задач: 1) обеспечение исполнения денежных обязательств в отношении должников члена СРО, возникших в связи с нарушением обязательств члена СРО или в связи с необходимостью возмещения причиненного им вреда; 2) расширение объема средств, на которые будет возможно обращение взыскания; 3) предоставление возможности взаимного контроля деятельности членами СРО друг друга, что приведет к усилению процессов конкуренции внутри отрасли за счет установления системы взаимодействия между ее членами. Реализация этого принципа положительно скажется на развитии конкуренции среди членов саморегулируемой организации, повысит качество и безопасность производимых ими товаров (работ, услуг).

Коллективная ответственность членов СРО является новым правовым механизмом, еще не получившим законодательного закрепления. При формировании компенсационного механизма ответственности участников предпринимательской и профессиональной деятельности необходимо исходить из следующих важных принципов:

1) компенсационная функция СРО является критериальным признаком данного института. Это означает, что саморегули-

---

руемой должна признаваться только такая некоммерческая корпорация, которая имеет в своей структуре компенсационно-восстановительный (обеспечительный) механизм ответственности;

2) в качестве общего правила СРО выступает в обороте в качестве дополнительной стороны в обязательстве по применению мер ответственности вместо своего члена в случаях, когда им не может быть исполнено соответствующее охранительное обязательство, возникновение которого связано с нарушением им стандартов и требований, устанавливаемых саморегулируемой организацией в его отношении. Обеспечительная функция СРО должна быть императивно установлена учредительными документами СРО;

3) коллективная ответственность членов СРО означает, что каждый из них может быть привлечен к ответственности в качестве солидарного должника только в случае, если СРО не исполнила обязательство по возмещению убытков или деликтное обязательство за основного должника (члена СРО). В этом случае ответственность всех без исключения членов СРО имеет солидарный характер, то есть возмещение может быть получено от любого из членов СРО;

4) любой из солидарных должников, исполнивших денежное обязательство, должен иметь право регресса к другим солидарным должникам. Поскольку при применении коллективной ответственности членов СРО предполагается, что исполнение компенсаторного обязательства одним из ее членов производится при условии отсутствия материальных средств в СРО, то такой регресс должен быть обращен на других членов СРО, не исполнивших компенсаторного обязательства. В свою очередь, в целях восполнения компенсационного фонда саморегулируемая организация должна иметь право регрессного требования в отношении того члена СРО, в результате недобросовестных или неисправных действий которого возникло обязательство по возмещению убытков или деликтное обязательство.

Принцип единства отрасли подразумевает формирование четких критериев для определения видов деятельности, устанавливающих принадлежность субъекта предпринимательской деятельности или профессионала к саморегулируемой организации и невозможность объединения их в одной саморегулируемой организации.

Принцип ответственности субъектов саморегулирования за нарушение законодательства Российской Федерации о саморегулируемых организациях с точки зрения Концепции саморегулирования означает оптимизацию системы государственного контроля (надзора) за деятельностью саморегулируемых организаций, национальных объединений саморегулируемых организаций, совершенствование нормативно-правового регулирования вопросов административной ответственности за нарушение обязательных требований.

Представляется, что указанный принцип саморегулирования не отражает его содержание в том виде, в каком это понимается Правительством РФ. Кроме этого, существует ряд иных претензий к формулировке данного принципа.

Во-первых, не вполне очевиден объем понятия «субъект саморегулирования». Не ясно, какой субъект имеется в виду – сама СРО или члены СРО.

Во-вторых, принцип ответственности не может означать оптимизацию системы государственного контроля (надзора). В этом случае речь идет не о принципе ответственности, а о принципе государственного контроля деятельности СРО.

В-третьих, вопросы совершенствования административной ответственности должны являться лишь частью функций государственных органов по контролю (надзору) за деятельностью СРО. Субъектами государственного контроля должны являться сугубо СРО, а не их члены. В этом заключается смысл законодательства о саморегулировании, когда государство устраняется от правового регулирования отдельных отраслей предпринимательской или профессиональной деятельности. Но одним применением мер ответственности не может и не должно ограничиваться применение государственного контроля. Этот контроль должен включать в себя различные по содержанию меры: 1) аудит использования средств компенсационных фондов и фондов коллективного страхования; 2) анализ антимонопольных последствий деятельности СРО; 3) выявление схем обхода закона со стороны СРО в виде злоупотребления правом в отношении потенциальных участников СРО, для которых создаются ограничения (барьеры) для входа на рынок и для доступа к профессии. В соответствии с этим должны применяться меры защиты, которые могут иметь характер не только административной ответственности. В случае выявления нецелевого или

неэффективного использования средств компенсационных фондов СРО его исполнительными органами к последним могут применяться меры имущественной ответственности, аналогичные тем, которые используются в юридических лицах (ст. 53.1 и ст. 56 ГК РФ). При нарушении требований антимонопольного законодательства сверх мер административной ответственности по ч. 3 ст. 37 ЗоЗК [2] также могут применяться меры имущественной ответственности, в том числе и путем возмещения упущенной выгоды для лиц, в отношении которых СРО были установлены барьеры по входу на рынок или ограничения для доступа к профессии. В случаях выявления схем обхода закона при злоупотреблении правом по п. 4 ст. 10 ГК РФ со СРО также могут взыскиваться убытки.

Принцип информационной открытости деятельности СРО является дополнительным средством не только государственного, но и общественного контроля, который позволяет не только самим членам СРО, но и третьим лицам, заинтересованным в результатах и эффективности деятельности СРО, иметь доступ к информации о ее деятельности и принимаемых ею решениях. Содержание контроля может касаться не только содержания стандартов и требований к членам СРО, вырабатываемых саморегулируемой организацией, но также контроля за использованием компенсационного фонда или фонда коллективного страхования. Отдельным элементом контроля может служить определение соответствия деятельности СРО антимонопольным требованиям, в частности выявление незаконной координации деятельности своих членов, так как «третий антимонопольный пакет» изменений в закон о защите конкуренции вывел координационную деятельность СРО из числа исключений антиконкурентной координации экономической деятельности (п. 14 ст. 4 ЗоЗК) [2].

Принцип делегирования полномочий и отраслевого совместного регулирования, предусматриваемый Концепцией саморегулирования, лежит в основе решения стратегической задачи по переходу к модели управления отраслями экономики, где созданы эффективно функционирующие структуры саморегулирования, с привлечением к принятию решений национальных объединений и иных форм представительства сообщества саморегулируемых организаций.

Представляется, что принцип делегирования полномочий и

отраслевого совместного регулирования более точно должен быть именован принципом сотрудничества по следующим причинам:

1) процесс отстранения государства от правового регулирования отрасли невозможен путем простого самоустранения государства от процессов управления и регулирования. В данном случае в целях сохранения контроля над отраслью необходим определенный период взаимозамещения государственно-го регулирования саморегулированием;

2) некоторыми авторами признается «делегирование» публичных функций самоорганизующимся социальным системам [5], в том числе и сообществам предпринимателей, что, по существу, формирует административные правоотношения субординации, совершенно не свойственные системе частного права. Основу существующей парадигмы «публичного статуса» саморегулируемых организаций составляет правовая позиция Конституционного Суда РФ, нашедшая отражение в его Постановлении от 19.12.2005 №12-П [4], п. 3.1 которого декларирует публично-правовую природу саморегулируемых организаций арбитражных управляющих: «Создание саморегулируемых организаций арбитражных управляющих практически одновременно с отказом от лицензирования деятельности арбитражных управляющих означает, что государство переложило на эти организации часть своих, публично-правовых, функций»;

3) совместное регулирование (сорегулирование) возможно и имеет место. Сорегулирование с обязательным саморегулированием, предусмотренное в рамках названного нормативно-правового акта, предполагает одновременную обязанность финансовых организаций, поименованных в данном Законе, и получить лицензию от мегарегулятора (ст. 10 ФЗ №223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка...»), и вступить в члены СРО, соответствующей виду деятельности данной финансовой организации (ст. 8 того же ФЗ). Сорегулирование представляется важным переходным этапом в формировании конструкции обязательного саморегулирования в целом, поэтому попытка легитимации правового механизма сорегулирования в ФЗ №223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка...» имеет важное практическое значение;

4) сорегулирование на началах добровольного саморегу-

лирования выполняет не заместительные, а восполнительные функции в дополнение к государственному регулированию (кодексы лучших практик, кодексы профессионального поведения, договорные формы (хартии), корпоративные формы (добровольные СРО);

5) этот же принцип лежит в основе взаимодействия СРО с национальными отраслевыми объединениями СРО.

На наш взгляд, необходимо выстроить единую концепцию саморегулируемых организаций, вне зависимости от выполнения ими публичного предназначения, основанную на общих (свойственные саморегулированию в любых его формах) и специальных (отражающие специфику только заданной области саморегулирования) принципах. К числу общих принципов мы относим:

- принцип дополнения нормативно-правового регулирования и взаимодействия государственного регулирования и саморегулирования;

- принцип автономии воли и инициативность субъектов саморегулирования;

- принцип формирования и выражения общей воли на основе согласования публичных и частных интересов.

В качестве специальных принципов функционирования саморегулируемой организации (как институционального средства саморегулирования) необходимо выделять:

- принцип корпоративности; принцип содействия в предпринимательстве и защиты прав и законных интересов своих членов;

- принцип независимости от государства, от ее членов и их групп;

- принцип гласности и открытости; принцип партнерского взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и саморегулируемой организации; принцип отраслевого разграничения видового многообразия саморегулируемых организаций;

- принцип единства и функциональной субсидиарной системы саморегулирования;

- принцип коллективной ответственности.

Представляется, что установление данных принципов будет способствовать развитию саморегулирования в России на современном этапе.

Примечания:

1. Федеральный закон от 01.12.2007 №315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 03.12.2007. №49. Ст. 6076.
2. Федеральный закон от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 31.07.2006. №31 (ч. 1). Ст. 3434
3. Распоряжение Правительства РФ №2776-р «О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования» // СЗ РФ. 11.01.2016. №2 (часть II). Ст. 458.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 №12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева» // СЗ РФ. 16.01.2006. №3. Ст. 335.
5. Романовская О. В. Публичная корпорация: понятие, значение, проблемы и перспективы определения правового статуса // Реформы и право. 2017. №2. С. 11.

Ч. Э. Мадзаев, А. В. Гагиева

ИНСТИТУТ АКЦИОНЕРНЫХ СОГЛАШЕНИЙ В КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается история развития института акционерных соглашений в российском праве, исследуется предмет акционерных соглашений, а именно, круг вопросов, которые чаще всего стороны урегулируют при помощи акционерных соглашений.

Ключевые слова: акционерные соглашения, стороны акционерных соглашений, развитие акционерных соглашений в российском праве.

Акционерное соглашение представляет собой юридическую конструкцию, наиболее оптимальную модель распределения прав, обязанностей, установление дополнительных обязательств или ответственности акционеров в целях эффективной реализации своих прав и интересов. Такая модель хорошо известна мировой практике [5]. Это связано с тем, что применение механизмов договорного регулирования взаимоотношений между акционерами прекрасно вписывается в природу таких

отношений, так как договор проявляет себя в активности самих участников гражданского оборота.

Российское корпоративное право является весьма молодой подотраслью российского права [6]. После распада Советского Союза и смены плановой экономики на рыночную Российская Федерация становится привлекательным государством для иностранных инвесторов, что способствовало появлению в стране совместных предприятий. Иностранные инвесторы стремились урегулировать свои отношения с российскими партнерами знакомыми им правовыми механизмами, подчиненными иностранному праву, позже и участники российских компаний начали регулировать свои отношения соглашениями акционеров [7]. Отсутствие норм об акционерном соглашении в российском законодательстве не мешало сторонам заключать такие соглашения. Упоминания об этом содержатся в публикациях как российских юристов-практиков [2], так и в публикациях иностранных юристов [5].

Однако акционерные соглашения были не приняты судебной практикой, появился ряд судебных дел, в которых российский суд негативно отнесся к возможности заключения акционерных соглашений. Так, уже знаменитое дело Мегафона стало прецедентом в аналогичных судебных спорах [7]. В данном деле был подан иск от группы миноритарных акционеров. Их правовая позиция основывалась на том, что акционерное соглашение было подчинено праву Швеции, при этом, по мнению истцов, акционерное соглашение не соответствовало статьям 35 и 55 Конституции РФ, нормам Гражданского кодекса и Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее ФЗ об АО). Данное дело дошло до суда кассационной инстанции, который в своем постановлении указал, что в силу статей 96 и 98 ГК РФ и п. 2 ст. 1, п. 2 ст. 11 ФЗ об АО данное акционерное соглашение противоречит публичному порядку Российской Федерации. Законодательное закрепление в российском праве институт акционерных соглашений получил сравнительно недавно.

Первым этапом развития данного института в отечественном законодательстве принято считать введение российским законодателем Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», статья 32.1. Положения данной статьи направлена на регулирование акционерных соглашений. Согласно данной статье, акционерным соглашением в россий-

ском праве признается договор об осуществлении прав, удостоверяемых акциями и (или) об особенностях осуществления прав на акции [2]. В 2014 году в Гражданский кодекс РФ внесена статья 67² «Корпоративный договор» [1], тем самым продолжая развивать данный институт в российском корпоративном праве. Таким образом, правовое регулирование акционерных соглашений осуществляется как Гражданским кодексом РФ, так и специальными законами

Акционерное соглашение является обязательным для всех сторон, подписавших его, данная обязанность предусмотрена пунктом 4 статьи 32.1 ФЗ об АО. Аналогичные нормы содержатся и в ГК, так, согласно п. 5 ст. 67² корпоративный договор не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем. Если участник общества не участвует в акционерном соглашении, то оно не может создать для него каких-то обязанностей и ограничивать его права.

Если одной из сторон акционерного соглашения был заключен договор, нормы которого нарушают акционерное соглашение, то данный договор можно признать недействительным только в случае, если его вторая сторона знала, что нормы данного договора нарушают акционерное соглашение. Акционерное соглашение должно быть заключено в письменной форме в единственном экземпляре, также стороны акционерного соглашения должны подписать его. Данные требования содержатся в п. 1 ст. 32.1 ФЗ об АО. Данные требования должны воспрепятствовать возникновению споров, связанных с условиями акционерного соглашения [3].

Участники акционерного соглашения могут заключить его как в простой письменной форме, так и удостоверить его нотариально. Для сторон, подписавших акционерное соглашение, возникает обязанность уведомить общество о факте его заключения в течение 15 дней после заключения. Данная обязанность исходит из п. 4.1 ст. 32 ФЗ об АО. Данное уведомление должно содержать в себе информацию о полном наименовании общества, о наименовании компании или имени лица, приобретшего данную возможность, дате заключения и вступления акционерного соглашения в силу, а также о датах внесения и вступления в силу изменений в акционерное соглашение, о сроке действия акционерного соглашения и о дате прекращения акционерного соглашения, о количестве акций, принадлежащих лицам, кото-

рые заключили акционерное соглашение, о количестве обыкновенных акций общества, которые предоставляют данному лицу возможность распоряжаться голосами на общем собрании акционеров, о дате уведомления общества.

После уведомления у публичного общества возникает обязанность раскрыть информацию, которая содержится в уведомлении. Стороны акционерного соглашения могут зафиксировать в акционерном соглашении способы защиты своих прав, а также ответственность за их несоблюдение. Например, стороны могут воспользоваться такими способами защиты прав, как возмещение убытков стороной, которая нарушила акционерное соглашение, взыскание штрафа или неустойки со стороны, нарушившей акционерное соглашение, выплата компенсации, либо применить другие меры. Возмещение причиненных нарушением акционерного соглашения убытков является универсальным для гражданского права. Оценка размера убытков при нарушении акционерного соглашения является довольно проблематичной задачей [4]. Регулирование убытков, возникших из-за нарушения акционерных соглашений, не развито так же, как регулирование убытков вследствие нарушения других договоров. Следовательно, можно сделать вывод о том, что использование данного правового механизма для защиты сторон акционерного соглашения не будет обладать успехом, так как не ясно, как будут рассчитаны размеры убытков и как доказывать наступление убытков вследствие нарушения стороной акционерного соглашения его условий.

Взыскание неустойки является достаточно удобным способом защиты нарушенного права для потерпевшей стороны акционерного соглашения. Так, преимуществом данного способа является отсутствие обязанности у потерпевшей стороны доказывать причинение ей убытков на основании п. 1 ст. 330 ГК РФ. К отрицательным характеристикам неустойки можно отнести тот факт, что в силу ст. 333 ГК РФ размер неустойки может быть снижен судом, однако согласно п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ № 81 от 22 декабря 2011 г., хотя размер неустойки может быть снижен судами на основании заявления ответчика, в котором будут содержаться доказательства завышения неустойки, истец может приводить доказательства, подтверждающие факт того, что размер неустойки не был завышен [8].

Таким образом, данный способ защиты нарушенного права является целесообразным, так как, с одной стороны, позволяет истцу не доказывать факт причинения ему убытков, а с другой стороны, позволяет ответчику использовать ст. 333 ГК РФ как меру защиты от завышения суммы неустойки. Выплату компенсации потерпевшей стороне акционерного соглашения можно назвать специальным способом, так как законодатель в ФЗ об АО рассматривает его отдельно от выплаты неустойки. Согласно п. 7 ст. 32.1. ФЗ об АО акционер, чьи права были нарушены, может требовать от нарушившей стороны выплаты компенсации, которая, в свою очередь, может быть выражена в определенной денежной сумме, которая фиксируется в акционерном соглашении, а также ее размер может быть определен на основе расчета, который стороны зафиксируют акционерным соглашением [2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование данного способа для защиты нарушенного права стороны акционерного соглашения является весьма затруднительным, так как нет сформировавшейся судебной практики по данному вопросу, и неизвестно, как суды воспримут данную форму защиты сторон акционерного соглашения.

Акционерное соглашение представляет собой договор, в котором регулируются вопросы осуществления прав акционеров, вытекающие из факта владения акциями, а также прав на сами акции. На сегодня акционерное соглашение является эффективной правовой формой определения общих интересов акционеров общества, осуществления ими оперативных, согласованных действий по управлению обществом. Акционерное соглашение является гражданско-правовым договором, существенным условием которого является его предмет. Предметом соглашения признается осуществление корпоративных прав, вытекающих из владения акциями, и соблюдение обязанностей акционерами и сторонами договора.

Специфический предмет акционерного соглашения позволяет сделать вывод о том, что это не просто гражданско-правовой договор, а договор с сочетанием корпоративного элемента. В целом акционерное соглашение представляет собой определенную обязательственную модель гражданского договора, в содержание которой входит материальный объект – акции и юридический объект – способы и особенности

реализации прав акционеров, вытекающие из факта владения акциями. Правовые последствия неисполнения акционерного соглашения разнообразны. Однако даже при многообразии способов защиты, применяемых при нарушении соглашений, институт акционерных соглашений требует серьезной доработки, чтобы в полной мере обеспечить стабильность гражданского оборота и полную защиту интересов сторон такого корпоративного договора.

В нашей стране акционерные соглашения признаются на законодательном уровне относительно недавно, но уже сейчас можно сказать, что регулирование приобретает с каждым реформированием все более высокий уровень стабильности практики заключения и реализации акционерных соглашений. В свою очередь, это обеспечивает более высокий уровень защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота и сторон акционерного соглашения в частности.

Приложения:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. [Электронный ресурс]// Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 8.12.2018 г.).

2. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант» // <https://www.garant.ru> (дата обращения: 8.12.2018 г.).

3. Антонова, Л. И. Локальное правовое: регулирование. Теоретическое исследование / Л. И. Антонова. М., 2016. 152 с.

4. Бандурин А. В. Экономико-правовое регулирование; деятельности: корпораций в России / А. В. Бандурин, Л. Ф. Зинатулин. М.: БУКВИЦА, 2016. 212 с.

5. Качлавова К. Д., Гагиева А. В. Сравнительная характеристика предпринимательской корпорации в США и акционерного общества в России// Бюллетень Владикавказского института управления. 2017. Т. 53. С. 99-107.

6. Кашанина Т. В. Корпоративное право (право хозяйственных товариществ и обществ): учебник для вузов / Т. В. Кашанина. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2014. 815 с.

7. Кокаев С. С., Гагиева А. В. Предпринимательские объеди-

нения // Бюллетень Владикавказского института управления. 2017. № 51. С. 208-217.

8. Постановления Пленума ВАС РФ № 81 от 22 декабря 2011 г. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант» (дата обращения: 8.12.2018 г.).

Д. Д. Маргиев

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Статья посвящена основным подходам к пониманию правовой природы корпоративных отношений и анализу правовой базы, регулирующей процессы создания, ликвидации и функционирования организационных форм корпоративных отношений.

Ключевые слова: корпоративные правоотношения, юридические лица, корпоративные права, корпоративный договор, корпоративный бизнес.

Модернизация гражданского законодательства, которая происходит в последние годы, очень существенно обновила структуру и систему Гражданского кодекса Российской Федерации. Стоит отметить, что включение в предмет гражданско-правового регулирования корпоративных отношений, обозначение гражданско-правовых сообществ, которые принимают решения, имеющие правовое значение в деятельности юридических лиц, а также возможность использования общих положений об обязательствах к требованиям, которые возникли из корпоративных отношений, с одной стороны, дают возможность определить состав и природу последних на основании действующего законодательства, а не абстрактных заключений или зарубежного законодательства, а с другой стороны – констатировать, что ГК РФ регулирует управленческие отношения.

Включение в ст. 2 ГК РФ особой зоны отношений, которые связаны с участием в корпоративных организациях или с управлением ими, корпоративных отношений, наряду с правовым положением участников гражданского оборота, а также договорных и других обязательственных отношений, привело к регули-

рованию гражданским законодательством новых понятий. Это такие понятия, как решение собрания, корпоративный договор, корпоративные права участников (учредителей), а также обязанности учредителей (участников) перед соответствующим юридическим лицом. Стоит отметить, что указанные институты или их элементы разрабатывались учеными без учета новейшего российского законодательства. Даже можно сказать, что происходило заимствование норм зарубежного корпоративного законодательства и судебной практики. Все зависело от приверженности авторов к англосаксонской или континентальной системам права [1].

Для определения существа корпоративных отношений стоит, прежде всего, обратиться к ст. 65.1-65.3 ГК РФ, имея в виду то, что нормы, которые регулируют корпоративные отношения, имеются и в других главах ГК РФ (в частности, гл. 9.1, гл. 68).

В статье 48 ГК РФ, кроме гражданских прав и обязанностей юридического лица (п. 1), выделены корпоративные права участников корпорации (п. 3). Вследствие участия в корпоративной организации ее участники приобретают корпоративные (членские) права и обязанности в отношении юридического лица, которое ими создано, кроме случаев, которые предусмотрены ГК РФ [2].

Также стоит отметить, что в большом количестве исследований по корпоративному и гражданскому праву большое внимание уделяется корпоративному договору, хотя он прямо не характеризует корпоративные отношения, которые регулируются российским гражданским законодательством.

Закрепление в российском законодательстве института корпоративных договоров стало активно обсуждаться в российском правоведении, при этом справедливо подчеркивалось, что этот институт заимствован из английского права.

Сначала стоит сделать оговорку о традиционном делении договоров на два вида: нормодоговоры и договоры-сделки, в рамках которого можно рассмотреть и проанализировать особенности корпоративного договора. Если гражданско-правовые договоры-сделки – это правовая конструкция взаимоотношений между ее сторонами, является основанием возникновения, прекращения и изменения правоотношения (ст. 8, 153 и 154 ГК РФ), то корпоративный нормативный договор создает норму права, которая регулирует сложившиеся корпоративные

отношения (ст. 2 и 65.1 ГК РФ). И стороны данного договора, вместе с другими локальными источниками права, заключают соглашение, которое определяет правило их корпоративного поведения (ст. 67.2 ГК РФ).

Корпоративный договор – это источник регулирования корпоративных отношений. Он является нормодоговором локального уровня.

Корпоративные договора отличаются от гражданско-правовых сделок тем, что в первом случае договор заключается в отношении существующих корпоративных прав членов корпорации. То есть к моменту заключения корпоративного договора гражданско-правовое сообщество уже сформировано, и его участники решили детально урегулировать свои взаимоотношения. В частности, они решили установить обязанность определенным образом голосовать на общем собрании, согласованно совершать другие действия по управлению хозяйственным обществом. Особая природа корпоративных договоров, которые вытекают из корпоративных отношений, и невозможность их оценки с позиции классического гражданского обязательства подчеркивалась практикой арбитражных судов [3].

Таким образом, законодатель рассматривает корпоративный договор на одном уровне с уставом – локальным нормативным актом (ст. 52 ГК РФ). Кроме этого, в п. 7 ст. 67.2 ГК РФ указано, что стороны корпоративного договора не имеют права ссылаться на его недействительность по причине его противоречия положениям устава организации. На этот факт обратил внимание Верховный Суд РФ в своем Определении от 12.12.2014 №310-ЭС14–4281 по делу №А08-2468/2013, также судом было указано на наличие у стороны права на предъявление к другой стороне требований, которые основаны на таком договоре [4].

После внесения изменений в ГК РФ, корпоративные отношения получили легитимное определение, а также были существенно модернизированы. Согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ корпоративные отношения – это отношения, которые связаны с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. Таким образом, законом закреплено, что корпоративными считаются именно внутренние отношения в хозяйствующем субъекте, а не другие типы отношений, которые порой в литературе относятся к категории корпоративных.

Подводя итоги, можно сказать, что сейчас в России почти сформировалась правовая база, которая регулирует процессы создания, ликвидации и функционирования организационных форм корпоративных отношений. В то же время, имеющееся в России правовое обеспечение корпоративного бизнеса, не отвечает в достаточной степени требованиям современных российских рыночных отношений, ему требуется существенная доработка [5]. Как показали результаты российской практики развития корпоративных отношений, особо спорными на сегодняшний день остаются вопросы правового регулирования организационно-управленческих, организационно-экономических процессов, деятельности хозяйственных обществ; вопросы, которые касаются взаимодействия государственной власти и корпоративного бизнеса, государственно-правового регулирования процессов создания, деятельности, в том числе ликвидации и реорганизации юридических лиц.

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // «Российская газета». №238-239, 08.12.1994.

2. Определение Верховного Суда РФ от 12.12.2014 №310-ЭС14–4281 по делу №А08-2468/2013 [Электронный ресурс]. // СПС «КонсультантПлюс» // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2018 г.).

3. Андреев В.К. О характере корпоративного договора // Юрист. 2015. №3. С. 4-10.

4. Андреев В.К. Права, обязанности и ответственность участников хозяйственного общества // Гражданское право. 2016. №1. С. 3-5.

5. Лаптев В.А. Корпоративный договор в системе источников регулирования корпоративных отношений // Предпринимательское право. 2016. №1. С. 23-31.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА В РОССИИ

Статья посвящена исследованию этапов становления корпоративного договора (соглашения) в российском законодательстве с учетом положения зарубежного законодательства, а также сложившейся практики в России.

Ключевые слова: корпоративное право, корпоративный договор, правоприменение, акционерные общества.

Первые корпоративные соглашения стали появляться в практике российского правоприменения еще до их легального закрепления [1]. Упоминания о таких соглашениях относятся к 1990-м годам прошлого столетия [2]. Стороны таких договоров пытались подчинить их регулирование нормам иностранного правопорядка [3]. Российские судебные органы изначально не признавали возможности заключения даже «voting agreements». Так, в своем постановлении ФАС Западно-Сибирского округа РФ указал, что положения по распоряжению акционерами своими правами по своему характеру являются отказом от прав, предоставленных им в соответствии с законодательством Российской Федерации, противоречат п. 2 ст. 9 ГК РФ, п. 2 ст. 1 ГК РФ, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и являются ничем иным, как прямым вмешательством в суверенные права государства, нарушением конституционных принципов российского права, основ правопорядка Российской Федерации. Там же указано, что автономия воли, на которую ссылалась одна из сторон при обосновании допустимости таких соглашений, не является абсолютной ни в одном правопорядке, выбор закона по воле участников сделки в большинстве стран всегда имеет предпосылкой закон государства, разрешающий такой выбор и определяющий границы дозволенного. Выбор сторонами сделки права не может осуществляться с нарушением пределов, установленных российским законодательством [3].

В Решении Арбитражного суда г. Москвы от 26.12.2006 по делу № А40-62048/06-81-343 указано, что согласно п. 1 ст. 67 ГК РФ права и обязанности акционеров могут регулироваться Гражданским кодексом РФ, ФЗ «Об акционерных обществах»,

учредительными документами. При этом закон не предусматривает возможности регулирования прав и обязанностей акционеров никакими иными документами, в том числе соглашениями акционеров [4].

Как видно, отношение судов к подобного рода соглашениям было отрицательное, преобладала практика признания их ничтожными в силу противоречия закону, в связи с тем, что вопросы юридических лиц регулируются в императивном порядке. Соответственно отсутствие в законодательстве такого понятия, как корпоративное соглашение, делало невозможным их заключение на практике. Причин негативного отношения судов к корпоративным договорам было несколько, часть из которых указана в приведенных решениях, однако одной из них, по мнению Е. В. Богданова [5], являлось нежелание допустить существование каких-то отдельных коллективов внутри хозяйственных обществ. Вместе с тем, стоит отметить позицию по данному вопросу Президиума Высшего Арбитражного суда РФ, который в п. 10 Информационного письма от 30.03.2010 № 135 «О некоторых вопросах, связанных с применением статьи 5 Федерального закона от 30.12.2008 № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», прямо высказался о том, что заключение таких соглашений было возможно и до законодательного закрепления такой конструкции в силу положений ст. 421 ГК РФ, касающихся свободы договора. Как отмечает А. Сергеев: «добровольное принятие на себя акционерами (участниками) конкретных обязанностей и ограничений есть не что иное, как проявление субъектами гражданского права своей свободы в осуществлении принадлежащих им прав» [6].

Сложившаяся судебная практика не могла устроить бизнес-сообщество, корпоративных юристов, и в этой связи уже в 2008 г. в статью 8 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (Далее – ФЗ «Об ООО») были внесены изменения, она была дополнена п. 3, который содержал положения о договоре, об осуществлении прав участников общества. Далее, в 2009 г. в Федеральном законе «Об акционерных обществах» (далее – ФЗ «Об АО») появилась статья 32.1 «Акционерные соглашения». Эти нововведения по сути легализовали конструкцию корпоративного договора. Вместе с тем, уже к сере-

дине 2009 г. была подготовлена концепция развития российского гражданского законодательства, согласно положениям п. 4.1.11 которой предусматривалось включение в ГК РФ общих правил о возможности заключения участниками хозяйственных обществ взаимных соглашений, известных многим зарубежным правовым порядкам в качестве «соглашений акционеров». Их предметом могут служить согласованное голосование участников по каким-либо вопросам, в том числе по кандидатурам в органы управления корпорации; право или обязанность продажи или выкупа одним участником долей другого участника либо преимущественное право их покупки; запрет на передачу акций (долей) третьим лицам; обязанность передавать другим участникам соглашения дивиденды или иные выплаты, полученные в связи с правом участия в корпорации. Указанные соглашения не могут менять корпоративную структуру, порядок принятия корпоративных решений и иные корпоративные правила, устанавливаемые в расчете на третьих лиц, не являющихся участниками соглашения акционеров. Их условия не могут противоречить законодательным, в том числе антимонопольным запретам, природе отношений или публичным интересам, а также служить основанием для признания недействительными решений органов хозяйственного общества [7].

Несмотря на достаточно подробное нормативное регламентирование, широкого распространения и применения корпоративные соглашения пока в российской практике не получили. Одним из препятствий этому является отсутствие единого правоприменительного подхода в решениях судов. Эта проблема становится особенно важной еще и потому, что государство приняло курс на деофшоризацию [7]. Отсутствие же четкого правового регулирования корпоративного договора приводит к заключению таких договоров в организациях, искусственно переведенных в другую юрисдикцию. Это, в свою очередь, влечет негативные последствия для отечественной экономики.

Относительно правовой природы корпоративных соглашений в науке не сложилось до настоящего времени однозначного мнения. Так, например, В. К. Андреев [8] считает, что корпоративный договор обладает иной сущностью, чем договоры, предусмотренные ст. 420 ГК РФ. А. В. Асосков [9] же, напротив, утверждает, что корпоративные договоры тяготеют к обязательственной природе.

Сторонники строго обязательственно-правовой (договорной) природы говорят о том, что ст. 67.2 ГК РФ не допускает соглашений, которые каким-либо образом меняли бы структуру общества, а соответственно никаким образом корпоративное соглашение выхода на само общество не имеет. Однако трудно согласиться с таким утверждением по следующим причинам. Согласно п. 4 ст. 66.3 ГК РФ в случаях, если положения, предусмотренные пунктом 3 указанной статьи, не относятся к числу положений, подлежащих обязательному включению в устав непубличного хозяйственного общества, они могут быть предусмотрены корпоративным договором, сторонами которого являются все участники этого общества. Соответственно, корпоративный договор формально не может изменить то регулирование корпоративных отношений внутри конкретной корпорации, которое задается законом или уставом, в том числе предусматривать внутреннюю структуру органов управления корпорацией и порядок участия в управлении, а равно иные вопросы, иначе, чем это предусмотрено императивными нормами закона или положениями устава. Но через определение в таком договоре порядка реализации прав участника корпорации корпоративный договор фактически вторгается в сферу корпоративных отношений. Более того, поскольку корпоративный договор задает рамки реализации права голоса участника корпорации, т. е. того, в чем главным образом и реализуется корпоративный контроль, такой договор, конечно, если он заключен внутри конкретной корпорации, на деле приобретает принципиальнейшее значение для корпоративных отношений, во многом определяя их суть и содержание.

Таким образом, рассматривать корпоративный договор, по нашему мнению, как традиционный гражданско-правовой договор, лишенный корпоративного элемента, с учетом анализа российского права, не следует. Однако необходимо разрешение вопроса о том, где границы содержания такого договора, применительно к установлению в нем положений, строго корпоративной природы, то есть положений, направленных непосредственным образом на управление организацией, тех положений, которые по общему правилу должны быть в уставе общества.

Примечания:

1. Витрянский В. В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.

2. Шиткина И. С. Соглашения акционеров (договоры об осуществлении прав участников) как источник регламентации корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2011. № 2.

3. Гараманов А. Корпоративный договор для совместных предприятий // ЭЖ-Юрист. 2015. № 35.

4. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 31.03.2006 № Ф04-2109/2005 (14105-А75-11), Ф04-2109/2005 (15210-А75-11), Ф04-109/2005 (15015-А75-11), Ф04-2109/2005 (14744-А75-11), Ф04-2109/2005 (14785-А75-11) по делу № А75-3725-Г/04-860/2005. [Электронный ресурс] / Справочно-правовая система «Консультант Плюс» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 25.03.2019 г.).

5. Богданов Е. В. Корпоративный договор как соглашение о коллективном осуществлении (неосуществлении) субъективных корпоративных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7.

6. Сергеев А. Юридическая природа и исполнимость акционерных соглашений по российскому праву // Корпоративный юрист. 2007. №10. С. 72.

7. Суханов Е. А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2012. № 2.

8. Андреев В. К. Природа корпоративного соглашения // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2014. № 2.

9. Асосков А. В. Коллизионное регулирование договоров об осуществлении корпоративных прав (корпоративных договоров) // Закон. 2014. № 8.

М. М. Санакоев, Н. Х. Бузарова

ВИНОВНЫЕ НАЧАЛА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Статья посвящена особенностям виновности и безвиновности – условий наступления ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение предпринимательского договора.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, предпринимательский договор, коммерческие организации, индивидуальные предприниматели, виновная ответственность, безвиновная ответственность.

Особенностью ответственности предпринимателей в настоящее время является то, что она может быть как виновной, так и безвиновной в соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором. Лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. В данном случае во внимание принимается именно факт осуществления предпринимательской деятельности. Если деятельность не может быть отнесена к таковой, правила п. 3 ст. 401 ГК РФ неприменимы. Поэтому субъектами ответственности по п. 3 ст. 401 ГК РФ могут быть все граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность, независимо от того, зарегистрированы они в качестве индивидуального предпринимателя или нет (ст. 25 ГК РФ); все юридические лица при осуществлении ими предпринимательской деятельности, как коммерческие, так и некоммерческие организации, в отношении требований, связанных с предпринимательской деятельностью. В то же время применение правил п. 3 ст. 401 ГК РФ не связано с организационно-правовой формой юридического лица. Если общество с ограниченной ответственностью – коммерческая организация – будет осуществлять деятельность, не относящуюся к предпринимательской, и в связи именно с ней оно будет привлечено к ответственности, в этом случае указанная организация будет отвечать на виновных началах, т. е. по п. 1

ст. 401 ГК РФ. Однако, учитывая, что коммерческие организации, а также индивидуальные предприниматели преследуют цель осуществления именно предпринимательской деятельности, представляется, что в законе должна быть закреплена презумпция их предпринимательской деятельности, а п. 3 ст. 401 ГК РФ в этой связи необходимо дополнить соответствующим положением [1].

Следовательно, в качестве общего правила, ответственность предпринимателя является безвиновной. Иное, то есть виновные начала ответственности, может быть предусмотрено сторонами в самом договоре или установлено в законе. Например, производитель сельскохозяйственной продукции, не исполнивший обязательство либо ненадлежащим образом исполнивший обязательство по договору контрактации, несет ответственность при наличии вины (ст. 538 ГК РФ).

О виновной ответственности должника говорится также в ст. ст. 547, 723, 901 и др. ГК РФ. В некоторых случаях имеет место сочетание безвиновной и виновной ответственности. Так, по общему правилу в отношениях по договору подряда подрядчик несет ответственность независимо от вины (п. 3 ст. 723 ГК РФ), однако в п. 4 ст. 723 ГК РФ говорится, что условие договора об освобождении подрядчика от ответственности за определенные недостатки не освобождает его от ответственности, если доказано, что такие недостатки возникли вследствие виновных действий или бездействия подрядчика. Следовательно, здесь конструируется уже виновная ответственность подрядчика, правда, обязанность по доказыванию вины подрядчика возлагается на заинтересованную сторону [2].

Если в законе или в договоре установлены виновные начала ответственности предпринимателя, то в этих ситуациях необходимо иметь в виду, что для привлечения его к ответственности будет достаточна вина в любой форме: как умысла, так и неосторожности. При этом лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства.

В некоторых случаях прямо в законе определяется конкретная форма вины для привлечения к ответственности или, наоборот, для освобождения от нее. Так, согласно п. 2 ст. 901

ГК РФ за утрату, недостачу, повреждение принятых на хранение вещей, после того как наступила обязанность поклажедателя взять эти вещи обратно, хранитель отвечает лишь при наличии с его стороны умысла или грубой неосторожности [3].

Приобретатель отвечает перед потерпевшим за любые, в том числе и за любые случайные, недостачу или ухудшение неосновательно приобретенного или сбереженного имущества, происшедшие после того, как он узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения. До этого момента он отвечает лишь за умысел и грубую неосторожность (п. 2 ст. 1104 ГК РФ). Следовательно, при вине в форме простой небрежности приобретатель в указанной выше ситуации ответственности нести не будет. В соответствии же со ст. 697 ГК РФ ссудодатель отвечает за вред, причиненный третьему лицу в результате использования вещи, если не докажет, что вред причинен вследствие умысла или грубой неосторожности ссудополучателя или лица, у которого эта вещь оказалась с согласия ссудодателя. В данных случаях указанные формы вины освобождают его от ответственности.

В целом же в настоящее время виновная ответственность является, скорее, исключением из общего правила. В большинстве предпринимательских договоров ответственность будет безвиновной. То есть в процессе рассмотрения спора в суде можно даже не доказывать, что предпринимались какие-то усилия для надлежащего исполнения договора, что неисполнение или ненадлежащее исполнение договора явилось следствием «роковой» случайности и т. п., поскольку для суда важным будет лишь сам факт нарушения договора, противоправность действия (бездействия) должника и причинная связь между нарушением и возникшими убытками. А вот как сам должник субъективно к этому относился – значения не имеет. Предприниматель будет отвечать и за случайное неисполнение или ненадлежащее исполнение договора.

Предприниматель освобождается от ответственности, если докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть 1) чрезвычайного и 2) непредотвратимого при данных условиях обстоятельства. При этом в п. 3 ст. 401 ГК РФ перечислено несколько наиболее распространенных обстоятельств, ссылаясь на которые должники обычно пытаются снять с себя ответственность: 1) нару-

шение обязанностей со стороны контрагентов должника; 2) отсутствие на рынке нужных для исполнения обязательства товаров; 3) отсутствие необходимых денежных средств [4].

Все эти обстоятельства и аналогичные им не являются обстоятельствами непреодолимой силы. При определенных условиях их можно отнести к случайным обстоятельствам, которые освобождают от ответственности при виновной ответственности и не освобождают при ответственности безвиновной.

В связи с этим возникает необходимость отграничения случая от непреодолимой силы. Прежде всего следует отметить, что по устоявшимся взглядам в науке гражданского права случай является антиподом вины [5], то есть субъективного отношения должника к своему противоправному поведению. В конкретных отношениях неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства может иметь место именно вследствие случая: выход из строя техники в связи с усталостью металла, самовозгорание груза и т. д. Если должник ничего этого не предвидел и не должен был предвидеть и потому, естественно, устранить не мог, его вины нет. Однако при безвиновной ответственности в указанной ситуации предприниматель будет нести ответственность, поскольку отвечает за случайное неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства.

Непреодолимая сила – это особое обстоятельство внешнего воздействия, характеризующееся двумя обязательными признаками: чрезвычайностью и непредотвратимостью. В науке гражданского права довольно прочно укоренилось отнесение непреодолимой силы к квалифицированному случаю [5]. Вполне возможно, что к такому выводу исследователи пришли потому, что во французском Гражданском кодексе в ст. 1148 установлено следующее правило: «Нет основания для взыскания каких-либо убытков, если вследствие непреодолимой силы или случайного события должник встретил препятствия к тому, чтобы дать или не сделать то, к чему он был обязан, или сделал то, что ему было воспрещено». В связи с этим в литературе отмечается, что во французском гражданском праве оба понятия (случай и непреодолимая сила) употребляются как синонимы [5]. В гражданском праве ФРГ непреодолимую силу трактуют как квалифицированный случай [6].

В то же время, в литературе встречается мнение, с которым мы согласны, объяснение непреодолимой силы путем

использования понятия случая, пусть даже случая квалифицированного, является неприемлемым [6]. Случай характеризует субъективное отношение должника к неисполнению или ненадлежащему исполнению договора. Непреодолимая сила – это совершенно иное понятие, не имеющее ничего общего с субъективным отношением должника к неисполнению договора. Это внешнее обстоятельство, характеризующееся для должника чрезвычайностью и непредотвратимостью. При одновременном наличии двух указанных характеристик данное обстоятельство трансформируется в силу непреодолимую. В такое воздействие извне, которому при данных условиях контрагент не может противодействовать. Ему остается лишь уповать на возможность благоприятного исхода и попытаться минимизировать неблагоприятные последствия.

В англо-американском праве, видимо, не случайно вместо понятия непреодолимой силы применяется термин «божье попущение» [7]. При непреодолимой силе отпадает одно из необходимых условий гражданско-правовой ответственности – действие (бездействие) соответствующего лица. Неблагоприятный результат наступает под действием внешнего обстоятельства. В данной ситуации действует сама сила непреодолимая, «божье попущение». Здесь нет правонарушителя, нет и правонарушения. Лицо, не исполнившее обязательства, доказывает лишь сам факт непреодолимой силы и невозможность в связи с этим исполнения своего обязательства (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Однако наступление обстоятельства непреодолимой силы обязательства еще не прекращает. Вполне возможно, что исполнение окажется возможным после прекращения действия непреодолимой силы. Если должник такой возможностью не воспользуется и не выполнит своего обязательства, он может быть привлечен к ответственности.

В юридической литературе характеристики непреодолимой силы «чрезвычайность» и «непредотвратимость» истолковываются неадекватно анализируемому явлению. Часто под чрезвычайностью понимается непредвидимость обстоятельств, неосведомленность соответствующего лица. Однако в этом слове имеется еще и другая смысловая нагрузка: чрезмерное, мощное, невероятное и т. п. [8]. Польские ученые относят к непреодолимой силе даже такие обстоятельства, как внезапный разрыв автомобильной покрывки, испуг лошади, заклинивание

руля и т. д. [9]. На наш взгляд, все эти обстоятельства не обладают именно чрезвычайностью.

В российской судебной практике существуют различные подходы к пониманию непреодолимой силы. Суды могут отнести к непреодолимой силе штормовую погоду, в связи с которой затонул плавучий док [10], иные погодные явления, вследствие которых произошли аварийные отключения электроэнергии [11]. Однако аномальную засуху в период с июня по август, в связи с которой в регионе была введена чрезвычайная ситуация, суды отказались квалифицировать в качестве непреодолимой силы для производителя сельскохозяйственной продукции [12]. Суды могут не отнести к непреодолимой силе сильные морозы и снегопады [13], и, наоборот, резкое похолодание или потепление может быть признано обстоятельством непреодолимой силы. Словом, суды в целом ряде случаев к вопросу о квалификации обстоятельств в качестве непреодолимой силы подходят оценочно.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 8 Постановления от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» разъяснил, что требование чрезвычайности подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях. Однако такое толкование термина «чрезвычайность», как исключительность, не решает проблему ни в теоретическом, ни в практическом плане, поскольку исключительным можно охарактеризовать как непредвидимое (внезапное), так и особо мощное (вредоносное) обстоятельство. По сути дела, Пленум Верховного Суда РФ термин чрезвычайность подменил другим термином – исключительность. В этой связи следует отметить, что Д. Н. Ушаков термин «чрезвычайный» толковал как «превосходящий обычную меру, не такой, как обычно, исключительный» [14]. И, кстати, в судебной практике термин «чрезвычайность» был уже подменен на «исключительность». Так, Президиум ВАС РФ отмечал, что под чрезвычайностью понимается исключительность, выход за пределы «нормального», обыденного, необычайность для тех или иных жизненных условий, что не относится к жизненному риску и не может быть учтено ни при каких обстоятельствах. Чрезвычайный характер непреодолимой

силы не допускает квалификации в качестве таковой любого жизненного факта, поскольку она, в отличие от случая, имеет в основе объективную, а не субъективную непредотвратимость» [15].

Более удачным представляется данное Пленумом Верховного Суда РФ в п. 8 Постановления от 24 марта 2016 г. № 7 толкование термина «непредотвратимость»: обстоятельство признается непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий.

На наш взгляд, понятия «чрезвычайность» и «непредотвратимость» следует истолковывать не в отрыве друг от друга, а вместе. Чрезвычайное является таковым еще и потому, что оно непредотвратимо. И только непредотвратимое – чрезвычайно. Чрезвычайность и непредотвратимость не являются двумя сторонами одной и той же медали; это сама медаль, это тот сплав, из которого медаль отлита. Совокупность таких признаков, как чрезвычайность и непредотвратимость, превращают внешнее обстоятельство в непреодолимую силу.

Примечания:

1. Богданов Е. В. Договоры в сфере предпринимательства: монография. М.: Проспект, 2018. С. 30.
2. Бакулин А. Ф. Судебная защита слабой стороны предпринимательского договора // Судья. 2019. № 8. С. 20-27.
3. Богданова Е. Е. Невозможность исполнения предпринимательского договора // Юрист. 2019. № 1. С. 32-38.
4. Аксенов А. Г. Договор международной купли-продажи товаров между субъектами предпринимательской деятельности стран СНГ. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 25.
5. См.: Павлодский Е. А. Случай и непреодолимая сила. М., 1978. С. 29.
6. Гражданское и торговое право капиталистических государств под ред. Е. А. Васильева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1993. С. 287.
7. Гражданское и торговое право капиталистических стран / Под ред. В. П. Мозолина, М. И. Кулагина. М., 1980. С. 204.
8. Словарь синонимов. Л.: Наука, 1976. С. 636.

9. Варкало В. Об ответственности по гражданскому праву. М.: Прогресс, 1978. С. 295, 296.

10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2015 г. № 303-ЭС15–5226. [Электронный ресурс]. / Справочно-правовая система «Консультант Плюс» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 10.03.2019 г.).

11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2015 г. № 310-ЭС15–2258. [Электронный ресурс]. / Справочно-правовая система «Консультант Плюс» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 12.04.2019 г.).

12. Постановление ФАС Уральского округа от 21 июня 2011 г. № Ф09-3540/11 по делу А07-20112/2011. [Электронный ресурс]. / Справочно-правовая система «Консультант Плюс» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 12.04.2019 г.).

13. Постановление ФАС Уральского округа от 21 июня 2011 г. № Ф09-3540/11 по делу А07-20112/2011. [Электронный ресурс]. / Справочно-правовая система «Консультант Плюс» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 12.04.2019 г.).

14. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940. Т. 4. С. 1291.

15. Постановление Президиума ВАС РФ от 21 июня 2012 г. № 3352 по делу № А40-25926/2011-13-230 // ВВАС РФ. 2012. № 10. [Электронный ресурс]. / Справочно-правовая система «Консультант Плюс» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 10.03.2019 г.).

С. М. Торчинова, А. В. Гагиева

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования статуса некоммерческих организаций, формулируется вывод о необходимости проведения следующего этапа реформы законодательства о юридических лицах, в процессе которого следует уточнить признаки некоммерческих юридических лиц; закрепить критерии, позволяющие более четко определять объем и содержание их гражд-

данской правоспособности; пересмотреть существующие подходы к характеру и условиям осуществления деятельности, приносящей некоммерческим организациям доход.

Ключевые слова: *корпоративное законодательство, некоммерческие организации, реформирование законодательства, юридические лица, правосубъектность.*

Совершенствование корпоративного законодательства и разработка в 2009-2014 гг. положений Гражданского кодекса Российской Федерации о юридических лицах, и о некоммерческих организациях в частности, сохранило разделение юридических лиц на коммерческие, т. е. преследующие цель извлечения прибыли и ее распределения между участниками, и некоммерческие, т. е. не преследующие такой цели в качестве основной [1].

С 1 сентября 2014 г. вступили в силу изменения, внесенные в главу 4 части первой Гражданского кодекса РФ, касающиеся правового положения юридических лиц в целом и некоммерческих организаций в частности как вида юридических лиц. В то же время другие нормативные правовые акты, относящиеся к законодательству о некоммерческих организациях, не претерпели соответствующих изменений. В результате возникают множественные коллизии и пробелы в законодательстве, а также проблемы в правоприменительной практике.

ГК РФ закрепил единый правовой статус некоммерческих организаций и установил базовые нормы, регулирующие деятельность данных организаций в Российской Федерации. Нормы Закона о некоммерческих организациях в настоящее время дублируют положения ГК РФ, который предусматривает закрытый список всех организационно-правовых форм некоммерческих организаций в п. 3 ст. 50 Кодекса.

Нормативные признаки некоммерческих организаций обновлены не были, хотя изначально их пересмотр планировался. Как и ранее, некоммерческими организациями признаются юридические лица, не имеющие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющие полученную прибыль между участниками (п. 1 ст. 50 ГК РФ).

Первый признак характеризует основную цель деятельности некоммерческих организаций как не связанную с извлечением прибыли. Следовательно, помимо основной они могут иметь

какие-то иные, дополнительные цели деятельности. Поскольку виды их нормативно не определяются и не ограничиваются (легально определены лишь возможные цели создания некоммерческих организаций, согласно ст. 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» они должны быть направлены на достижение общественных благ), по сути, они могут быть любыми.

На практике цели деятельности некоммерческих организаций весьма разнообразны. Определить, какая из них основная, затруднительно в связи с отсутствием нормативных ориентиров, тем более когда различные виды деятельности осуществляются регулярно и в равном объеме. Это, как и раньше, позволяет некоммерческим организациям изначально ориентироваться на получение прибыли. Так, судом было удовлетворено требование о ликвидации общественной организации, созданной в целях защиты прав и интересов инвалидов. Основанием для принятого решения послужило то, что общественная организация занималась приносящей доход деятельностью, заключавшейся в купле-продаже недвижимого имущества и предоставлении его в аренду, но лишь в совокупности с еще одним обстоятельством – деятельностью по защите прав и интересов инвалидов организацией вообще не осуществлялась [2]. Думается, что при ее регулярном осуществлении оценка ситуации могла быть не столь однозначна.

Вместе с тем некоммерческим организациям предоставлено право осуществлять приносящую доход деятельность (вместо ранее имевшейся у них возможности заниматься предпринимательской деятельностью), но с соблюдением некоторых ограничений: если это предусмотрено их уставами; лишь постольку, поскольку это служит достижению их целей создания и соответствует таким целям; при наличии у организации имущества рыночной стоимостью не менее минимального размера уставного капитала, предусмотренного для обществ с ограниченной ответственностью (п. п. 4, 5 ст. 50 ГК РФ). Ни возможные области такой деятельности, ни условия ее соответствия целям некоммерческой организации, а следовательно, и объему ее гражданской правоспособности не предусмотрены. В результате на практике возникают многочисленные спорные ситуации. Так, суд признал такой вид экономической деятельности, как «деятельность ресторанов и кафе», противоречащим целям

создания негосударственного частного культурного учреждения, состоящим в организации досуга населения, обеспечения всех необходимых условий для удовлетворения гражданами своих культурных потребностей. Апелляционная инстанция с таким подходом не согласилась, указав, что некоммерческие организации в силу закона могут осуществлять приносящую доход деятельность, отвечающую целям их создания. При этом запрет на осуществление деятельности, связанной с оборотом алкогольной продукции, некоммерческими организациями законодательством не установлен. В результате был сделан вывод, что такой вид деятельности, как услуги кафе, включающие реализацию алкогольных напитков, не противоречит целям создания некоммерческой организации, в том числе частного учреждения культуры [3].

Не ясна и правовая природа приносящей доход деятельности. Судебная практика признала ее по существу предпринимательской, распространив на некоммерческие организации в части осуществления приносящей доход деятельности положения законодательства, применимые к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность [5]. Однако в доктрине характер такой деятельности определяется неоднозначно. Наиболее обоснованным представляется мнение о самостоятельности этого вида экономической деятельности, осуществляемой по особым принципам и правилам, отличным от характерных для деятельности коммерческих организаций [6].

Анализ судебной практики показывает, что на предмет ответственности целям некоммерческой организации, как правило, проверяется только приносящая доход деятельность. Если деятельность не приносит дохода, суды заведомо полагают, что она соответствует специальной правоспособности некоммерческого юридического лица, достаточным образом не аргументируя свою позицию, причем даже тогда, когда такое соответствие весьма призрачно. Так, суд признал правомерным осуществление религиозной организацией медицинской деятельности исходя из наличия трех обстоятельств: ее осуществление религиозными организациями законодательством не запрещено; возможность ее осуществления предусмотрена уставом религиозной организации, а значит, служит цели ее создания – совместному вероисповеданию и распространению веры; деятельность осуществлялась на безвозмездной основе [4].

Второй признак некоммерческих организаций, указывающий на невозможность распределения прибыли между участниками, призван подчеркнуть отсутствие у них материальной заинтересованности в результатах деятельности организации. Однако непосредственно он применим лишь к корпоративным юридическим лицам, имеющим участников. В отношении унитарных некоммерческих организаций запрет на передачу полученной ими прибыли учредителям, по сути, отсутствует. При этом участие учредителей в управлении, к примеру, фондами и автономными некоммерческими организациями не исключается (ст. ст. 123.19, 123.25 ГК РФ), соответственно, они могут создавать условия для передачи им полученных организацией доходов, в том числе в завуалированном виде. Правовая конструкция учреждений предполагает поступление всех полученных в результате деятельности доходов в собственность учредителя. Учреждение (кроме казенного) обладает лишь правом на самостоятельное распоряжение такими доходами и приобретенным за их счет имуществом, причем существуют правовые модели ограничения учредителем этой самостоятельности. Это свидетельствует о вероятности создания некоммерческих организаций, нацеленных на получение дохода (прибыли), и недостаточной эффективности рассматриваемого признака. Вместе с тем следует иметь в виду, что цели отдельных некоммерческих организаций и используемые для их достижения средства могут обуславливать необходимость распределения доходов.

Оптимизация организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц также не привела к ожидаемым результатам. Их перечень, закрепленный в ГК РФ исчерпывающим образом, за три года дополнялся четыре раза. При этом существенные индивидуальные признаки у правовых форм, выделенных как самостоятельные, зачастую отсутствуют, во всяком случае в ГК РФ они отражения не нашли, как и все необходимые аспекты гражданско-правового статуса юридических лиц, созданных в этих формах.

Отмеченное указывает на необходимость проведения следующего этапа реформы законодательства о юридических лицах, в ходе которого некоммерческим организациям следует уделить основное внимание. Требуется уточнить признаки некоммерческих юридических лиц; закрепить критерии, позволяющие более четко определять объем и содержание их граждан-

ской правоспособности; пересмотреть существующие подходы к характеру и условиям осуществления деятельности, приносящей некоммерческим организациям доход; усовершенствовать и расширить на уровне ГК РФ регламентацию статуса некоммерческих организаций отдельных форм. При этом многообразии некоммерческих организаций, имеющих специфику в целях и путях их достижения, функциях и внутреннем устройстве, требует применения дифференцированных подходов к регламентации их гражданской правосубъектности.

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Справочно-правовая система «Консультант плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант плюс» (дата обращения: 18.11.2018).

2. Решение Свердловского областного суда от 24 сентября 2015 г. № 3-305/2015. // Справочно-правовая система «Консультант плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант плюс» (дата обращения: 18.11.2018).

3. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 9 апреля 2015 г. по делу № 33-18/2015. // Справочно-правовая система «Консультант плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант плюс» (дата обращения: 18.11.2018).

4. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 26 марта 2014 г. № 33-4280/2014. // Справочно-правовая система «Консультант плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант плюс» (дата обращения: 18.11.2018).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант плюс» (дата обращения: 18.11.2018).

6. Соيفер Т. В. Экономическая деятельность некоммерческих организаций и ее гражданско-правовое обеспечение // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 22-30.

Д. Т. Хайманов, Т. Г. Тменова, Н. Х. Бузарова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРАВА КОРПОРАЦИИ

В статье рассматриваются правовые механизмы обращения взыскания на исключительное право корпорации как на разновидность имущества при ликвидации юридического лица или прекращения деятельности индивидуального предпринимателя, в том числе в связи с несостоятельностью (банкротством).

Ключевые слова: институт обращения взыскания, субъект права, правовое регулирование, исключительные права.

До вступления в силу части четвертой ГК РФ вопросы обращения взыскания на исключительные права практически не ставились ни в науке, ни в правоприменительной практике, за некоторыми исключениями. И, несмотря на то, что институт обращения взыскания имеет комплексный характер и охватывает не только нормы материального, но и процессуального права, реализация механизма обращения взыскания на исключительное право имеет важнейшее значение для договоров залога исключительного права, для ликвидации юридического лица или прекращения деятельности индивидуального предпринимателя, в том числе в связи с несостоятельностью (банкротством).

Ст. 1284 ГК РФ устанавливает некоторые особенности обращения взыскания на исключительное право на произведение и на право использования произведения по лицензии, ст. 1319 – аналогичные права на исполнение. Ст. 1241 ГК РФ посвящена в целом переходу исключительного права к другим лицам без договора и охватывает случаи перехода права при обращении взыскания на имущество правообладателя.

При этом часть четвертая ГК РФ не упоминает об обращении взыскания на исключительное право на иные результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Лишь в п. 6 ст. 1405 ГК РФ говорится о недопустимости обращения взыскания на исключительное право на секретное изобретение.

Это явный пробел в части четвертой ГК РФ, который нуждается в устранении и закреплении вероятно общих правил,

устанавливающих механизмы обращения взыскания на исключительное право как на разновидность имущества.

Обратимся прежде всего к истории законодательства об обращении взыскания на исключительное право. Обращение взыскания на исключительное право возможно лишь в том случае, если законодательством допускается отчуждение исключительного права. Так, например, до вступления в силу части четвертой ГК РФ отчуждение исключительного права на произведения науки, литературы и искусства не допускалось. В дореволюционной России и в первые годы после революции вопросы отчуждения авторского права были закреплены на законодательном уровне, в частности в Положении об авторском праве 1911 г. [1] и Основах авторского права 1925 г. [2].

Зачастую проблема обращения взыскания на исключительные права рассматривалась в контексте залога или несостоятельного положения автора. Ст. 10 Положения об авторском праве гласила, что «авторское право не может быть предметом взыскания при жизни автора – без его согласия, а после смерти – без согласия его наследников. Право на издание или иное из принадлежащих автору прав, предоставленное по договору другому лицу, может быть предметом взыскания по долгам сего лица, но лишь в пределах договора» [3].

О. Г. Крушина отмечает, что «анализ действующего российского законодательства позволяет утверждать, что обратиться взыскание на заложенные автором исключительные права можно опосредованным путем, через включение соответствующих условий в договор залога» [3].

С 1 января 2008 г. обращение взыскания на исключительное право допускается, так же как и на право использования охраняемого объекта, возникшего из лицензионного договора, за исключением:

- обращения взыскания на исключительное право, принадлежащее автору и исполнителю (исполнения как объекта смежных прав),
- обращения взыскания на исключительное право на секретное изобретение.

Это влияет и на залоговые отношения. Это подтверждает и практика. Письмом Минэкономразвития РФ от 05.02.2010 № Д06–330 «О возможности принятия банками прав на коммерческое пользование создаваемых кинофильмов в качестве

обеспечения выдаваемых кредитов» [4] отмечается, что «в силу указанного ограничения в случае, если лицо, организовавшее создание произведения, является одновременно его автором, залог исключительных прав на произведение не допускается. В случае, если при создании сложного объекта лицо, организовавшее создание такого объекта, приобретает право использования результатов интеллектуальной деятельности по договору об отчуждении соответствующего исключительного права или по иным установленным законом основаниям, то на указанное лицо не распространяется запрет на использование результатов интеллектуальной деятельности в качестве обеспечения исполнения обязательств.

На основании изложенного кредитные организации вправе принять права на коммерческое использование кинофильмов в качестве обеспечения исполнения обязательств по кредитному договору в случае, если залогодателю принадлежит право на результат интеллектуальной деятельности, и он не является автором этого произведения.

Право осуществляется в порядке, установленном ст. 349 ГК РФ как в судебном, так и во внесудебном порядке на основании письменного соглашения залогодателя и залогодержателя.

Таким образом, можно сделать вывод, что обращение взыскания на исключительное право юридического лица допускается, поскольку у юридического лица не возникает первичного права. Оно всегда принадлежит автору результата интеллектуальной деятельности. Юридическое лицо может приобрести исключительное право на результат интеллектуальной деятельности по гражданско-правовому или трудовому договору (служебное произведение, изобретение и т. п.). Кроме того, юридическое лицо может стать правопреемником в результате наследования по завещанию, при реорганизации, обращении взыскания на исключительное право и т. д. Исключительное право на средство индивидуализации может быть объектом взыскания независимо от субъектного состава правообладателей.

Как отмечается в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», в силу ст. 1241 ГК РФ при обращении взыскания на имущество правообладателя исключительное право на результат интел-

лектуальной деятельности или средство индивидуализации, на которое может быть обращено взыскание в предусмотренных Кодексом случаях, к другому лицу переходит без заключения договора.

Исключительное право на некоторые виды объектов не может быть предметом обращения взыскания в силу ограниченной оборотоспособности, в частности:

- исключительное право на секретные изобретения,
- исключительное право на наименования мест происхождения товаров,
- исключительное право на фирменные наименования.

Ограничения могут быть установлены в зависимости от субъектного состава, а в некоторых случаях и объекта. Так, обращение взыскания на исключительное право на товарный знак допускает отчуждение исключительного права лишь в отношении юридического лица или индивидуального предпринимателя. Исключительное право на коммерческое обозначение может переходить лишь в составе предприятия, которое индивидуализировано коммерческим обозначением.

Согласно ч. 3 ст. 87 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [5] реализация имущественных прав осуществляется путем проведения открытых торгов в форме аукциона.

Исходя из п. 5 ст. 448 ГК РФ лицо, выигравшее торги, и организатор торгов подписывают в день проведения аукциона протокол о результатах торгов. Если переход исключительного права на соответствующий результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без договора с учетом положений ст. 1232 Кодекса подлежит государственной регистрации, основанием для такой регистрации служит указанный протокол о результатах торгов.

Ч. 14 ст. 87 Закона об исполнительном производстве предусмотрено, что передача нереализованного имущества должника взыскателю оформляется актом приема-передачи. В этом случае основанием для государственной регистрации является указанный акт [6].

Однако названный порядок не устанавливает особенности обращения взыскания на права на использование результата интеллектуальной деятельности, возникшее из лицензионного договора.

Следует согласиться с М. Н. Илюшиной, что «в законодательстве не создано какого-либо специального механизма обращения взыскания как на исключительные права авторов в целом, так и на права требования, вытекающие из лицензионных договоров. И если материально-правовая составляющая этого механизма может быть уяснена и учтена в силу закрепленной частью четвертой ГК специфики правового регулирования, то процессуальная составляющая требует совершенствования и детализации путем создания массива подзаконных нормативных правовых актов по вопросам обращения взыскания на отдельные объекты» [7].

Попытки разработки такого механизма обращения взыскания на исключительные права были предприняты М. В. Телюкиной (это, пожалуй, на сегодняшний день единственная выполненная на высоком профессиональном уровне публикация, посвященная сугубо проблеме обращения взыскания на исключительное право), однако и в ней автор указывает на такие объекты в составе имущества должника, как: «1) рукопись произведения; 2) имеющееся произведение (книга, картина, фотография, диск, видеозапись, аудиозапись и т. п.); 3) договор на использование произведения (издание, перевод, размещение в электронной базе и т. п.)» [8]. Однако применительно к охраняемым результатам с учетом п. 4 ст. 129 ГК РФ речь может идти лишь о правах на эти результаты. Сами объекты интеллектуальных прав в силу их нематериального характера не могут рассматриваться в качестве оборотоспособных. Объектом обращения взыскания могут быть материальные носители таких объектов либо права на них, в том числе вытекающие из договора.

По мнению В. Н. Кастальского, «в п. 1 ст. 1284 ГК также упоминается о том, что на права требования автора к другим лицам по договорам об отчуждении исключительного права на произведение и по лицензионным договорам, а также на доходы, полученные от использования произведения, может быть обращено взыскание. Такое упоминание является избыточным, так как права сторон любого гражданско-правового договора, в том числе договора об отчуждении исключительного права и лицензионного договора, являются обязательственными и по вышеприведенной классификации относятся к правам требования, а не к исключительным правам» [9]. При этом автором предлагалась следующая классификация имущественных прав:

«– вещные права (права владения, пользования и распоряжения имуществом), принадлежащие либо субъекту права собственности, либо субъекту ограниченных вещных прав;

– обязательственные права (права требования, принадлежащие кредитору в гражданско-правовом обязательстве договорного или внедоговорного характера), включая корпоративные права (права, принадлежащие учредителям (участникам, членам, акционерам) организационно-правовых образований, обладающих признаками юридических лиц);

– исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (права на использование объектов авторского права и смежных прав, объектов патентного права, средств индивидуализации, иных объектов интеллектуальной собственности).

Дополнительным основанием выделения в качестве самостоятельного вида исключительных прав является то, что исключительные права не существуют в рамках обязательственных правоотношений» [9].

Вопреки нормам ст. 1241 ПС РФ и положению п. 20 вышеназванного Постановления В. Н. Кастаньский [9] считает, что при обращении взыскания на заложенное исключительное право будет заключен договор об отчуждении исключительного права, не обосновывая данный вывод.

По нашему мнению, обоснование состоит в определении понятия «обращение взыскания на имущество в целом и имущественные права в частности», учитывая, что исключительное право, право требования и другие имущественные права входят в это понятие. Согласно ч. 1 ст. 69 Закона об исполнительном производстве обращение взыскания на имущество должника включает изъятие имущества и (или) его принудительную реализацию либо передачу взыскателю. Реализация отождествляется с термином «продажа» (ст. 350 ГК РФ, ст. 89 Закона об исполнительном производстве). Таким образом, одним из способов обращения взыскания является его принудительная продажа с торгов, что с точки зрения норм части четвертой ГК РФ означает возмездное отчуждение исключительного права. Другой способ – передача исключительного права или права на использование лицензионного договора другому лицу. Этот способ для прав на результаты интеллектуальной деятельности также означает смену правообладателя в отношении ис-

ключительного права, либо смену лицензиата по лицензионному договору. Такая передача возможна в отношении кредитора и должна быть для него безвозмездной, в связи с чем будет иметь место договор об отчуждении исключительного права или лицензионный договор на безвозмездной основе.

М. В. Телюкина также отмечает природу договорных отношений при обращении взыскания и пишет, что «при проведении торгов их победитель подписывает протокол с организатором торгов и получает право на заключение договора с субъектом, выразившим желание использовать произведение. Для целей юридической безупречности использования этого механизма целесообразно заключение договора организатора торгов с будущим пользователем, в котором устанавливалась бы обязанность заключить договор с победителем торгов» [10]. Однако лицо, на чье имущество обращается взыскание, не может быть принуждено к заключению договора об отчуждении исключительного права или уступки прав по лицензионному договору. При проведении торгов речь идет об обращении взыскания на исключительное право или право из лицензионного договора, но не о преимущественном праве на заключение договора.

Абсолютно точно данную ситуацию характеризует М. В. Телюкина: «все названные конструкции, как видим, весьма неспорны как с теоретической, так и с практической точки зрения, – поэтому принудительное исполнение названных договоров может столкнуться с множеством проблем, подчас непреодолимых» [10].

Отчуждение исключительного права на возмездной или безвозмездной основе может быть обременено лицензионными договорами, которые не препятствуют переходу исключительного права и при этом не прекращают свое действие со сменой правообладателя.

По мнению Э. П. Гаврилова, «п. 7 ст. 1235 ГК не решает вопрос о том, как должен осуществляться этот переход (передача) права при наличии действующего лицензионного договора: с согласия лицензиата или без его согласия. Этот вопрос должен решаться на основе норм гл. 24 ГК «Перемена лиц в обязательстве» [11].

На наш взгляд, нормы о перемене лиц в обязательстве подлежат применению лишь к правам требования. Права на результаты интеллектуальной деятельности необходимо отли-

чать от вещных и обязательственных прав требования. Исключительное право как имущественное право носит абсолютный характер, но имеет существенные отличия от вещного права, обусловленные нематериальным характером объекта. Право на использование охраняемого объекта из лицензионного договора может быть отнесено к категории обязательственных по аналогии с правом арендатора из договора аренды. При этом изменение фигуры лицензиата, с одной стороны, возможно с соблюдением норм об уступке прав требования, а при наличии обязанностей по отношению к лицензиару – также норм о переводе долга. С другой стороны, после исполнения обязанности лицензиата по оплате лицензионных платежей, у лицензиата лишь сохраняется право пользования результатом интеллектуальной деятельности. Как правило, иных относительных прав и обязанностей у сторон по договору не возникает, они прекращаются после выплаты лицензиару вознаграждения. У лицензиата имеется лишь право использовать охраняемый результат, которое носит длящийся характер, и ему не корреспондируют обязанности лицензиата, кроме как не предоставлять аналогичных правомочий другим лицам по договору исключительной лицензии, а в случаях, предусмотренных законом, не использовать самому охраняемый объект.

При отчуждении исключительного права в рамках обращения взыскания согласие лицензиата требовать не должно, что необходимо закрепить в части четвертой ПС РФ и (или) Законе об исполнительном производстве.

В соответствии с ч. 1 ст. 75 Закона об исполнительном производстве в рамках исполнительного производства взыскание может быть обращено на принадлежащие должнику имущественные права, в том числе:

«4) исключительное право на результат интеллектуальной деятельности и средство индивидуализации, за исключением случаев, когда в соответствии с законодательством Российской Федерации на них не может быть обращено взыскание;

5) право требования по договорам об отчуждении и использовании исключительного права на результат интеллектуальной деятельности и средство индивидуализации;

6) принадлежащее лицензиату право использования результата интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации».

Названная норма подтверждает наше предположение о том, что необходимо разграничивать права требования как имущественные права, возникающие из обязательств, и право использования результата интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации из лицензионного договора, которое также носит обязательственный характер, но к нему не применяются нормы о перемене лиц в обязательстве.

Правительством Российской Федерации могут быть установлены особенности обращения взыскания на отдельные виды имущественных прав (ч. 3 названной статьи). Было бы целесообразно разработать соответствующее постановление Правительства РФ об обращении взыскания на права на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, в котором отразить вышеназванные предположения.

Было бы целесообразно установить очередность обращения взыскания на исключительное право и на право использования охраняемого объекта из лицензионного договора.

Так, например, нужно отметить, что обращение взыскания не допускается на исключительное право на необнародованные произведения, по которым срок охраны не истек, если исключительное право на них принадлежит автору или наследникам. В то же время из ст. 1268 ГК РФ нельзя однозначно определить, является ли передача автором по договору произведения для использования обнародованием произведения. Не совсем удачна и формулировка «по договору для использования». Имеются в виду договоры о распоряжении исключительным правом или иные договоры, например, договор автора с типографией об опубликовании произведения за счет автора. По нашему мнению, заключение договора о распоряжении исключительным правом дает возможность признать реализационным право на обнародование со стороны автора и возникновении права на обращение взыскания в составе имущества приобретателя исключительного права. Заключение автором договора, по которому не происходит отчуждения исключительного права, не дает возможности обратиться взыскание на него, поскольку оно сохраняется за автором. В то же время согласно п. 1 ст. 1268 ГК РФ автор, заключая договор с типографией, дает согласие на осуществление действия, которое впервые делает произведение доступным для всеобщего сведения путем его опубли-

кования. При этом опубликованием (выпуском в свет) является выпуск в обращение экземпляров произведения, представляющих собой копию произведения в любой материальной форме, в количестве, достаточном для удовлетворения разумных потребностей публики исходя из характера произведения.

В вышеназванном постановлении необходимо определить такие объекты, на исключительное право которых может быть обращено взыскание, и такие, для которых установлены ограничения (см. выше). Необходимо закрепить механизм обращения взыскания на право, возникающее из лицензионного договора, как исключительной, так и неисключительной лицензии.

Как уже обсуждалось в науке, было бы целесообразным установить в том числе и в части четвертой ГК РФ возможность обращения взыскания на такие права на результаты интеллектуальной деятельности, которые не носят исключительного характера и не вытекают из лицензионного договора. Это прежде всего право на получение патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, которое первоначально принадлежит автору изобретения, полезной модели или промышленного образца (п. 1 ст. 1357 ГК РФ). В случае передачи этого права другому лицу, в том числе юридическому, на такое право может быть обращено взыскание (п. 2 ст. 1357 ГК РФ).

Как отмечает Д. В. Мурзин, «учитывая смешанный характер рассматриваемого права (содержит элементы неимущественные и имущественные), представляется, что переход права на получение патента к другим лицам при обращении взыскания на имущество правообладателя возможен только в случае, если правообладателем является юридическое лицо» [12].

В. И. Еременко приводит примеры более широких возможностей для оборотоспособности права на получение патента в зарубежном и международном праве. Так, «в патентных законодательствах государств и международном патентном праве предусмотрена возможность заключения лицензионных договоров, предметом которых являются патентные заявки. Так, например, согласно ст. 73 Европейской патентной конвенции 2000 г., европейская заявка на патент на изобретение может быть предметом лицензии в целом или частично для всех или части территорий указанных договаривающихся государств».

Так, В. И. Еременко указывает на возможность залога права на евразийскую заявку: «право на евразийскую заявку или

евразийский патент может быть предметом залога только в отношении того государства-участника Евразийской патентной конвенции, законодательство которого предусматривает залог права на заявку или патента на изобретение» [13]. Порядок передачи права на евразийскую заявку или евразийский патент, утвержденный Приказом Евразийского патентного ведомства от 18 января 2002 года № 2, предусматривает договор залога права на евразийскую заявку. Право залога возникает с даты заключения договора залога, а залог права на евразийский патент – с даты заключения договора залога или с даты, указанной в договоре залога, в том числе с даты передачи евразийского патента залогодержателю либо в Евразийское патентное ведомство. При этом регистрация залога добровольна и осуществляется по инициативе заинтересованных лиц. Существенными условиями такого договора являются предмет договора и его оценка, существо, размер и срок исполнения обязательства, обеспечиваемого залогом, а также указание на то, где находится евразийский патент.

«Российский законодатель не счел нужным предоставить заявителям такую возможность, посчитав, по-видимому, что российский рынок прав на результаты интеллектуальной деятельности еще не достиг достаточной степени зрелости. Вместе с тем нет прямого запрета на осуществление сделок по предоставлению прав на использование заявленных изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Следовательно, исходя из принципа свободы договора (ст. 421 ПС РФ), не существует препятствий для заключения лицензионных договоров в отношении патентных заявок. При этом лицензиат должен отдавать себе отчет в том, что риск непатентоспособности заявленного изобретения, полезной [13] модели или промышленного образца, по аналогии с договором об отчуждении права на получение патента, лежит на самом лицензиате» [14].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что создание юридического механизма обращения взыскания на права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, принадлежащие юридическим лицам, определение его специфики представляется одним из перспективных направлений развития теории и практики российского гражданского права, имеющей целью обеспечение прав кредиторов и укрепление гражданского оборота в стране.

Примечания:

1. Канторович А.Л. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Систематический комментарий к закону 20 марта 1911 г. 2 изд. Петроград, 1916.

2. См.: Богатырев Ф.О. Залог авторского права // Хозяйство и право. 2004. № 4. С. 85-91.

3. См. Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 68.

4. Письмо Министерства экономического развития РФ от 05.02.2010 № Д06-330 «О возможности принятия банками прав на коммерческое пользование создаваемых кинофильмов в качестве обеспечения выдаваемых кредитов» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 30.09.2018).

5. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 30.09.2018).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 70. 22.04.2009.

7. Илюшина М.Н. Проблемы обращения взыскания на права требования авторов из лицензионных договоров // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. М.: Статут, 2009.

8. Телюкина М.В. Обращение взыскания на исключительные права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. №7. С. 25.

9. Кастальский В.Н. Залог исключительных прав. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 30.09.2018).

10. Телюкина М.В. Обращение взыскания на исключитель-

ные права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 7. С. 26.

11. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть четвертая / Э.П. Гаврилов, О.А. Городов, С.П. Гришаев (и др.). М.: ТК Велби; Изд-во «Проспект», 2007. С. 498.

12. Патентное право: постатейный комментарий главы 72 Гражданского кодекса Российской Федерации / Н.Г. Валеева, О.В. Добрынин, В.Н. Кастальский и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2010. [Электронный ресурс]. / Справочно-правовая система «Консультант Плюс». // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 30.09.2018).

13. Еременко В. И. О личных неимущественных правах авторов изобретений, полезных моделей, промышленных образцов в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Законодательство и экономика. 2008. № 6. С. 23.

14. Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009. С. 65.

К. М. Хачирова, Т. Г. Тменова, Л. Т. Кокоева

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ МОНОПОЛИИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ

В статье анализируется сущность монополии. Проводится анализ экономической и правовой сущности понятия «монополия».

Ключевые слова: монополия, монопольные организации, конкуренция, антимонопольное законодательство.

Термин «монополия» используется для обозначения различных понятий. Монополия (греч. *monos* – один; *poleo* – продаю) представляет собой захват физическим или юридическим лицом всего рынка или его части и установление на нем своего господства. Как и любое явление, монополия имеет богатую историю. Остановимся на истории возникновения данного явления.

По словам А. Каменки, в древности и в средние века монопольные организации складывались преимущественно в обла-

сти торговли, а не в области производства. В силу низкого уровня развития производственных сил конкуренцию друг другу могли создавать большей частью торговцы, а не производители. Соответственно торговцы стремились ослабить конкуренцию путем организации союзов и соглашений.

В литературе высказывается мнение о том, что неправомерно говорить о существовании в древности и в средние века монопольных организаций. Однако представляется верной другая точка зрения, согласно которой такие организации возникли еще в Древнем мире.

Аристотель в «Политике» упоминает о Фалесе Милетском, который, ожидая хороший урожай маслин, заранее нанял всех рабочих, а потом с большой выгодой переуступил их хозяевам, нуждавшимся в рабочей силе. Аристотель также отмечает, что подобный же спекулятивный прием используют некоторые греческие государства, когда нуждаются в деньгах [1].

Уже в средние века цеховая организация стремилась к ограничению конкуренции путем строгой регламентации производства. В этих целях ограничивалось число лиц, имеющих право заниматься определенной деятельностью. Так же в самой корпорации строго определялось количество подмастерьев и учеников, которых обучали ее члены. Устанавливался предел заработной платы членов корпорации, определялось количество и качество материала для переработки, а также род инструментов, которыми могли пользоваться члены корпорации. При этом запрещались употребление новых инструментов и какие-либо технические нововведения. За соблюдением этих правил, которые устанавливали равные условия для всех членов корпорации, и одновременно монополию корпорации на рынке, следили старшины, имевшие право входа в любую мастерскую [2]. Выдающийся шотландский экономист Адам Смит так описывает цель этих ограничений: «Все цехи и большая часть цеховых правил были учреждены именно для того, чтобы посредством ограничения свободной конкуренции, которая необходимо приводит к падению цен, а следовательно, и заработной платы и прибыли, предотвратить такое падение» [3].

Средневековое право, создавая возможность для получения цехами, корпорациями привилегий и исключительных прав, создавало препятствия для предпринимательства, ограничивало свободу торговли и производства. Так, вступление в члены

цеха чрезвычайно затруднялось длительным сроком обучения в подмастерьях, крупным размером денежного взноса, серьезным испытанием на мастерство. При этом работа мастера исключительно на себя была практически невозможна.

Политика невмешательства государства в экономику создала благоприятные условия для монополизации. В ряде случаев государство поощряло создание крупных компаний, законодательно устанавливая благоприятные для этого условия. К концу XIX века в экономике промышленно развитых стран стали господствовать монополии. Действия монополистов затрагивали в первую очередь интересы потребителей, а также интересы конкурентов-аутсайдеров. Несмотря на законодательные запреты некоторых видов монополистической деятельности, в сущности монополии не подчинялись какому-либо регулированию. Суды только в редких случаях признавали действия монопольных организаций противозаконными: когда они были направлены против «добрых нравов» или «публичных интересов».

Отметим, что наиболее важную роль в регулировании хозяйственной деятельности играет антимонопольное законодательство, которое справедливо считается экономической конституцией развитых стран. В. К. Мамутов справедливо отмечает, что «эффективное правовое обеспечение функционирования экономики фактически немыслимо без правового обеспечения ее двигателя – механизма состязательности, научно-технического, промышленного соревнования, конкуренции на товарных рынках» [4]. Это же высказывание можно применить и говоря о рынке финансовых услуг. Непосредственное влияние на антимонопольное законодательство оказывают теории монополии. Рассмотрим некоторые концепции монополии и конкуренции, а также проведем анализ таких явлений, как «монополия» и «конкуренция».

Рассматривать термин «монополия» невозможно, не изучив мнения некоторых экономистов. В экономической теории понятие «монополия» не является однозначным: концепции монополий весьма разнообразны. Теории монополий оказывают непосредственное воздействие на антимонопольное законодательство, как, впрочем, и наоборот, и поэтому рассмотрим основные направления изучения таких явлений, как монополия и конкуренция.

Теории монополий появляются в период становления капиталистических отношений, и первоначально предметом изучения становится феодальная монополия. В конце XIX века появляются исследования монополии капиталистической.

В период домонополистического капитализма зародились два основных направления исследования монополии – рыночный и технологический.

Представители рыночного направления исходят из того положения, что сфера обращения доминирует над остальными секторами экономики. Поэтому монополия – это исключительно рыночная ситуация, в сфере производства возникнуть не может. Источник прибыли монополий – неравноценный обмен.

Сторонники технологического подхода не делают различий между процессами концентрации производства и капитализма. Одним из проявлений технологического подхода является концепция крупной корпорации, заключающаяся в отождествлении монополии и предприятия крупного размера. Значительное по размерам производство позволяет использовать технологические новинки, экономить на масштабах, удешевляя продукцию, поэтому на рынке имеет значение не только ценовая конкуренция [5].

Основоположником технологического подхода считается американский ученый Дж. Р. Коммонс, хотя впервые определил монополию как предприятие крупного размера У. Джевонс.

Во взглядах Дж. Б. Кларка появляется сочетание технологического и рыночного подходов. Под монополией он понимал абсолютный контроль над производством какого-то товара, основанный на крупномасштабном производстве. Монополия, по Кларку, исключает конкуренцию.

Для взглядов середины XIX века было характерно рассмотрение монополии как исключения из правила свободной конкуренции, а также противопоставление монополии и конкуренции. Подобные взгляды и были отражены в первых антитрестовских законах, где монополия понималась как «не конкуренция», как «власть одного». Поэтому нормы этих законов были направлены на поддержание состояния свободной конкуренции, запрещение трестов и ограничение и монополизацию торговли (например, первый антитрестовский акт США – Закон Шермана 1890 года.)

В конце XIX – начале XX веков научная мысль предлагает новые трактовки монополии, которые, впрочем, остаются в русле

основных направлений теории монополии – рыночного и технологического.

Приверженцем рыночной концепции и основателем неоклассического направления является А. Маршалл. Под монополией А. Маршалл понимал рыночную ситуацию исключительно преимущества, на основе которой фирма-монополист способна ограничивать производство, влиять на цены, получать сверхприбыль. Считал монополию исключением из правил, но вместе с тем идею «совершенной конкуренции» подвергал сомнению.

В 30-е годы создаются учения, которые уже рассматривают монополию как правило, а не как исключение, и оказывают наибольшее влияние на современное антимонопольное законодательство. Здесь речь идет о концепции «несовершенной конкуренции» Дж. Робинсона и теории «монополистической конкуренции» Э.Х. Чемберлена [6].

Необходимо отметить, что идея о синтезе монополии и конкуренции не была новой. Еще К. Маркс отмечал: «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию, их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу» [7].

Примечания:

1. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. М., 1992. Т. 38. С. 784.

2. Лафарг П. Американские тресты. Их экономическое, социальное и политическое значение / П. Лафарг. СПб., 1906. С. 34.

3. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатств народов / А. Смит. Петрозаводск, 1992. С. 108.

4. Мамутов В.К. Современные проблемы хозяйственного (предпринимательского) права / В.К. Мамутов // Государство и право. 1996. №4. С. 62.

5. Шишкин М.В. Генезис теорий монополий в марксистско-ленинской буржуазной литературе (1840-1930-е годы) / М.В. Шишкин. Л., 1985. С. 16-23.

6. Holmes W.C. Antitrust Law Handbook. New York, 1986. P. 151.

7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 166.

А. Н. Хугаева, О. А. Владычкина

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК С КОРРУПЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

В статье рассматриваются основания недействительности сделок в гражданском законодательстве, в том числе проблема недействительности сделок, признаваемых таковыми в результате совершения их с помощью взятки или коррупционных действий.

Ключевые слова: гражданское законодательство, недействительность сделок, коррупционная составляющая, противодействие коррупции.

В современном мире весьма актуальной представляется проблема недействительности сделок, признаваемых таковыми в связи с нарушением закона, а именно совершения коррупционных действий. Актуальность темы связана со значительным распространением подобных явлений и заключается в необходимости выработки мер борьбы с ними. В России коррупция порождает системные проблемы, поскольку, в первую очередь, тормозит экономическое развитие страны. На данный момент вопросам коррупции посвящено немалое количество нормативно-правовых актов как международного уровня, так и национального, проделано достаточное количество исследований по данному вопросу.

Российская Федерация ратифицировала международные акты, затрагивающие вопросы противодействия коррупции [1, 2], и сформировала национальное законодательство, которое регулирует вопросы противодействия коррупции, в частности речь идет о следующих нормативных правовых актах: Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 №273-ФЗ [4]; Федеральный закон от 03.12.2012 г. № 230-ФЗ

«О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [5] и другие.

Гражданским законодательством Российской Федерации не предусмотрено отдельного основания признания сделок недействительными, в связи с совершением коррупционных действий, а соответственно и понятие «коррупционная сделка» в российском законодательстве отсутствует. Однако данное определение мы можем найти в исследованиях некоторых авторов. Так, например, С. М. Будатаров кандидат юридических наук, говорит, что коррупционная сделка – это дача взятки, дарение подарка и прочее [6].

Большинство юристов под коррупционной сделкой понимают так называемый «откат» в области закупок товаров для государственных и муниципальных нужд.

Недействительность сделки предполагает действие, которое совершено в виде сделки, не обладающей качествами юридического факта, способное породить те последствия, наступление которых допускали субъекты.

Существует множество классификаций недействительных сделок. Но мы рассмотрим классификацию, представленную Гражданским кодексом Российской Федерации. По Гражданскому кодексу Российской Федерации все недействительные сделки делятся на:

1) ничтожные сделки – это такие недействительные сделки, которые не отвечают требованиям закона и являются таковыми с момента их заключения независимо от признания ее недействительной судом;

2) оспоримые сделки – это такие недействительные сделки, которые не отвечают обязательным требованиям закона и могут быть признаны таковыми по решению суда [3].

В Гражданском законодательстве есть два основания, по которым сделка признается недействительной в связи с нарушением такого условия действительности, как «правомерность содержания», к ним относятся:

1) когда сделка нарушает требования закона или иного правового акта. Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, оспорима, за исключением случаев, предусмотренных законом. А сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом еще и посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интере-

сы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима, или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки (п. 2 ст. 168 ГК РФ) [3];

2) когда сделка совершается с целью нарушения основ правопорядка или нравственности. Подобная сделка является ничтожной.

Ю. А. Гусенкова считает, что такая сделка нарушает основной принцип – принцип правомерности. Подобная сделка является абсолютно неправомерной заведомо, поскольку посягает на правопорядок, нравственность [7].

Таким образом, если государственный контракт о поставке товаров, услуг, выполнении каких-либо работ заключен и сопряжен с коррупционными правонарушениями, то он признается абсолютно недействительным. Из этих положений можно сделать вывод о том, что государственный контракт, который заключен с нарушением законодательства о госзакупках, полностью может или даже должен признаваться недействительным, и соответственно за недействительность также могут или должны наступить последствия в виде реституции. В данном случае реституция будет носить односторонний характер.

Следует еще отметить, что подобная сделка также может являться ничтожной, поскольку может затрагивать публичные интересы.

Учитывая вышеизложенное, на наш взгляд, необходимо ввести самостоятельное основание недействительности сделки, которое будет включать лишь недействительность сделок, совершенных с коррупционной заинтересованностью. Финансовое право содержит подобный институт сделок с заинтересованностью, гражданское же законодательство такого института не имеет. Если законодательством России не предусмотрен данный институт, то нужно обратить внимание на квалификацию норм международного права в сфере недействительности сделок и внести соответствующие изменения и дополнения в соответствующие нормативные правовые акты. И, как следствие, использовать именно гражданско-правовой механизм признания сделок недействительными, в случае совершения их путем коррупционных действий в сфере государственных закупок.

Рассмотрим также такие разновидности недействительных сделок, как мнимые и притворные сделки. Как известно, мни-

мые сделки – это такие сделки, которые совершаются «для вида», не имеющие никаких намерений повлечь какие-либо последствия.

В пример можно привести так называемые «фирмы-однодневки», их соисполнители заключают государственный контракт лишь с целью заполучить денежные средства. Е. А. Суханов много говорит о проблемах развития гражданского законодательства РФ, особенно он отмечает заторможенное развитие общества с ограниченной ответственностью [8] в условиях современной России, данную заторможенность, на наш взгляд, можно связать в том числе с большим количеством фирм-однодневок, которые, как правило, регистрируются в форме обществ с ограниченной ответственностью.

Согласно статистическим данным, на территории Российской Федерации зарегистрировано около 4 миллионов юридических лиц. Из них 75% – это общества с ограниченной ответственностью. Следовательно, можно говорить о большом количестве фирм-однодневок, которые ничего не производят, и, соответственно, финансовые средства из таких фирм будут выведены.

Обратимся к притворным сделкам. Притворные сделки – это такие сделки, которые совершаются с целью сокрытия другой сделки, в том числе и сделки на иных каких-либо условиях [3]. Притворные сделки, как правило, являются ничтожными.

Примером такой сделки в сфере государственных закупок может служить государственный контракт, который заключается на выполнение каких-либо работ, которые уже, в свою очередь, выполнены ранее штатными работниками организации. Например, в военной части необходимо выполнить работы по ремонту кровли, а весь этот ремонт фактически уже был выполнен военнослужащими, следовательно, денежные средства присваиваются должностными лицами посредством заключения государственного контракта [9]. Первая часть этой сделки мнимая – заключенный договор, а вот вторая часть этой сделки притворная – заключается в хищении выделенных денежных средств.

Как известно, Гражданский кодекс Российской Федерации самостоятельно не регулирует и не разрешает вопросы выявления или пресечения коррупционных правонарушений, а, как правило, играет вспомогательную роль для восстановления

правового положения того или иного лица, подвергшегося подобным последствиям.

Борьба с коррупцией должна осуществляться комплексно, используя ресурсы всех отраслей российского законодательства, причем так, чтобы они работали слаженно и взаимодействовали друг с другом.

Режим соблюдения прав и свобод человека и гражданина, законности и правопорядка, торжество конституционных принципов неприкосновенности собственности в совокупности предполагают, что гражданско-правовая ответственность за совершение коррупционных правонарушений может применяться только в том случае, когда в установленном порядке и процедурах установлен правонарушитель, и его вина доказана вступившим в силу судебным актом.

Еще в трактатах римских юристов было определено, что взяточничество и оказание противодействия как юридические категории относятся к уголовному праву. Это вполне логично, поскольку коррупционные правонарушения – это не иначе как уголовно-наказуемые преступления. Однако представляется необходимым использование и гражданско-правовых средств защиты в связи с коррупционными действиями, которые обеспечивают противодействие коррупционным правонарушениям. На данный момент, на наш взгляд, в действующем Гражданском законодательстве Российской Федерации в данной сфере образуется существенный пробел. Например, нет специфических норм о недействительности коррупционных сделок, также нет норм, с помощью которых можно было бы определить правовой статус потерпевшего, пострадавшего в результате коррупционных правонарушений.

Также, на наш взгляд, необходима конкретика в пункте 8 ч. 2 ст. 235 ГК РФ [3], в которой необходимо уточнить круг лиц, чье имущество может быть обращено в доход Российской Федерации.

Еще можно предложить внесение следующих изменений и дополнений в Гражданский кодекс РФ. Например, можно закрепить норму по защите прав публично-правового образования в связи с причинением вреда при совершении коррупционных действий.

С учетом вышеизложенного, можно сформулировать ряд выводов.

Коррупционная сделка – соглашение между физическим лицом и юридическим лицом с должностным лицом с целью незаконного приобретения каких-либо выгод или преимуществ в результате злоупотребления должностными полномочиями или их превышение.

Коррупционная сделка считается недействительной в силу Гражданского законодательства Российской Федерации. Соответственно последствием подобной сделки служит взыскание полученного в доход государства.

Проявление коррупционных действий в сфере государственных закупок прямо и непосредственно связано с несовершенством действующего гражданского законодательства Российской Федерации.

Необходимо совершенствовать гражданское российское законодательство именно в части недействительности сделок, совершенных коррупционными действиями. Необходимо установить специальную норму, содержащую условие недействительности сделки в связи с совершением коррупционных действий, а также необходимо предусмотреть правовые последствия по такой сделке в виде односторонней реституции и компенсации, размер которой должен быть определен не менее 25% цены подобной сделки.

Примечания:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31.10.2003) // СЗ РФ. 2006. №26. Ст. 2780

2. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию ETS №173 (Страсбург, 27.01.1999) // СЗ РФ. 2009. №20. Ст. 2394.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 №273-ФЗ [Электронный ресурс]. / СПС «Консультант плюс» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 30.08.2018).

5. Федеральный закон от 03.12.2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государствен-

ные должности, и иных лиц их доходам» [Электронный ресурс]. / СПС «Консультант плюс» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 30.08.2018).

6. Будатаров С. М. Присвоение взятки. Преступление против собственности или преступление против интересов государственной власти. [Электронный ресурс] // <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1124891> (дата обращения: 30.08.2018).

7. Гусенкова Ю. А. Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 13.

8. Суханов Е. А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008-2012 гг. М.: Статут, 2013. С. 85.

9. Трофимов М. В. Юридическая ответственность военных организаций Федеральной службы безопасности за финансовые правонарушения (на примере пограничных органов): Дисс.... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 119-121.

В. С. Шафрановский, И. В. Лишута

К ПОНЯТИЮ КОНКУРСНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена анализу семантико-этимологических аспектов понимания конкурсного производства в отечественном праве. Рассматривается история становления понятия конкурсного производства, а также понятие конкурсного производства на современном этапе.

Ключевые слова: конкурсное производство, конкурсное право, институт несостоятельности (банкротства), конкурсные кредиторы, конкурсная масса, процедуры банкротства.

В российской доктрине традиционно используются понятия «конкурсный процесс» и «конкурсное производство»; при этом в дореволюционном законодательстве конкурсный процесс сводился к конкурсному производству; в современном российском праве производство по делу о несостоятельности включает несколько процедур.

Дефиниция конкурса, предложенная еще Сальгадо де Со-моза, нашла отражение и в русском языке, так, практически все толковые словари XIX-XX вв. трактовали конкурс как полисемантическое слово, одним из значений которого считалось «собрание заимодавцев для рассмотрения дел несостоятельного должника» [10, с. 151].

В дальнейшем произошла диверсификация смыслового поля. Термин стал толковаться не только как стечение денежных требований нескольких кредиторов к несостоятельному должнику, но и как особый порядок их удовлетворения и даже как совокупность органов, производящих это удовлетворение [6, с. 3].

Это нашло свое отражение в законодательных и правоприменительных актах начала XX вв. Например, согласно ст. 443 Устава Судопроизводства Торгового 1903 г., если число наличных кредиторов составило менее трех, то конкурс не учреждался, а обязанности его исполнялись тем судебным местом, под ведомством коего открылась несостоятельность. Очевидно, что термин «конкурс» здесь употреблялся в значении органов конкурсного управления.

Однако чаще всего семантическое значение слова «конкурс» уточнялось путем употребления поясняющих смысл слов – «конкурсное управление», «конкурсное собрание».

Примечательно, что Конкурсный устав Германской империи 1877 г. также использовал наравне с термином «конкурсное производство» понятие «конкурс» (ст. 61, 152, 197, 201 Конкурсного устава) [16, с. 37, 79, 102, 104].

В современный период такими учеными, как В. Ф. Попондопуло, М. В. Телюкина, В. Н. Ткачев, предлагается использовать специальный юридический термин «конкурсное право» вместо или наравне с выражением «институт несостоятельности (банкротства)».

Такое предложение, на наш взгляд, оправдано, поскольку законодатель оперирует терминами «конкурсное производство», «конкурсные кредиторы», «конкурсная масса».

Здесь следует отметить следующее. Можно критически оценивать возможность употребления термина «конкурс» в значении «стечения (схождения) кредиторов, имеющих имущественные требования к общему должнику» [4, с. 51]. Ведь понятия «конкурсное право, конкурсное законодательство, конкурс-

ные правоотношения, конкурсное производство, конкурсная масса, конкурсный иммунитет, конкурсные кредиторы, конкурсспособность» при такой дефиниции конкурса едва уловимы: самый факт схождения кредиторов как предельное основание еще ничего не объясняет, не раскрывает внутреннюю взаимосвязь входящих в его состав явлений.

Схождение же кредиторов следует скорее рассматривать не как собственно конкурс, а только как его возможное основание, вовсе не обязательное.

Анализ современного российского гражданского законодательства показывает, что лексическая единица «конкурс», являясь омонимом (коль скоро она совпадает с другими словами по звучанию), имеет несколько значений: 1) конкурс как правовая форма (способ) удовлетворения прав кредиторов; 2) конкурс как односторонняя сделка (п. 1 ст. 1057 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]); 3) конкурс как форма проведения торгов (п. 4 ст. 447 ГК РФ [1]).

Формальная определенность права, как известно, достигается с помощью различных приемов юридической техники, в том числе с помощью терминов и правовых дефиниций. Поэтому использование омонимов в законодательстве одной отрасли следует оценивать критически. Однако принцип точности и единообразия правовой терминологии не следует все же абсолютизировать. Например, в науке было сделано предложение использовать термин «конкурс» исключительно в значении «способ удовлетворения требований кредиторов» и отказаться от других значений [17, с. 72-80].

Думается, что целесообразность данного предложения вызывает сомнения, поскольку не следует употреблять такие юридические выражения, смысл которых далеко не совпадает с общеупотребительным значением слов, в них заключенных. В оценке омонимов не следует забывать, что данное языковое явление носит объективный характер. Чтобы избежать несогласованности правовых норм, следует придерживаться специальных правил использования слов-омонимов: контекстуальное их отграничение, запрет на употребление двух омонимов в одном предложении, отграничение знаками ударения слов-омонимов, имеющих нетождественное произношение [8, с. 77-78]. Думается, что данные рекомендации не носят исчерпывающего характера и могут быть дополнены. Например, при исполь-

зовании общеупотребительных слов-омонимов целесообразно в скобках указывать слово-синоним или родовое понятие, позволяющее однозначно определить значение термина (конкурс (как односторонняя сделка); конкурс (форма торгов); конкурс (процедура банкротства)).

Трактовку конкурса в узком смысле отстаивают в современной науке ряд ученых, которые указывают, что порядок равномерного и справедливого распределения имеющегося имущества должника между его кредиторами называется конкурсом или конкурсным производством, «конкурсным процессом» [9, с. 206]. Следует только уточнить, что удовлетворение требований кредиторов происходит не только за счет имеющегося на момент открытия конкурсного производства имущества, но и полученного в ходе его проведения.

Таким образом, обобщая предложенные понятия с позиции толкования русского языка и выявления правового смысла термина «конкурс», констатируем, что конкурс понимается как собрание кредиторов; порядок удовлетворения требований; совокупность органов; порядок распределения имущества должника; правовой способ удовлетворения требований; односторонняя сделка; правовая форма ведения торгов.

На наш взгляд, в широком понимании конкурс (в юридическом смысле) следует определять как правовую форму отношений по удовлетворению требований кредиторов должника, имеющего признаки банкротства или официально признанного банкротом.

В свою очередь, конкурс в узком значении способа удовлетворения требований кредиторов можно рассматривать для указания на одну из процедур банкротства – конкурсное производство в узком смысле.

Легальное определение конкурсного производства дано в абз. 16 ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ: «процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику, признанному банкротом, в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов» [3] (далее Закон о банкротстве).

Действующее законодательство, на наш взгляд, не совсем точно дает определение конкурсного производства. Можно выделить четыре аспекта, уточнение которых требует проведения научного анализа.

Во-первых, конкурсное производство определяется через родовое понятие – «процедуры банкротства», что само по себе объективно обусловлено многообразием и сложностью социальных связей, возникающих между несостоятельным должником и его кредиторами. В то же время экспликация термина «процедуры банкротства» в законодательстве отсутствует, в диспозиции ст. 27 Закона о банкротстве приводится только их неполный перечень (ст. 27 Закона о банкротстве).

Безусловно, использование специальной юридической терминологии вместо описательных выражений позволяет сформулировать закон кратко и точно, однако неопределенность российского законодательства по поводу содержания понятия «процедуры банкротства» создает в науке излишние споры.

Действительно, перечень применяемых в отношении юридических лиц процедур банкротства является исчерпывающим (закрытым) (п. 1 ст. 27 Закона о банкротстве) и не включает упрощенные процедуры банкротства ликвидируемого и отсутствующего должника (гл. XI Закона о банкротстве), которые, как следует из их названия, хоть и считаются «упрощенными», но все же поименованы процедурами банкротства.

Все вышеприведенные примеры призваны, на наш взгляд, доказать тот тезис, что определять понятие конкурсного производства через неопределенное в законодательстве и вызывающее споры в доктрине понятие процедуры банкротства не вполне верно.

Во-вторых, указание на цель осуществления процедуры банкротства при определении конкурсного производства в методологическом плане открывает новые возможности системного толкования правовых норм, о чем скажем ниже. Да и само формулирование цели как ликвидации должника вряд ли можно признать верным. Кроме того, цель конкурсного производства определяется в широком смысле.

В таком виде цель может рассматриваться телеологической основой любой иной процедуры банкротства, в том числе восстановительной, что девальвирует теоретико-методологическое и регулятивное назначение нормативного ее закрепления.

В-третьих, в легальном определении конкурсного производства не указывается на способ достижения цели.

В-четвертых, легальное определение конкурсного производства, предложенное в законе (абз. 16 ст. 2 Закона о банкрот-

стве), предполагает наличие нескольких кредиторов, которым в итоге необходимо соразмерно удовлетворить требования. Да и само понимание термина «конкурс», как мы выяснили выше, означает наличие как минимум двух участников, конкурирующих между собой.

Тем не менее, абз. 2 п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве допускает существование единственного конкурсного кредитора, что создает противоречивость в понимании ряда терминов Закона о банкротстве, в том числе конкурсного производства.

Вышесказанное, по нашему мнению, свидетельствует о том, что в определении конкурсного производства законодатель допускает наличие четырех недочетов: 1) определение неизвестного через неизвестное; 2) слишком широкое формулирование цели, без конкретизации; 3) отсутствие указания на способы достижения цели; 4) коллизийность законодательства. При такой ситуации практически невозможно уловить смысловую нагрузку легальной дефиниции конкурсного производства, поскольку она обтекаема и неконкретна.

Приводимые в науке определения конкурсного производства, как правило, воспроизводят содержание соответствующей дефинитивной нормы закона [11, с. 109; 14, с. 212] и характеризуют конкурсное производство либо как процедуру, применяемую «в деле о банкротстве к должнику, признанному банкротом, в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов» [5], либо как «ликвидационная процедура в производстве по делу о несостоятельности (банкротстве)» [28, с. 123].

Помимо этого, в литературе существуют различные понимания конкурсного производства как особого вида исполнительного производства [15, с. 234; 16, с. 68] или наоборот, как самостоятельной процедуры, отличной от исполнительного производства [13, с. 80]; как вида «принудительной реализации решения арбитражного суда» [14, с. 7]; как формы производства неисковых дел наряду с охранительным и судебно-межевым производствами [7, с. 500]; как искового производства [12, с. 8]; как конструкции группового иска, с выделением двух стадий: судебной (исковое производство, в котором происходит проверка обоснованности требований кредиторов) и этапа формирования конкурсной массы и распределения имущества между кредиторами [19, с. 18] и др.

Однако, с нашей точки зрения, наиболее удачное определение дается М. В. Телюкиной, по мнению которой конкурсное производство – это «система мероприятий, проводимых под контролем арбитражного суда, целью которых является... соразмерное удовлетворение требований кредиторов» [15, с. 97].

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1). Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2). Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

3. О несостоятельности (банкротстве). Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

4. Белых В. С., Дубинчин А. А., Скуратовский М. Л. Правовые основы банкротства юридических лиц: Уч. пособие. Екатеринбург, 1996. 435 с.

5. Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) (2-е изд., перераб. и доп.) // Справочно-правовая система КонсультантПлюс, 2016.

6. Брун М. Н. Конкурс // Энциклопедический словарь / Под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского; Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Репринтное воспроизведение издания 1890 г. М., 1991. Т. 31. 456 с.

7. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 1917. 675 с.

8. Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997. 176 с.

9. Гражданское право: В 4-х т.: Учебник / Отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 1. 453 с.

10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. СПб., 1905. Т. 2. 1023 с.

11. Карелина С. А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): Учебно-практич. пособие. М., 2006. 134 с.

12. Клейнман А. Ф. О несостоятельности частных лиц по советскому процессуальному праву. Иркутск, 1929. 675 с.

13. Нефедьев Е. А. Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс. М., 1908. 267 с.

14. Сердитова Е. К. Конкурсное производство как форма реализации решения арбитражного суда: Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 207 с.

15. Телюкина М. В. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)». М., 1998. 231 с.

16. Тур Н. Конкурсный устав Германской империи и русские законы о конкурсе. Карлсруэ, 1879, Ч. 1. 543 с.

17. Шишмарева Т. П. Правовые вопросы реорганизации и ликвидации юридических лиц вследствие несостоятельности: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 198 с.

18. Шишмарева Т. П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: уч. пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. М.: Статут, 2015. 416 с.

19. Ярков В. В. Правовая природа и источники конкурсного производства // Гражданский и арбитражный процесс. 2002. № 11. С. 18-23.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

А. А. Базаева, Н. Х. Бузарова, А. А. Цакоев

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ ШТАТА НЬЮ-ЙОРК

В статье рассматриваются особенности института обстоятельств, исключающих преступность деяния по уголовному кодексу штата Нью-Йорк. Регулирование подобных обстоятельств в уголовном законодательстве США отличается особой тщательностью и предусматривает, что право на применение физической силы; запрет на применение физической силы; право на причинение смерти посягающему; запрет на причинение смерти посягающему при применении институтов необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление, являются определяющими.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное законодательство, обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, присутствуют в уголовных законах всех зарубежных государств, но отличаются значительной спецификой в правовой регламентации. Они касаются многих моментов: самого названия данных обстоятельств, их перечня, месторасположения в кодексе и т. д. Пожалуй, самым тщательным образом подходят к проблеме законодательной регламентации рассматриваемых обстоятельств в США. Так, например, в Уголовном кодексе штата Нью-Йорк имеется статья 35 «Защиты, связанные с оправдывающими обстоятельствами» [1]. В данной статье, в первую очередь, приведены общие положения, касающиеся оправдывающих обстоятельств (§ 35.05):

Поведение не считается уголовно наказуемым, если оно:

1. Предписано или санкционировано правом или постановлением суда, либо осуществлено публичным служащим при разумном исполнении им своих официальных полномочий, обязанностей или функций.

2. Является необходимым как чрезвычайная мера, чтобы избежать нависшей угрозы причинения публичного или личного вреда, который близок к наступлению в ситуации, созданной или развитой не по вине деятеля, и который является настолько серьезным, что в соответствии с обычными стандартами интеллекта и морали желательность и срочность недопущения такого вреда несомненно перевешивают желательность недопущения вреда, на предупреждение которого направлен закон, определяющий соответствующее посягательство.

Кроме того, определено, в каких случаях применение физической силы является оправданным (§ 35.10):

1. Родитель, опекун или другое лицо, на которое возложено осуществление заботы и надзора в отношении другого лица в возрасте до 21 года или недееспособного лица, а также педагог или другое лицо, на которое возложено осуществление заботы и надзора в отношении лица в возрасте до 21 года со специальной целью, может применять к такому лицу физическую силу, но не смертельную физическую силу, тогда и в такой степени, когда и насколько, как оно разумно полагает, это необходимо для поддержания дисциплины и содействия благополучию такого лица.

2. Начальник тюрьмы или другое уполномоченное должностное лицо тюрьмы или исправительного заведения может для поддержания порядка и дисциплины применять физическую силу, как это предусмотрено исправительным правом.

3. Лицо, ответственное за поддержание порядка на общественном пассажирском транспорте, или лицо, действующее под его руководством, может применять физическую силу тогда и в такой степени, когда и насколько, как оно разумно полагает, это необходимо для поддержания порядка; но оно может применять смертельную физическую силу только тогда, когда, как оно разумно полагает, это необходимо для предотвращения причинения смерти или тяжкого телесного вреда.

4. Лицо, разумно полагающее, что другое лицо вот-вот совершит самоубийство или причинит себе тяжкий телесный вред, может применять к такому лицу физическую силу в такой степени, в какой, как оно разумно полагает, это необходимо для предотвращения совершения этих действий.

5. Врач, имеющий соответствующее разрешение, или лицо, действующее под его руководством, может применить физи-

ческую силу для осуществления признанной формы лечения, которое, как оно разумно полагает, должно быть применено с целью содействия физическому или психическому выздоровлению больного при условии, что:

- лечение проводится с согласия больного либо, если больной не достиг 18-летнего возраста или является недееспособным, с согласия его родителя, опекуна или другого лица, на которое возложено осуществление заботы и надзора в отношении его;

- лечение проводится при чрезвычайных обстоятельствах, когда врач разумно полагает, что нет никого, кто мог бы дать согласие на такое лечение, и что разумное лицо, желающее благополучия больному, согласилось бы на это.

6. В соответствии с последующими положениями настоящей статьи лицо может применить физическую силу к другому лицу для защиты себя или третьего лица либо для охраны помещения и любой недвижимости, либо для предотвращения хищения имущества или причинения ему уголовно наказуемого ущерба, либо для осуществления ареста или предотвращения побега из-под стражи. В любом случае, когда лицо уполномочено одним из этих положений на применение смертельной физической силы при каких-то конкретных обстоятельствах, ничто содержащееся в каком-либо другом таком положении не может рассматриваться как направленное на отрицание или ограничение такого правомочия [2].

Закон устанавливает и конкретные ситуации и условия, при которых действия защищающегося лица признаются правомерными (§ 35.15). В частности, лицо может применить физическую силу к другому лицу тогда и в такой степени, когда и насколько, как оно разумно полагает, это необходимо для защиты самого себя или третьего лица от того, что, как оно разумно полагает, представляет собой применение или нависшую угрозу применения противоправной физической силы таким другим лицом, если:

- поведение последнего не было спровоцировано самим деятелем с намерением причинить телесный вред другому лицу; или

- деятель не был первоначальным агрессором; исключение составляет то, что в таком случае использование физической силы является, тем не менее, оправданным, если он вышел из

стычки и надлежащим образом довел до сведения другого лица о таком выходе, но последний упорствует в своем стремлении продолжить инцидент применением или угрозой, вполне реальным применением противоправной физической силы; или

- примененная физическая сила – не результат поединка по соглашению, специально не санкционированная правом [3].

Как мы видим, закон исходит из целесообразности действий защищающегося, давая ему право регулировать степень и характер защиты, исходя из конкретной ситуации. В то же время закон определяет случаи, когда применение насилия нельзя признать правомерным. Кроме того, закон штата Нью-Йорк дает право на причинение смерти нападающему, если оно (лицо) разумно полагает, что такое другое лицо применяет или вот-вот начнет применять смертельную физическую силу; однако даже в этом случае деятель не может применять смертельную физическую силу, если он знает, что, отступив, он может с полной безопасностью для себя и других избежать необходимости ее применения; однако деятель не обязан отступить, если он находится в своем жилище и не является первоначальным агрессором либо является служащим полиции, должностным лицом, наблюдающим за соблюдением общественного порядка, или лицом, оказывающим помощь служащему полиции или должностному лицу, наблюдающему за соблюдением общественного порядка, по их указанию, действующим в соответствии с § 35.30. Аналогичная ситуация складывается и в том случае, если лицо совершает или пытается совершить похищение человека, насильственное половое сношение (изнасилование), насильственное извращенное половое сношение или ограбление; или с) совершает или пытается совершить берглэри при таких обстоятельствах, когда в соответствии с п. 3 § 35.20 разрешается применение смертельной физической силы. Иначе говоря, по законодательству штата Нью-Йорк является безусловно правомерным причинение смерти посягающему в случаях, прямо указанных в законе.

Особого внимания заслуживает применение физической силы при производстве ареста или при предотвращении бегства из под стражи (§ 35.30). Здесь законодатель определил, что служащий полиции или должностное лицо, наблюдающее за соблюдением общественного порядка в ходе производства или предпринимаемой попытки производства ареста либо

предотвращения или попытки предотвращения побега из-под стражи лица, которое, как они разумно полагают, совершило посягательство, могут применить физическую силу тогда и в такой степени, когда и насколько, как они разумно полагают, это необходимо, чтобы произвести арест или предотвратить бегство из под стражи либо чтобы защитить самого себя или третье лицо от того, что, как они разумно полагают, представляет собой применение или нависшую угрозу применения физической силы; однако они могут применить смертельную физическую силу в указанных целях только тогда, когда они разумно полагают, что:

- совершенное таким лицом посягательство – это фелония или покушение на совершение фелонии, включающей в себя применение, покушение на применение или угрожаемое, вполне реальное, применение физической силы против какого-либо лица либо похищение человека, поджог, побег первой степени, берглэри первой степени или любое покушение на совершение одного из таких преступлений;

- совершенное посягательство или покушение на него, совершенное таким лицом, – это фелония, и что при оказании сопротивления аресту за ее совершение или при попытке к бегству из-под стражи такое лицо вооружено огнестрельным или смертоносным оружием;

- безотносительно к какому-либо конкретному посягательству, являющемуся основанием для ареста или в связи с которым совершена попытка к бегству, применение смертельной физической силы является необходимым для защиты служащего полиции или лица, наблюдающего за соблюдением общественного порядка, или другого лица от того, что, как должностное лицо разумно полагает, представляет собой применение или нависшую угрозу применения смертельной физической силы.

Тот факт, что служащий полиции или должностное лицо, наблюдающее за соблюдением общественного порядка, оправданы в применении смертельной физической силы при обстоятельствах, указанных в подпунктах (а) и (b) п. 1, не может служить оправданием неосторожного поведения такого служащего полиции или должностного лица, наблюдающего за соблюдением общественного порядка, равнозначного совершению посягательства против или в отношении невиновных лиц,

которых они не собираются ни арестовывать, ни удерживать под стражей.

Лицо, которое было привлечено служащим полиции или должностным лицом, наблюдающим за соблюдением общественного порядка, для оказания помощи такому служащему полиции или должностному лицу, наблюдающему за соблюдением общественного порядка, в производстве ареста или в предотвращении бегства из-под стражи, может применить физическую силу, за исключением смертельной физической силы, тогда и в такой степени, когда и насколько, как оно разумно полагает, это необходимо для выполнения распоряжений такого служащего полиции или должностного лица, наблюдающего за соблюдением общественного порядка, при условии, что ему неизвестно, что арест или предполагаемый арест не является или не был санкционированным, и оно может применить смертельную физическую силу при обстоятельствах, когда оно разумно полагает, что это необходимо для защиты самого себя или третьего лица от того, что, как оно разумно полагает, представляет собой применение или нависшую угрозу применения смертельной физической силы, либо ему предписывается или разрешается таким служащим полиции или должностным лицом, наблюдающим за соблюдением общественного порядка, применение смертельной физической силы при условии, что ему неизвестно, что сам служащий полиции или должностное лицо, наблюдающее за соблюдением общественного порядка, не имеет полномочия на применение смертельной физической силы при данных обстоятельствах.

Частное лицо, действующее по своей собственной инициативе, может применить физическую силу к другому лицу, исключая смертельную физическую силу, тогда и в такой степени, когда и насколько, как оно разумно полагает, это необходимо для производства ареста или предотвращения побега из-под стражи лица, которое, как оно разумно полагает, совершило посягательство и которое в действительности совершило такое посягательство; и оно может применить смертельную физическую силу с такой целью, если оно разумно полагает, что это необходимо для:

– защиты самого себя или третьего лица от того, что, как оно разумно полагает, представляет собой применение или нависшую угрозу применения смертельной физической силы;

– производства ареста лица, совершившего тяжкое убийство, простое убийство первой степени, ограбление, насильственное половое сношение (изнасилование) или насильственное половое извращенное сношение и которое вот-вот совершит побег с места преступления.

Охранник, служащий полиции или должностное лицо, наблюдающее за соблюдением общественного порядка, на которое возложена обязанность сторожить заключенных, находящихся в местах лишения свободы, а также находящихся в пути, как из этих мест, так и наоборот, могут применять физическую силу тогда и в такой степени, когда и насколько, как они разумно полагают, это необходимо для предотвращения побега заключенного из места лишения свободы или из-под стражи в пути, как из этого места, так и наоборот [4].

Таким образом, на наш взгляд, можно выделить четыре момента, регламентируемые американским законодательством: право на применение физической силы; запрет на применение физической силы; право на причинение смерти посягающему; запрет на причинение смерти посягающему. Как нетрудно заметить, при применении институтов необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление, они являются определяющими. А тщательное их законодательное регулирование позволяет гражданам и должностным лицам уверенно применять физическую силу в необходимых случаях.

Примечания:

1. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк. [Электронный ресурс] // <https://constitutions.ru/?p=8102> (дата обращения: 15.09.2019).

2. Уголовное законодательство США [Электронный ресурс] // <https://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=796> (дата обращения: 15.09.2019).

3. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк. [Электронный ресурс] // <http://mosmediator.narod.ru/index/0-402>. (дата обращения: 15.09.2019).

4. Крылова Н. Е., Малешина А. В., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть): учебно-методическое пособие. М.: Статут, 2019. [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/edu/student/download_

books/book/ugolovnoe_pravo_zarubezhnyh_stran_osobennaya_chast_uchebno_metodicheskoe_posobie/ (дата обращения: 19. 09.2019).

О. О. Борзова, Л. Х. Караева

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ ДЕТЕЙ

В статье анализируются теоретические аспекты проблемы ненадлежащего исполнения родителями родительских обязанностей, виды ответственности за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, в том числе жестокое обращение с детьми.

Ключевые слова: неисполнение обязанностей, воспитание ребенка, виды ответственности, отношение к ребенку, условия, развитие.

В Конвенции о правах ребенка закреплен приоритет интересов детей во всех сферах жизни государства. Обязательства по ее выполнению взяла на себя и РФ, которая на законодательном уровне обеспечивает защиту прав детей нормами конституционного, семейного, административного и уголовного права.

Ребенком является лицо, не достигшее 18-летнего возраста, если по закону оно не достигает совершеннолетия ранее.

В соответствии со статьями 63, 65 и 80 Семейного кодекса Российской Федерации [3], родители обязаны содержать и воспитывать своих детей, заботиться об их физическом, психическом, духовном и нравственном развитии и обучении, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами общества. Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей.

Действующее законодательство Российской Федерации обязывает обоих родителей не только воспитывать своих детей, но и заботиться о них, а также обеспечивать всем необходимым.

Что, с точки зрения современного законодательства, подразумевается под ненадлежащим исполнением родительских

обязанностей? Прежде всего, родителям необходимо равномерно распределять между собой права и обязанности по отношению к детям. Независимо от того, как складывается жизнь отца или матери, они оба несут ответственность за своего ребенка. При этом место их нахождения не играет никакой роль.

Даже если дети временно проживают с бабушкой и дедушкой, прочими родственниками или вообще находятся под опекой у государства, то родители все равно обязаны продолжать постоянно заботиться о них, а также воспитывать их. Закон предусмотрел выполнение родительских обязанностей вплоть до наступления совершеннолетия детей.

Что значит ненадлежащее исполнение родительских обязанностей? Неисполнение родителями обязанностей по воспитанию несовершеннолетних – это неправильное, нечеткое, формальное, нерадивое, несвоевременное, неполное их осуществление, а также использование родителями или другими лицами, которые их заменяют, прав и исполнение своих обязанностей по отношению к несовершеннолетнему в ущерб правам, интересам последнего.

Подробнее рассмотрим, что подразумевается под ненадлежащим исполнением родительских обязанностей [4]:

1. Если ребенок проживает в условиях, которые не соответствуют санитарным нормам.
2. В случае безнадзорности ребенка во внеурочное время.
3. При отсутствии заботы и внимания со стороны родителей.
4. Если родители препятствуют ребенку получать общее образование, а также качественное медицинское обслуживание.
5. В случае пренебрежительного отношения к детям, недостатке тепла, любви, ласки и понимания.

Действующее российское законодательство установило следующие виды юридической ответственности за ненадлежащее исполнение или неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка [8]:

1. Административную.
2. Гражданско-правовую.
3. Семейно-правовую.
4. Уголовную.

Рассмотрим каждый вид юридической ответственности по отдельности.

Уголовно-правовая ответственность. Статья 156 УК РФ предусмотрела уголовную ответственность за ненадлежащее исполнение или неисполнение обязанностей родителей по воспитанию несовершеннолетнего ребенка, если это сопровождается жестоким обращением с ребенком [6].

Жестокое обращение, например, может выражаться в физическом насилии (побои, истязания, причинение вреда здоровью), а также в психическом насилии (оскорбления, унижения, эксплуатация), и в случаях лишения ребенка воды, пищи, одежды.

Аналогичная ответственность распространяется на всех лиц, несущих ответственность за детей: педагогические работники, опекуны, прочие сотрудники подобных учреждений, которые ответственны за надзор за детьми.

Гражданско-правовая ответственность. За ненадлежащее исполнение или неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка родителей могут привлечь к гражданско-правовой ответственности. Взыскание компенсации в пользу ребёнка за причинение морального или имущественного вреда последнему прямо не предусматривается семейным законодательством, однако она вытекает из положений следующих статей: 51, 1064 и 1099 ГК РФ [9].

Если родители не предоставили ребёнку должного питания и одежды, что поспособствовало причинению вреда здоровью ребёнка, то они могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности, компенсировав моральный вред и возместив убытки.

Административно-правовая ответственность. Административное правонарушение заключается в бездействии родителей или других законных представителей несовершеннолетних в случае, когда они намеренно не выполняют свои обязанности по обучению и воспитанию детей: не воспитывают их нравственно, не заботятся о физическом развитии и укреплении здоровья детей, создании подходящих условий для своевременного приобретения ими образования, а также их успешного обучения.

Для того чтобы бездействие родителей определили как административное правонарушение, необходимо выявить его систематичность, а также проявление определенных признаков в течение длительного периода времени.

Длящееся продолжительное время административно-правовое нарушение обязательно приведет к административно-правовой ответственности. Так, если ребенок не посещает школу, регулярно убегает из дома или совершает противоправные действия, то это серьезно грозит для родителей административно-правовой ответственностью. А ведь чаще всего основанием для совершения антиобщественного поступка подростком является именно отсутствие приятного микроклимата в семье, родительской заботы, а также контроля над поведением своих детей.

Поэтому часто правонарушения, которые совершают дети, приводят к ответственности их родителей. За совершение подобного правонарушения, зависимо от тяжести и наличия отягчающих или смягчающих обстоятельств, к родителям применяют такие меры административного наказания: штраф размером от 100 до 500 рублей, или предупреждение [1].

К административной ответственности можно привлечь усыновителей, попечителей (физических лиц или должностных), либо подать жалобу в органы опеки и попечительства, а также в учреждения государственного образования и воспитания, которые выполняют функции государственного опекуна.

Семейно-правовая ответственность. Наиболее радикальная мера, применяемая к родителям и в 2019 году, – это лишение родительских прав.

В результате применения данной меры родители потеряют все права, которые основаны на факте родства со своим ребенком, но при этом они не освобождены от обязанности содержать его.

В Семейном кодексе оговорено несколько случаев, когда лишают прав родителей. Это ситуации, которые непосредственно связаны с ненадлежащим исполнением своих родительских обязанностей [9]:

1. Если родители уклоняются от выполнения своих обязанностей, в том числе и в случае злостного уклонения от уплаты алиментов.

2. Если родители без уважительных причин отказываются взять своего малыша из родильного отделения или из другого лечебного, воспитательного учреждения, из учреждения социальной защиты либо из подобных организаций.

3. В случае злоупотребления своими родительскими правами.

4. При жестоком обращении с детьми, осуществляя психическое или физическое насилие над ними, покушаясь на половую неприкосновенность ребенка.

5. Если родители больны хронической наркоманией или алкоголизмом.

6. В случае совершения умышленного преступления против жизни или здоровья супруга, против жизни или здоровья своих детей.

Согласно статье 5.35 КоАП Российской Федерации [1], протокол об административном правонарушении обязаны составлять должностные лица в органах внутренних дел (полиции) и члены комиссий по защите прав несовершеннолетних. Подобные дела рассматривают по месту жительства родителей, которые виновны в административном правонарушении.

Частным случаем прекращения ответственности за лицо, не достигшее совершеннолетия, является эмансипация.

Эмансипация – это процесс признания ребенка совершеннолетним до наступления его возраста установленной законодательством для этого возрастной границы.

К примеру, если ребенок раньше 18 лет вышел замуж или женился, он считается совершеннолетним.

В Семейном кодексе предусмотрены обязанности родителей, которые они в обязательном порядке должны исполнять.

К ним, в частности, относятся [9]:

- личное воспитание ребенка;
- самостоятельный выбор методик воспитания, которые не противоречат безопасности детей и их интересам;
- оказание содействия в психологическом и духовном развитии ребенка;
- создание необходимых условий жизни ребенка, его материальное содержание;
- всестороннее образование ребенка через детские сады, школы, кружки и секции;
- защита правовых интересов ребенка в судах или иных органах, где требуется участие законного представителя.

Считается, что родители обязаны по умолчанию исполнять все возложенные на них Кодексом обязанности. Если же ребенок ведет себя неподобающим образом, нарушает закон и

общественный порядок, считается, что это недоработка родителей.

Следовательно, они обязаны отвечать самостоятельно за действия своего плохо воспитанного ребенка.

Если родители игнорируют правила поведения, предусмотренные Семейным кодексом, значит они не исполняют свои родительские обязанности. За это существует строгое наказание.

Несоблюдение родительских обязанностей по воспитанию ребенка и заботе о нем может привести к ограничению или полному лишению родительских прав. Контроль за действиями родителей осуществляют органы опеки и попечительства. Они ставят на учет те семьи, в которых плохие условия содержания детей, родители пьют или избивают детей. В любой момент из этих семей детей могут забрать, отправить в дом малютки и подобрать им новую семью.

Основаниями для привлечения родителей к ответственности являются [7]:

- злоупотребление родительскими правами;
- ненадлежащее исполнение родительских обязанностей;
- умышленное совершение действий, которые нанесли физический или психологический вред ребенку.

Кроме лишения родительских прав к родителям могут применяться различные штрафные санкции. За злостное уклонение от уплаты алиментов, к примеру, и вовсе предусмотрена уголовная ответственность. Ст. 5.35.1 КоАП РФ предусматривает наказание за неуплату алиментов более 2 месяцев [1].

Когда нарушитель имеет несколько административных штрафов по данной статье, в отношении него возбуждается уголовное дело.

Каждый несовершеннолетний наделен комплексом прав и свобод, в том числе правом на воспитание и заботу со стороны родителей и других управомоченных лиц. Для ребенка семья является важным институтом, именно в семье закладываются предпосылки развития духовного и физического здоровья человека, формируются правовые, физические и психические качества ребенка.

Выделяют четыре основные формы насилия в отношении детей: психологическое, физическое, сексуальное, пренебрежение основными потребностями ребенка. И если физи-

ческая и сексуальная формы насилия (пытки, побои, истязания, причинение боли, сексуальные домогательства и т. д.), а также пренебрежение основными потребностями ребенка (систематическое непредоставление ребенку питания, оставление его без присмотра и средств существования; грубое нарушение режима дня ребенка, необеспечение условий для его отдыха и сна; содержание ребенка в условиях, угрожающих его жизни и здоровью, невыполнение гигиенических норм, влекущих развитие у него заболеваний; необеспечение, уклонение или отказ от получения ребенком медицинской помощи и лечения, оставление в опасном для жизни и здоровья состоянии и т. д.) относительно понятны всем, то психологическое насилие представляет собой более изощренную форму [5].

Ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних родителями или иными лицами, на которых возложены эти обязанности, может быть административная или уголовная:

– частью 1 статьи 5.35 КоАП РФ [1] за неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите их прав и интересов предусмотрено административное наказание в виде предупреждения или административного штрафа в размере от 100 до 500 рублей;

– частью 2 статьи 5.35 КоАП РФ [1] предусмотрено административное наказание в виде штрафа в размере от 2 до 3 тысяч рублей за лишение прав детей на общение с родителями или близкими родственниками, сокрытие места нахождения детей помимо их воли, неисполнение судебного решения об определении места жительства детей или о порядке осуществления родительских прав;

– частью 3 статьи 5.35 КоАП РФ [1] предусмотрено административное наказание в виде штрафа в размере от 4 до 5 тысяч рублей или административного ареста на срок до пяти суток за повторное административное правонарушение, предусмотренное частью 2 этой же статьи.

Для уголовно наказуемого неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних обязательно наличие жестокого обращения с детьми. Этим преступление, предусмотрен-

ное статьей 156 УК РФ [2], отличается от административного правонарушения.

Субъект преступления – специальный, им может быть лицо, на которое законом или договором возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Такими лицами являются не только родители, но и воспитатели детских домов, иных учреждений для постоянного или временного проживания детей, педагогические и иные работники образовательных учреждений, медицинские работники и т. п.

За совершение преступления предусмотрено уголовное наказание в виде штрафа до 100 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода за период до 1 года, либо обязательных работ на срок до 440 часов, либо исправительных работ на срок до 2 лет, либо принудительных работ, либо лишения свободы на срок до 3 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет или без такового.

Резюмируя изложенное, отметим, что неисполнение и ненадлежащее исполнение обязанностей должно носить систематический характер. Кроме того, следует более четко разграничивать, в каких случаях имеет место ненадлежащее исполнение обязанностей, а в каких – неисполнение обязанностей.

Примечания:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 18.03.2019) Ст. 5.35. Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс. // **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки** (дата обращения: 12.09.20219 г.)

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) Статья 156. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. [Электронный ресурс] СПС КонсультантПлюс. // **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки**. (дата обращения: 12.09.20219 г.)

3. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1.

4. Гармаш А. Защита детей от жестокого обращения и насилия / А. Гармаш, И. Сулова // ЭЖ-Юрист. 2012. № 29. С. 15.
5. Кирюхин А. Б. Сущность психического насилия / А. Б. Кирюхин // Закон и право. 2009. №2. С. 52.
6. Плаксина Т. А. Бездействие как форма жестокого обращения с несовершеннолетним в составе преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ / Т. А. Плаксина // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 3. С. 131.
7. Помогалова Ю. В. Актуальные вопросы применения уголовной ответственности за жестокое обращение с детьми / Ю. В. Помогалова // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3. С. 112-113.
8. Уголовно-правовые аспекты жестокого обращения с несовершеннолетними: монография / В. В. Картавченко. М-во сел. хоз-ва РФ, Кубан. гос. аграр. ун-т. Краснодар: «Издательский дом – Юг». 2010. 400 с.
9. Холопова Е. Н. Актуальные проблемы ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего / Е. Н. Холопова, Е. Л. Козлова // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 2. С. 27.

Н. Х. Бузарова, Д. О. Кесаев

АНГЛОСАКСОНСКАЯ СИСТЕМА УГОЛОВНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ТЕНДЕНЦИИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается становление англосаксонского права, которое развивалось под влиянием множества исторических, географических, национальных, политических, экономических и других факторов. Анализируется современная структура судебной системы Англии и определяются тенденции ее развития.

Ключевые слова: *англо-саксонская правовая система, прецедентное право, источники английского уголовного права, судебная система Англии.*

Правовая система каждого государства, понимаемая в широком смысле, включает помимо нормативной стороны, состоящей из юридических норм, институтов, отраслей права, организационную сторону и правовую культуру. В узком значении

правовая система государства – это система внутреннего национального права.

В настоящее время каждое государство имеет свою правовую систему, которая характеризуется как общими с правовыми системами других стран чертами, так и специфическими особенностями. В некоторых государствах одновременно функционирует несколько конкурирующих правовых систем.

Некоторые общие черты, присущие правовым системам отдельных государств, позволяют объединить их в определенные группы, которые получили название систем уголовного права, или правовых семей. Критериями группировки выступают принципы права, способы выражения и закрепления правовых норм, способы их толкования. Система права – это более или менее целостное множество национальных правовых систем, для которых свойственны близость происхождения, источников, основных понятий и институтов, приемов юридической техники и способов толкования [1].

В теории к основным системам уголовного права относят: 1) романо-германскую (континентальную) и 2) англосаксонскую (неконтинентальную). Помимо названных выделяют также систему религиозного права.

Англосаксонская (или неконтинентальная) система представляет собой систему, основанную на так называемом общем праве (Common Law), или праве судебных прецедентов.

В настоящее время она включает национальные системы практически всех, за некоторым исключением, англоязычных стран. Общее право оказало большое влияние на развитие уголовного права США, Индии, Пакистана, ряда стран Африки.

Становление и развитие англосаксонского права связано со множеством исторических, географических, национальных, политических, экономических и других факторов. С исторической точки зрения, эпохальным для Англии и англосаксонского права является период нормандского завоевания. До этого времени в стране действовали разрозненные местные акты, приказы королей, регулирующие отдельные вопросы общественной жизни. Римляне, правившие в Британии почти пять столетий, не смогли оказать определяющего воздействия на ее дальнейшее правовое развитие. Римское право не прижилось и вскоре было вытеснено местными нормами.

Английское право развивалось автономно от права конти-

нентальной Европы, рецепция римского права его не затронула. Судебная практика выработала собственные правовые категории, не известные правовым системам континентальной Европы. К таким категориям относятся понятие «явного действия» как основания уголовной ответственности, конструкция «разумного человека», используемая при решении многих коллизионных вопросов, понятие «ближайшего шага», помогающее отграничить ненаказуемое приготовление к преступлению от наказуемого покушения на преступление, понятие «непреодолимого импульса», посредством которого нередко определяется невменяемость [3].

Общее для всей Англии право возникает после ее захвата Вильгельмом I Завоевателем (1066 г.). В этот период формируется централизованная судебная система, появляются (в период правления Генриха II) королевские разъездные судьи, которые решают дела с выездом на места от имени Короны. Первоначально группа дел, относимых к ведению этих судей, была ограничена, но постепенно она расширялась. Выработываемые судьями решения брались за основу другими судебными инстанциями при рассмотрении аналогичных дел. В решении судебных споров принимали участие присяжные – свободные граждане из числа местных жителей, которые чаще всего не знали прецедентов и актов королей, но знали свои обычаи и традиции. Воздействие обычных норм существенно сказывалось на содержании выносимых судебных решений. В этом смысле общее право Англии – обычное, традиционное право.

В XII-XIV вв. система общего права достигла расцвета, но постепенно, с возрастанием числа прецедентов в ней стала обнаруживаться тенденция к консерватизму и формализации, что к XV в. подготовило почву для качественно нового этапа ее развития, связанного с появлением «права справедливости» и его противостоянием общему праву. Нарождающиеся рыночные отношения не находили должного выражения в старых правовых формах, и постепенно стал складываться особый порядок апелляции к монарху рассмотреть дело «по совести», «по справедливости», а не по прецедентам. Такая апелляция обычно осуществлялась через лорда-канцлера, который решал вопрос о передаче жалобы королю. Вскоре сама функция разбирательства дела по существу переходит к лорду-канцлеру, и он становится самостоятельным судьей.

В Англии, таким образом, сложились две самостоятельные системы права: общего прецедентного и «права справедливости». Последнее постепенно претерпело существенные изменения. Оно стало реализовываться на основе ранее рассмотренных казусов, а, следовательно, лорд-канцлер лишился возможности по собственному усмотрению, по своему чувству справедливости решать спор при наличии готовых решений по аналогичным делам. Право справедливости тоже стало правом прецедентным, различия между двумя системами оказались непринципиальными, хотя до 1875 г. сохранялся суд канцлера, руководствовавшийся только правом справедливости. После 1875 г. нормы общего права и права справедливости стали применяться одними и теми же судьями, и прецеденты права справедливости составили органическую часть одного прецедентного права Англии.

Изучение источников английского права представляет особый интерес, поскольку Англия – это родоначальник общего права, в той или иной форме заимствованного многими странами. Этот интерес определяется также и тем, что английское право имеет ряд специфических особенностей, которые существенно отличают его от правовых систем континентальных европейских стран.

Английское уголовное право возникло как прецедентное право: королевские суды, рассматривая дела и вынося приговоры, создавали нормы, которые впоследствии и легли в основу английского уголовного права. Так, судьи Суда Королевской скамьи, заседавшие в судах в Вестминстере и разъездных судах графств, рассматривая дела и вынося приговоры, выработали в XII-XIII вв. правила об ответственности за наиболее тяжкие преступления – фелонии, а в XIV в. – за менее тяжкие преступления – мисдиминоры. Позднее определенную роль в формировании уголовного права сыграл Суд Звездной палаты, который, рассматривая конкретные дела, положил, например, начало современной доктрине покушения.

К концу XIII в. записи судебных споров и решений по ним получили распространение среди судей и членов возникшей в то время корпорации правозаступников. Первые записи такого рода, получившие название «Ежегодники», были рукописными, а затем, с изобретением книгопечатания, – печатными. Эти тома содержали краткие сообщения об обстоятельствах дела,

имена тяжущихся, судей, барристеров, краткое изложение их доводов и решений судей.

В настоящее время судебные прецеденты регулярно публикуются в специальных изданиях, среди которых наиболее известными и авторитетными являются все английские судебные отчеты («ALL England Reports»), публикуемые еженедельно, а также «The Criminal Appeal Reports», в которых публикуются решения по уголовным делам.

С течением времени в системе источников английского уголовного права по сравнению с общим правом возрастает роль статутів. Особенно усиливается их влияние со второй половины XIX в. Попытки кодифицировать уголовное право Англии и Уэльса имеют давнюю историю. Первые попытки такого рода были предприняты уполномоченными по вопросам уголовного права в 1833-1849 гг. Ими было подготовлено два законопроекта, посвященные преступлениям против личности и краже.

Следующие попытки предпринимались в 1878-1880 гг., результатом этой работы было создание целого ряда законопроектов. С 1980 г. серьезные работы по созданию проекта УК велись Подкомитетом по уголовному праву Общества государственных преподавателей права. Начиная с 1981 г., в Англии в рамках специальной Правовой комиссии развернулась работа над очередным проектом уголовного кодекса для Англии и Уэльса, который в 1984 г. был представлен на обсуждение специалистов, а в 1989 г. после доработки был направлен лорд-канцлеру. Но его ближайшее принятие специалистами не прогнозируется.

Результатом работы комиссий по подготовке уголовного кодекса явилось издание в Англии в разные годы большого числа уголовных законов, часть которых полностью состояла из материальных норм, а другая часть включала также и процессуальные нормы. Эти законы являли собой своеобразные кодексы, охватившие определенные области уголовного права. Что касается развития статутного права на современном этапе, то обращает на себя внимание огромная законопроектная работа, осуществленная Комиссией по реформе права, учрежденной в 1965 г. Эта комиссия подготовила проекты многих законов по различным отраслям права. Помимо этой комиссии разработкой законопроектов занимаются специальные королевские комиссии и Комитет по пересмотру уголовного законодательства, созданный еще до Второй мировой войны.

Развитие уголовного законодательства в Англии с конца 60-х гг., в первую очередь, шло по пути издания законов, регулирующих Особенную часть уголовного права. Законы, в которых затронуты тем или иным образом вопросы Общей части, начинают издаваться с середины 70-х гг. К ним относятся законы об уголовном праве 1967 г. и 1977 г., Закон об уголовно наказуемом покушении 1981 г., Закон о преступлении (наказании) 1997 г. и др. [2].

В Англии не существует уголовного кодекса. Это является специфической особенностью уголовного права Англии, вытекающей из всего хода исторического развития английского права. Можно сказать, что судебная практика является наиболее древним источником английского права.

Современное уголовное право Англии (как и право в целом) имеет два основных источника – статуты (парламентские акты, объединяющие некодифицированное уголовное законодательство) и подчиненные этим актам судебные прецеденты, формулирующие правила, по которым в последующем решаются конкретные уголовные дела.

Сегодня ответственность за некоторые преступления устанавливается по общему праву. Это значит, что их определение можно найти не в парламентском акте, а в решениях судей. В данном случае речь идет не только об определении преступления как такового, но и о наказании, которое должно быть назначено виновному.

Некоторые статуты устанавливают наказание за преступления по общему праву. Например, тяжкое и простое убийства являются преступлениями по общему праву. Определения этих преступлений нельзя встретить ни в одном статуте, однако наказания за них предусмотрены в Законе о преступлениях против личности 1861 г. и других законодательных актах.

Некоторые отрасли английского права, в том числе и уголовное право, в значительной степени основаны на решениях судей, чьи выводы публиковались в судебных отчетах на протяжении семи столетий. В настоящее время вся английская система прецедентов сводится к следующему: каждый суд, разрешая уголовное дело, по существу, обязан следовать решению более высокого в иерархии суда, а апелляционные суды связаны своими предыдущими решениями. Исключение составляет Палата лордов, которая, начиная с 1966 г., считает вправе из-

менить практику, отступив от прежнего решения, когда сочтет это необходимым. Действие доктрины прецедента зависит от иерархии судов. Вышестоящий суд может отвергнуть решение нижестоящего суда и, в некоторых случаях, свои предыдущие решения. Кроме того, любая правовая норма, в том числе и прецедент, может быть изменена парламентским актом.

Каждое решение суда состоит из следующих частей:

- 1) изложение фактических обстоятельств дела;
- 2) формулирование принципов и отдельных норм общего права, а равно и судебное толкование норм статутного права применительно к правовым проблемам, возникшим из конкретных обстоятельств данного дела;
- 3) резолютивная часть, где определяется мера наказания.

Современная структура судебной системы Англии включает Палату лордов и Верховный суд [4].

Палата лордов – имеет в основном апелляционную юрисдикцию.

Верховный суд, в состав которого входят: Высокий Суд короны и Апелляционный суд. Высокий Суд короны включает три отделения: королевской скамьи (состоит из Суда адмиралтейства и Коммерческого суда), канцелярское, семейное.

Жалобы на решения Высокого Суда подаются в Апелляционный суд. Дела рассматриваются коллегией в составе трех судей. Одна из коллегий суда занимается лишь уголовными делами, это уголовное отделение Апелляционного суда. Решения отделения обязательны для всех нижестоящих судов. Апелляционный суд также сформулировал принцип, согласно которому он может не следовать своим собственным решениям, принятым ранее. Решения Апелляционного суда могут быть обжалованы в Апелляционный комитет Палаты лордов. Такое обжалование носит исключительный характер: Палата лордов выносит не более 30-40 решений в год. Дела рассматриваются минимум тремя лордами по апелляции. Каждый отдельно высказывает свое мнение по делу.

Суд короны – новое образование, созданное Актами о суде 1971 г. Он рассматривает уголовные дела. Его состав многообразен. В зависимости от вида преступления дело может рассматривать либо судья Высокого суда, либо окружной судья, либо рикордер. Если обвиняемый не признает себя виновным, в рассмотрении дела участвует жюри присяжных.

Помимо Высоких судов в Англии действуют разнообразные нижестоящие инстанции (суды графств и магистратские суды), которые рассматривают около 90% всех дел. Малозначительные уголовные дела подлежат ведению магистратов – простых граждан, на которых возложена роль мировых судей, это непрофессиональные юристы, вознаграждения они не получают. Решения этих судов не являются прецедентами, для них обязательны решения всех вышестоящих судов.

Вышестоящий суд может отвергнуть решение нижестоящего суда и, в некоторых случаях, свое предыдущее решение. Кроме того, любая правовая норма, в том числе прецедент, может быть изменена парламентским актом. Помимо судов общей юрисдикции имеются суды и специальной юрисдикции: военные, церковные, суды по рассмотрению жалоб на ограничение свободы и др. Существует система административной юрисдикции: это около 3 тыс. административных трибуналов, которые создаются по роду деятельности министерствами (промышленные, земельные, пособий, здравоохранения, иммиграционные и др.); апелляционные трибуналы в министерствах и Совет трибуналов в Верховном суде.

Хотя в современном уголовном праве доктринальные труды известных юристов прошлого и не являются источниками права в прямом смысле этого слова, их авторитет по-прежнему очень высок. Можно говорить о двух видах руководящей правовой литературы. К первому относятся старинные руководства, которые используются в качестве первичного источника общего права. Второй вид – это современные учебные руководства, которые не являются собранием обязательных норм, хотя их часто цитируют, а их авторы пользуются уважением.

Прецедент в настоящее время подчинен законодательству и обычно рассматривается не только и не столько как «рождение» новой правовой нормы, но как своего рода конкретизация применяемой судом правовой нормы. В 1972 г. Палата лордов, как Высшая судебная инстанция в Англии, приняла решение о том, что суды не должны более определять конкретные виды преступлений, поскольку это является прерогативой парламента. Однако прецедент по-прежнему закрепляет основные принципы уголовного права, восполняет пробелы уголовного законодательства, дает толкование законодательных норм.

Возникнув как общее право (право судебных прецедентов), уголовное право впоследствии стало дополняться или заменяться статутным правом (в качестве примера можно назвать старейший из действующих Закон о государственной измене 1351 г.), которое интенсивно развивается и сейчас, охватывая в настоящее время почти все основные институты Общей части. Статуты существенно развивают и Особенную часть, формулируя юридические признаки большинства составов преступления.

Среди законов, регулирующих положения Общей части уголовного права, следует, в первую очередь, назвать такие, как Закон об уголовном праве 1967 г., определивший новую классификацию преступлений; Закон об уголовном праве 1977 г., определивший, например, ответственность за сговор; Закон о преступном покушении 1981 г., существенно изменивший ответственность за предварительную преступную деятельность; Закон о компетенции судов 1973 г., регулирующий многие вопросы назначения наказаний; Закон об исправлении правонарушителей 1974 г. и некоторые другие. В последние десятилетия было принято много законов, определяющих ответственность за отдельные преступления.

Наряду с современными уголовными законами в Англии действуют и очень древние законы, а также средневековые акты, предусматривающие ответственность за преступления против общественного порядка и порядка отправления правосудия. Закон о ревизии норм статутного права 1948 г. относил серию законов о богохульстве 1547, 1558 и 1697 гг. к числу действующих актов. Архаичность источников уголовного права была исторически обусловлена и сознательно сохраняется сегодня. Следует отметить, что очень часто нормы материального уголовного права содержатся в законах уголовно-процессуального характера. Сюда относится Закон о компетенции уголовных судов 1973 г., Закон о магистратских судах 1980 г., законы об уголовной юстиции 1982 г. и 1991 г., Закон о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 г., Закон о полиции 1997 г. и другие акты. Практически нет ни одного законодательного акта, который содержал бы одни материальные или процессуальные нормы: независимо от названия закона он содержит те и другие. Официально законодательные акты публикуются Королевским издательством в виде издания

отдельных актов либо в виде ежегодного собрания парламентских актов [5].

Таким образом, английское уголовное право характеризуется чрезвычайным обилием и запутанностью источников, достигшими такого предела, что даже специалистам трудно ориентироваться в правовом лабиринте: в Англии насчитывается более 300 тыс. записанных судебных решений, около 42 томов парламентских актов в их наиболее компактном издании и около 100 томов делегированного законодательства подзаконных актов.

Прецедентные нормы представляют собой казусы, которым присущи свои структура и особое содержание. И связь этих первоначальных элементов (микроклеток) англосаксонского права в силу некоторых обстоятельств имеет часто не логический, рациональный, а традиционно-исторический характер. Так, естественно-эволюционным путем в сферу действия права справедливости попали споры о недвижимости, отношения доверительной собственности, дела о торговых товариществах, о банкротстве, наследовании. К предмету общего права отошли уголовно-правовые дела, договорное право, институты гражданско-правовой ответственности и некоторые другие. Однако жесткого водораздела здесь нет, и в настоящее время отдельные понятия, институты перекочевывают из одной сферы в другую либо являются общими для обеих, что связано прежде всего с применением прецедентов общего права и прецедентов права справедливости одними и теми же судьями, которые заинтересованы в их сближении и унификации их понятий.

Помимо статутов источниками уголовного права Англии являются подзаконные акты, издаваемые различными правительственными органами в порядке поручения, данного парламентом (делегированное законодательство). Преимущество такого законодательства состоит в том, что оно дает возможность быстро принимать и изменять постановления без их утверждения парламентом. Причем имеет место фактическое и юридическое приравнивание правительственных актов к парламентским. Разница между законом и правительственным актом для юриспруденции несущественна, поскольку и тот и другой устанавливают общее одинаково обязательное правило. В случае же противоречия в толковании акта исполнительной власти, изданного на основе делегированных полномочий, и статьи зако-

на необходимо действовать таким образом, как будто речь идет о противоречии между двумя статьями закона.

Вместе с тем делегированное законодательство имеет силу только тогда, когда издано в рамках полномочий, предоставленных парламентом. Если же оно является *ultra vires* (т. е. выходит за рамки полномочий), то признается недействительным.

Одной из форм делегированного законодательства является «приказ в Совете», которым нередко вводятся в действие законы. Фактически «приказ в Совете» издается правительством и просто санкционируется Тайным Советом. «Приказы в Совете» и другие делегированные акты публикуются Издательством Ее Величества в сборнике *Statutory Instruments*.

Определенной спецификой в английском уголовном праве обладает решение проблемы субъективной стороны преступления. Она, по общему правилу, возможна как умышленная, так и неосторожная. Однако, признавая в целом необходимость установления вины (*mens rea*) для уголовной ответственности в виде намерения (*intent*), неосторожности (*recklessness*) и небрежности (*negligence*), многие статьи предусматривают так называемую «строгую ответственность», когда для уголовной ответственности достаточно установить сам факт совершения обвиняемым запрещенного деяния (без необходимости установления вины). Такая «строгая ответственность» установлена, например, за нарушение правил торговли спиртными напитками, фальсификацию продуктов питания. Порядок привлечения к ответственности регламентируется в этих случаях специальными законами о наступлении строгой ответственности.

В английском уголовном праве отсутствуют нормы о понятии и целях наказания. В доктринальных источниках наказание определяется как властное причинение страдания лицу за совершенное им преступление. Разрабатывается три основных теории наказания: возмездие, устрашение, исправление преступника. Отсутствует деление наказаний на основные и дополнительные. Санкции бывают абсолютно определенными (смертная казнь, пожизненное лишение свободы) и относительно определенными (тюремное заключение от одного дня до 25 лет) – назначается только верхний предел наказания. За умышленное убийство установлено безальтернативное наказание – только пожизненное лишение свободы. Система наказаний включает в себя в качестве основных лишение свободы,

пробацию и штраф. Вспомогательными наказаниями являются конфискация, лишение прав на вождение автомобиля, на занятие определенной деятельностью и выполнение работы в общественных интересах в пределах от 40 до 240 часов. Штраф назначается как самостоятельная мера наказания, так и вместе с лишением свободы. Конфискация применяется в основном специальная: орудий и средств совершения преступлений, преступно нажитого имущества.

Смертная казнь в Англии за убийство в 1965 г. была отменена временно (на 5 лет), а в 1970 г. – постоянно. Однако формально не были отменены статуты, предусматривающие смертную казнь за государственную измену (закон 1351 г.) и пиратство (закон 1837 г.). Законом о преступлении и ином нарушении порядка 1998 г. смертная казнь за пиратство заменена на пожизненное тюремное заключение.

Пробация (испытание) – наиболее распространенная форма условного осуждения по английскому уголовному праву. Оставление на свободе осужденного сопряжено с наложением на осужденного ряда ограничивающих требований, установленных в приговоре суда (по поводу посещения определенных мест, контакта с определенными лицами и т. д.). Одновременно устанавливается надзор за условно осужденным, осуществляемый специальным чиновником. Срок probation – от шести до тридцати шести месяцев. Нарушение условий probation влечет штраф, выполнение неоплачиваемых общественных работ и др.

Наиболее распространенной мерой наказания в Англии является штраф. В среднем штраф назначается за каждое третье преступление, а по делам, рассматриваемым в упрощенном порядке (суммарное), – почти в 90% случаях. Общий размер штрафа законом не ограничивается. Суд устанавливает срок уплаты штрафа и определяет срок лишения свободы до 12 мес., если осужденный не уплатит штраф в этот срок.

В Англии возможно условное и безусловное освобождение от отбывания лишения свободы. Безусловное освобождение возможно только в случаях осуждения к тюремному заключению на определенный срок при условии отбытия не менее 2/3 назначенного судом срока и хорошего поведения осужденного. Для условно досрочного освобождения требуется отбытие не менее 1/3 срока, но не менее 12 мес. при наличии заключения администрации пенитенциарного учреждения о возможности

осужденного вести правильную жизнь вне тюрьмы. За этими лицами устанавливается надзор на срок условного освобождения, который осуществляет служба пробации. Решение об условно досрочном освобождении может пересмотреть министр внутренних дел по ходатайству службы пробации и водворить освобожденного в тюрьму для отбытия всего наказания.

В 1967 г. английский законодатель отказался от традиционного для уголовного права Англии (установленного еще судьями Суда Королевской скамьи в XII-XIV вв.) деления преступлений на фелонии (наиболее тяжкие преступления, каравшиеся смертной казнью) и мисдиминоры (менее тяжкие преступления) ввиду архаичности и явной устарелости такого различия. Новая классификация предполагает деление преступлений на «арестные» и «неарестные». К «арестным» относятся преступления, за которые установлено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет (в отношении их предусматриваются особые правила производства ареста подозреваемых, от чего они и получили свое название). К «неарестным» отнесены преступления, объединенные по критерию установления за их совершение менее строгих наказаний.

Большое практическое значение имеет и классификация преступлений, проводимая по процессуальным (процедурным) основаниям. В соответствии с ней все преступления делятся на преследуемые по обвинительному акту, суммарные и смешанной юрисдикции. Первые рассматриваются судом присяжных. Вторые – в упрощенном порядке (т. е. единолично судьей). Третьи могут по усмотрению обвиняемого рассматриваться и как преследуемые по обвинительному акту, и в упрощенном порядке.

В настоящее время уголовное право Англии насчитывает около 7200 «составов» преступлений, которые закреплены в различных нормативных актах: преступления против жизни – в Законе об убийствах 1957 г. и Законе о детоубийстве 1938 г.; против здоровья – в Законе о преступлениях против личности 1861 г.; посягательство на собственность – в Законе о краже 1968 и 1978 гг. и в Законе о преступном причинении вреда имуществу 1971 г. и др.

В теории права все преступные деяния разделены на три группы: публичного характера; против личности; против собственности. Преступления против жизни и здоровья считаются

наиболее опасными посягательствами на жизнь. Выделяется три основных вида причинения смерти: тяжкое убийство, простое убийство и детоубийство. Уголовное право исходит из конструкции тяжкого убийства, особенность которого – наличие «злого умысла», т. е. намерение причинить либо смерть, либо тяжкий телесный вред другому человеку или предвидение такой возможности и безразличное отношение к этому. Простое убийство – всякое противоправное лишение жизни другого человека, если оно не относится к разряду тяжкого убийства. Подразделяется на умышленное, неосторожное, причинение смерти по небрежности.

Уголовное право Англии исходит из того, что лицо, совершающее незаконные действия, должно отвечать за любые их последствия, даже если оно не предвидело и не могло предвидеть их наступления.

Основным видом преступления против здоровья является «простое нападение», которое иногда объединяется с побоями и выражается в том, что у потерпевшего возникают опасения о возможности применения к нему силы. Если нападавший применяет насилие – это единое преступление «нападение и побори». Посягательства на телесную неприкосновенность, связанные с нарушением общественного порядка, половыми и другими преступлениями (ранение, причинение серьезного телесного вреда, дача яда, взрыв и другие опасные действия), рассматриваются как «тяжкое нападение».

В группе преступлений против собственности ключевым является понятие «кража»: лицо виновно в краже, если оно бесчестно присваивает имущество, принадлежавшее другому, с намерением навсегда лишиться его этого имущества. На базе этого понятия конструируются другие составы: кража, совершенная с применением физического или психического насилия – ограбление; берглэри – лицо входит в строение, обитаемое помещение, нарушая его неприкосновенность с целью совершения там любого преступления; получение чужого имущества или услуг путем введения в заблуждение; вымогательство – необоснованное требование, извлечение выгоды [6].

Современный период развития англосаксонского права – период кардинальной правовой реформы, суть которой состоит в активизации законодательной деятельности, унификации

искового производства, слиянии судов общего права и права справедливости. В данный период существенно повысилась роль законодательного регулирования, возросло значение закона среди других источников права. Законодательное «наступление» привело к модификации структуры и содержания права, а также самого юридического мышления, правовой доктрины и образования. Если раньше английские юристы обучались главным образом на практике, то в настоящее время приоритет получило университетское образование. При выработке законопроектов учитывается опыт зарубежных стран, в том числе относящихся к романо-германской семье права, идут заимствование и унификация других правовых ценностей. Таким образом, наблюдается постепенное сближение названных правовых систем.

Следует отметить, что сближение англосаксонской и континентальной правовых семей носит объективный характер, ибо они являются составными частями единой Западной цивилизации [7]. И различия между ними носят в большей степени формально-юридический характер, что обусловлено определенными историческими особенностями. Система континентального права – это система относительно рациональная и логичная, так как она создана, если говорить об основополагающих правовых нормах, трудами ученых-юристов и законодателей, базирующихся на римском праве. Англия осталась в стороне от использования римского права и юриспруденции, создав свою собственную правовую культуру. Право англосаксонской семьи появилось в результате судебных процедур без существенных забот о логике. Оно всегда было и во многом остается результатом состязательного правосудия. В последнее столетие наука попыталась внести некоторую рационализацию в англосаксонское право. Но, несмотря на значительный прогресс, основополагающие его понятия, к которым все привыкли с давних пор, сохранились.

Примечания:

1. Аистова, Л.С. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие / Л.С. Аистова, Д.Ю. Краев. [Электронный ресурс]. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2013.

---

133 с. // <http://www.iprbookshop.ru/65540.html> (дата обращения: 24.10.2019 г.).

2. Голованова Н. А. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник / Н. А. Голованова, В. Н. Еремин, М. А. Игнатова; под ред. И. Д. Козочкина. [Электронный ресурс]. М.: Волтерс Клувер, 2010. 1056 с. // <http://www.iprbookshop.ru/16807.html> (дата обращения: 24.10.2019 г.).

3. Кузнецова Н. Ф., Тяжкова И. М. Курс уголовного права в пяти томах. Том 1. Общая часть: Учение о преступлении. [Электронный ресурс]. М., 2002 // <https://jurisprudence.club/ugolovnoe-pravo-uchebnik/sovremennyye-sistemyi-ugolovnogo.html> (дата обращения: 24.10.2019 г.).

4. Лукьянова Е. Г. Глобализация и правовая система России (основные направления развития). М.: Норма, 2006. С. 36.

5. Марченко М. Н. Источники права: Учеб, пособие. М., 2008. С. 508.

6. Мелешко Н. П., Тарло Е. Г.. Уголовно-правовые системы России и зарубежных стран (криминологические проблемы сравнительного правоведения, теории, законодательной и правоприменительной практики). [Электронный ресурс]. Москва, 2003. // <https://sci.house/pravo-rossii-ugolovnoe-scibook/anglosaksonskaya-ugolovno-pravovaya-sistema-31976.html> (дата обращения: 23.09.2019 г.).

7. Наумов Л. В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспективы в XXI в. // Государство и право. 1998. № 6.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ УБИЙСТВ

Статья посвящена анализу проблем объективных признаков убийства, а также проблем определения и понятия убийства. Рассматриваются изменения российского и зарубежного законодательства в части усиления ответственности за совершение убийств. Несмотря на то обстоятельство, что тема убийств всегда оставалась под пристальным вниманием как теоретиков уголовного права, так и правоприменителей, на практике до сих пор допускаются ошибки при квалификации указанного вида преступления. В связи с этим, для надлежащей правовой оценки содеянного и назначения виновному наказания, отвечающего принципам законности и справедливости, правоприменитель должен в каждом случае четко установить форму вины преступника, выяснить его мотивы, цель и способ причинения смерти.

Ключевые слова: *убийство, разбой, квалификация убийства, объект убийства, объективные признаки.*

В истории российского уголовного законодательства, к убийству относились посягательства на жизнь других людей, совершенные различными способами, причем как умышленные, так и неумышленные. Но современное российское уголовное законодательство исходит из более узкой трактовки понятия убийства, понимая под этим лишь умышленное причинение смерти другому человеку. Увеличение процента раскрываемости убийств, а также обеспечение неотвратимости наказания виновного лица, создает со стороны государства условия для реализации гражданами своего права на жизнь, которое возведено в ранг конституционного положения. Нераскрытое убийство потенциально способствует росту рецидива, создавая в сознании преступника иллюзию безнаказанности, чем побуждает его совершать новые преступления.

Убийство, то есть противоправное и умышленное лишение жизни другого человека, отнесено законодателем к категории особо тяжких преступлений, за совершение которого предусмотрена уголовная ответственность по ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ) [1].

В ч. 1 ст. 105 УК РФ на законодательном уровне раскрыто понятие «убийство» – умышленное причинение смерти другому лицу. Указанное определение по большей мере сходится с концепцией убийства, разработанной теорией уголовного права. Разница состоит в том, что, согласно более раннему мнению об убийстве, этим термином определялось как умышленное, так и по неосторожности причинение смерти иному лицу. Однако с течением времени в определении рассматриваемого деяния осталось указание лишь на умышленное лишение жизни [5]. Такого деяния, как убийство, совершенное по неосторожности, действующий УК РФ не содержит. В судебной медицине убийство принято рассматривать как один из видов насильственной смерти.

В ранее действующих российских законах, в частности в ст. 147 Уголовного кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР) 1922 г., в ст. 139 УК РСФСР 1926 г., в ст. 106 УК РСФСР 1960 г., а также в законодательствах других стран, под убийством понимается, в том числе, и неосторожное причинение смерти, например: ст. 80 Уголовного кодекса Австрии – «Неосторожное убийство», ст. 81 Уголовного кодекса Австрии – «Неосторожное убийство при особо опасных обстоятельствах», ст. 163 Особенной части Уголовного кодекса Республики Сан-Марино – «Неумышленное лишение жизни», ст. 267 Уголовного кодекса Республики Корея – «Смерть по небрежности», ст. 268 Уголовного кодекса Республики Корея – «Смерть или причинение физического вреда по профессиональной или персональной небрежности» [3, 4].

Из примененного законодателем в действующем УК РФ определения убийства следует два вывода. Во-первых, убийством является причинение другому человеку смерти при условии наличия вины исключительно в форме умысла. Во-вторых, убийством не считается самоубийство, так как объект уголовно-правовой охраны в случае убийства – это жизнь другого человека. Однако краткость формулировки законодателя, изложенная в ч. 1 ст. 105 УК РФ, в итоге привела к тому, что из определения убийства «выпал» признак противоправности деяния и некоторые другие признаки, присущие объекту данного посягательства.

По нашему мнению, отсутствие признака противоправности лишает правоприменителя возможности разграничить убийство с правомерными случаями лишения других людей жизни,

например: применение необходимой обороны, задержание лица, совершившего преступление, исполнение смертной казни. В перечисленных ситуациях также умышленно причиняется смерть другим людям, однако убийствами данные действия не являются, поскольку в них нет противоправности. Кроме того, отсутствие признаков, присущих объекту посягательства, может вызвать затруднения в отграничении классических видов убийств от их нетипичных аналогов, например, в случае умышленного причинения смерти при действиях виновного, направленных на причинение иного вреда.

Таким образом, считаю целесообразным ввести в научный оборот определение убийства, которое, не противореча законодательному определению, дополнит его упущенными деталями и конкретикой, чем поможет в решении имеющихся проблем, связанных с квалификацией насильственных посягательств на жизнь людей. На сегодняшний день в теории уголовного права выработано значительное количество определений убийства, в каждом из них содержатся единые, общие определяющие категории.

Основным объектом убийства являются общественные отношения, возникшие по причине совершения виновным лицом преступного посягательства на жизнь человека. В связи с этим рассматриваемое преступление является особенно социально опасным. В отличие от объектов иных преступлений, в случае совершения убийства восстановление нарушенного права является невозможным. Последствия указанного преступления являются необратимыми.

Объективная сторона убийства выражается в насильственном лишении другого человека жизни. Следовательно, составы всех видов убийств являются материальными.

Анализ объективной стороны рассматриваемого вида преступления целесообразно начать с выявления признаков, которые его характеризуют. В силу того обстоятельства, что убийство является материальным преступлением, ему присущи обязательные и взаимосвязанные характеристики: общественно опасное деяние; общественно опасные последствия; прямая причинно-следственная связь между первой и второй характеристиками.

Первоначальным признаком объективной стороны любого преступления всегда является общественно опасное де-

яние. Указанное деяние, в свою очередь, может быть реализовано как путем активного действия, так и бездействия. Под действием подразумевается какое-либо активное поведение субъекта, механические манипуляции, в результате которых наступили определенные последствия. Подавляющее большинство убийств совершаются посредством действия, которое нарушает функционирование либо анатомическую целостность органов человека, и в результате нанесенных травм наступает смерть жертвы.

Необходимо отметить, что лишить жертву жизни возможно не только путем непосредственного воздействия на ее организм, совершаемые преступником действия могут спровоцировать другие силы, которые в будущем могут привести к гибели жертвы. Однако вероятные способы действий преступника можно сгруппировать по различным способам воздействия на жизнь жертвы. Во-первых, лишение жизни может быть достигнуто путем применения лишь физической, мышечной силы виновного, без применения каких-либо вспомогательных инструментов (например, сильное избиение или удушение). Во-вторых, вместе со своей физической силой преступник может воздействовать на свою жертву также с помощью какого-либо вспомогательного инвентаря (например, нанесение ударов арматурой либо ножом). В-третьих, убийство может быть совершено при помощи других сил. Даже в случае, если преступник не обладает большой физической силой, имеющейся вполне может хватить для воздействия на иную силу, уже способную убить человека (например, привести в действие огнестрельное оружие). В-четвертых, убийство может быть совершено вообще без применения какой-либо физической или механической силы, а лишь при помощи умственной деятельности преступника, которая, в свою очередь, может быть абсолютно различной [6].

Самый очевидный способ – это прямое психологическое воздействие на жертву, способное вызвать различные расстройства, сильный испуг, страх, которые могут повлечь за собой наступление смерти. Данный способ наиболее эффективен в случае его применения к людям с сердечными заболеваниями. К психологическому воздействию также можно отнести деятельность лица, направленную на подговор другого человека совершить убийство. Указанные случаи являются посредствен-

ным причинением. Лицо, задумавшее и реализовавшее таким способом свой преступный умысел, несет уголовную ответственность.

Как уже было отмечено, умышленное лишение жизни может быть достигнуто также и при помощи бездействия. То есть виновный не совершает никаких телодвижений с целью совершить убийство, его мышечная сила находится в состоянии покоя. Таким образом, противоправное лишение жизни при помощи бездействия по своей сути является осознанным, умышленным и целенаправленным несовершенным виновным лицом каких-либо действий, совершив которые жертва осталась бы жива.

Однако для установления факта преступного бездействия необходимо доказать, по какой причине обвиняемый должен был совершить действия, направленные на недопущение наступления смерти жертвы преступления, а также установить, была ли у него реальная возможность действовать требуемым образом. В то же время обязанность поступить в подобной ситуации определенным образом может следовать не только из предписаний нормативно-правовых актов, но также и из естественно сложившихся межличностных отношений. Так, например, законодательно не закреплено возложение на родителей обязанности по кормлению своих детей, однако в случае совершения матерью детоубийства путем лишения ребенка еды, очевидно, что она должна быть привлечена к уголовной ответственности за данное бездействие.

Согласно статистике, ежегодно значительная часть преступлений, посягающих на жизнь других людей, квалифицируются как покушение на убийство, что свидетельствует о том, что значительная часть убийств не доводятся до своего завершения [7]. Законодательное определение приготовления к преступлению приведено в ст. 30 УК РФ. Однако это определение охватывает довольно обширный спектр событий, без конкретизации действий виновных. С другой стороны, в рассматриваемом случае описательная формулировка является весьма удачной, поскольку невозможно заранее предугадать все вероятные способы подготовки к совершению преступного деяния.

Совершаемые виновным лицом действия можно квалифицировать как подготовку к совершению общественно опасного деяния только тогда, когда они направлены на создание условий для дальнейшей реализации преступного умысла. Дей-

ствиями, направленными на приготовление к убийству, чаще всего являются отыскание оружия будущего преступления, изучение местности, на которой планируется совершить преступление, организация условий, которые поспособствуют сокрытию следов преступного деяния, и т. д. На практике данные приготовительные действия крайне сложно отследить и обнаружить, кроме того, доказать, что выявленные события являются именно приготовлением к совершению убийства (в частности, приобретение в магазине топора), либо любого другого общественно опасного деяния, всегда весьма затруднительно. Однако приготовительные к убийству действия всегда должны влечь за собой уголовную ответственность лица, совершившего их.

Покушение на совершение преступного посягательства различается с приготовлением тем, что в первом случае виновное лицо фактически приводит в исполнение свой преступный план. Так, в частности, если приобретение оружия с целью противоправного причинения смерти намеченной жертве будет юридически оценено как приготовление к убийству, то ситуация, при которой субъект наведет прицел указанного оружия на человека или, тем более, выстрелит в него, но не убьет, будет расценена правоприменителями как покушение на совершение убийства [8].

У правоприменителей нередко возникают сложности при юридической оценке действий виновного, например, в ситуации, когда попытка лишить человека жизни выражена в нанесении жертве сильных побоев. В данном случае необходимо уметь четко отграничивать умышленное причинение вреда здоровью от покушения на преступление, предусмотренное ст. 105 УК РФ. Главным критерием, по которому отличают вышеприведенные общественно опасные деяния, является умысел преступника. Так, если преступный умысел заключался в попытке лишить жертву жизни, то такое деяние должно быть расценено правоприменителями как покушение на совершение убийства, хоть жертве был нанесен лишь вред здоровью [2].

Вторым обязательным признаком объективной стороны убийства является наличие общественно опасных последствий. Криминальным следствием является ущерб, который был нанесен объекту преступного посягательства. При убийстве указанное последствие выразится в наступлении смерти жертвы.

Последний неотъемлемый признак объективной стороны исследуемого преступного посягательства – причинно-следственная связь между действиями (бездействием) виновного и смертью жертвы. В теории уголовного права отсутствует дефиниция причинности, которая не зависела бы от аналогичной философской категории. В связи с этим можно сделать вывод о плотной взаимосвязи между наукой уголовного права и философией, поскольку вопрос определения причинности в уголовном праве решается путем применения положения, разработанного философами.

С точки зрения философии под причинностью понимается объективная, существующая вне зависимости от сознания человека, связь между создающим (причиной) и возникающим (последствием) явлениями. С точки зрения уголовного права, причина – это социально опасный противоправный акт, а следствие – наступивший по его итогам социально опасный результат [8]. С уверенностью говорить о наличии причинно-следственной связи возможно лишь когда противоправный акт виновного должен неизбежно повлечь наступление смерти жертвы, а также когда указанный акт по своей сути является причиной данной смерти.

Для квалификации содеянного как убийства не имеет решающего значения, сколько времени проходит от момента совершения посягательства до момента физической гибели жертвы: мгновенное наступление смерти (например, после ножевого ранения в сердце), или когда жертва погибла по прошествии какого-либо периода времени (например, в случае применения яда с отсроченным действием). Обязательным предварительным условием для правильного разрешения проблемы причинности является выяснение последовательности действий виновного и наступления общественно опасных последствий. С наступлением определенного негативного эффекта может иметь причинно-следственную связь только действие, предшествовавшее по моменту наступления негативному последствию. Вполне логично, что акт, реализованный после наступления какого-либо события, не может быть расценен как его причина. Для надлежащего установления объективной стороны преступления при квалификации деяний также рассматривают следующие признаки: способ совершения преступления, время и место его совершения.

Из указанного перечня квалифицирующее значение может иметь способ совершения преступного деяния. Так, например, в случае доказательства наличия особой жестокости при совершении действий, направленных на лишение жизни, или совершение убийства способом, влекущим за собой наступление явной угрозы жизням других людей, не являющихся основной целью преступления, содеянное будет расценено правоприменителями по п. п. «д» и «е» ст. 105 УК РФ без дополнительной квалификации деяния по другой норме УК РФ. Прочие перечисленные признаки не являются обязательными для квалификации содеянного, однако они могут быть учтены судом при решении вопроса о виде и размере наказания.

Исходя из изложенного, необходимо отметить, что стремление законодателя оптимизировать дефиницию убийства до изложенного в действующем УК РФ в итоге привело к тому, что из него «выпал» признак противоправности деяния. Отсутствие указанного признака лишает правоприменителя возможности разграничить противозаконное и правомерное причинение смерти, например: в результате вынужденной самообороны, задержания преступника или приведения в исполнение смертной казни.

Таким образом, полагаем, что является целесообразным ввести в научный оборот определение убийства, которое, не противореча законодательному определению, дополнит его упущенными деталями и конкретикой, чем поможет в решении имеющихся проблем, связанных с квалификацией насильственных посягательств на жизнь. Квалификация убийств является собой сопоставление, определение и юридическую фиксацию детального соответствия между имеющимися в материалах уголовного дела обстоятельствами совершенного деяния и признаками преступления, закрепленного в какой-либо норме Особенной части УК РФ.

Примечания:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по

делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

3. Бабичев А. Г. Преступления против жизни: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2019. 452 с.

4. Борзенков Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: учебно-практическое пособие. М.: ИКД «Зерцало-М», 2013. 256 с.

5. Борисов А. В. Генезис понятия «убийство» в отечественном законодательстве // Военное право. 2019. № 2. С. 235-239.

6. Гончаров Д. Ю. Квалификация убийств: научно-практическое пособие. М.: ИНФРА-М, 2020. 131 с.

7. Преступления против личности: учебное пособие для вузов / отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. М.: Издательство Юрайт, 2020. 118 с.

8. Сверчков В. В. Преступления против жизни и здоровья человека: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2020. 189 с.

А. З. Казиев, Л. Х. Караева

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЛАТЕНТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются проблемы квалификации латентных преступлений. Основное внимание уделяется анализу классификации латентной преступности, анализируются различные взгляды.

Ключевые слова: квалификация, преступность, латентная преступность, раскрываемость преступлений, зарегистрированная преступность, искусственная латентность, пограничная латентность.

Изучение латентной преступности – ключевая, системообразующая проблема, решение которой может вывести криминологические исследования на новый уровень.

Во-первых, в отдельных случаях цифры сами по себе могут быть весьма убедительны. Во-вторых, цифры, характеризующие латентную преступность, могут изменить представление не только о масштабах этого явления, но и о сущности преступ-

ности, а также о принципиальных аспектах взаимодействия социума и преступности.

Борьба с преступностью – сложный и многогранный процесс. Разработка мер противодействия криминальному феномену предполагает материальное, кадровое и научное обеспечение. При этом отправной точкой в этом деле является получение сведений об объекте воздействия. Если человек будет искать потерянную вещь не там, где он её обронил, а там, где светло, маловероятно, что ему удастся что-то найти. Точно так же, если при разработке мер борьбы с преступностью не будет приниматься во внимание «тёмная цифра», то далеко не вся преступность окажется объектом воздействия разработанных мер.

Успешное теоретическое и практическое решение таких важных криминологических проблем, как выявление причин и условий преступности, а также эффективное противодействие ей, возможно при наличии объективного учета всех совершенных в обществе преступлений. Однако, как показывает практика, за пределами официального статистического учета остается значительное количество фактически совершенных общественно опасных деяний, которые в основном составляют массив латентной (скрытой) преступности. По международным оценкам, объем скрытых преступлений определяется на уровне 60% всей преступности. У некоторых видов преступлений этот показатель колеблется в еще больших пределах. Подобное явление имеет место во всех странах мира, в том числе и в России [1].

Латентная преступность – совокупность предусмотренных уголовным законом деяний, которые по разным причинам не были приняты во внимание органами внутренних дел, прокуратурой, службой безопасности и судом. Общественная опасность латентной преступности заключается в том, что:

- вопросы борьбы с этим видом преступности не принимаются во внимание, не планируются, а потому не могут быть эффективными;
- уменьшает степень достоверности прогнозов преступности, затрудняет определение направлений борьбы с ней;
- чувство безнаказанности поощряет лиц, совершивших тяжкие преступления, стимулирует продолжать свою преступную деятельность, то есть способствует росту преступности, в частности, рецидивной;

- подрывает авторитет правоохранительных органов государства;
- уменьшает активность граждан в борьбе с преступностью;
- способствует росту социальной напряженности в обществе;
- если при раскрытых преступлениях причинение материального ущерба частично восстанавливается, то в случае скрытых – они не только не восстанавливаются, но нет даже процессуальных путей для этого;
- латентная преступность, поскольку она все же «замечается» окружающими, разрушает их моральные барьеры;
- под ее влиянием некоторые члены общества становятся на преступный путь;
- составляет ложное впечатление о фактических объемах преступности, ее уровне, структуре, динамике, величине и характере вреда, причиненного преступностью;
- мешает реализации принципа неотвратимости ответственности за совершенные преступления.

Квалифицируют преступления путем нахождения совпадений между нормой уголовного права и совершенного деяния. То есть можно выделить два элемента:

- 1) жизненная ситуация, которую нужно оценить с правовой стороны;
- 2) уголовно-правовые нормы, которые содержат модель преступного поведения [2].

Чтобы преступление было правильно определено, а соответственно, и наказание было назначено справедливое, его нужно соотнести с правильной классификацией. Квалификация преступлений – это установление юридического тождества между признаками содеянного и состава деяния, закрепленного в УК.

Основа квалификации преступлений может быть: логической, правовой, философской, психологической. Правильная квалификация преступлений зависит от правильного установления фактических обстоятельств дела, верного понимания сути уголовно-правовой нормы, определения юридической силы источника и пр. При этом данные процедуры неоднократно повторяются. При установлении тождества признаков происходит постоянное уточнение тех или иных обстоятельств.

Непосредственное установление конкретного состава пре-

ступления начинается только после окончания предварительной деятельности. Она выступает в качестве предпосылки для правильной квалификации.

Как считает С. И. Курганов, следует выделять 4 этапа квалификации латентных преступлений в уголовном праве:

1. Определение юридического значения субъективных и объективных признаков, которыми характеризуется содеянное и личность причастного к нему гражданина.

2. Выбор конкретной уголовно-правовой нормы, закрепляющей предполагаемый состав преступления, уяснение сути признаков, образующих его.

3. Установление соответствия признаков деяния и состава преступления.

4. Закрепление вывода в процессуальном акте [3].

По мнению А. И. Алексеева, включение в процесс предварительной деятельности является неоправданным. Она формирует только предпосылки для верной квалификации, однако сама по себе ею не является [4].

Когда установлено соответствие между ситуацией и правовыми нормами, то доходит дело до состава преступления. Так, для того чтобы найти состав преступления в незаконной охоте, необходимо указание места преступления (признак). В основном от этого признака и зависит, какое решение вынесут в результате рассмотрения дела. Квалификацией называют оценку уголовно-правового характера тех обстоятельств по делу, которые были зафиксированы. Если обстоятельства установили правильно, то и квалификация будет верной.

Именно правильное определение квалификации и состава преступления является большой ответственностью. Ведь именно правоприменитель имеет самые широкие полномочия для того, чтобы принять решение о том, как квалифицировать преступление. И ответственность за принятое решение несет правоприменитель.

И даже несмотря на то, что появилась юридическая основа квалификации преступлений, проще этот процесс не стал. Дело в том, что установить в действии признаки определенного состава преступления можно только через понятие, к какой классификации относится преступление. Последняя обосновывает точку зрения закона, которую принимают во внимание, и уже на ее основе человек привлекается к уголовной ответственности, к

нему могут быть применены принудительные меры, обвинение, определенный вид наказаний или исполнения наказаний [4].

Важный теоретический и практический интерес представляют вопросы научных основ классификации латентной преступности. Этот логический прием относительно латентных преступлений дает возможность представить в системном виде наиболее характерные особенности явления латентной преступности, определить эффективные пути выявления скрытых преступных посягательств, дифференцированно использовать формы и методы осуществления общих и индивидуальных профилактических мероприятий по снижению латентной преступности. Классификации строятся по различным основаниям (критериям). При этом возможно применение нескольких классификационных оснований. Классификация латентной преступности проводится в основном по двум критериям: по уровню латентности отдельных преступлений; по механизму их образования, то есть в зависимости от обстоятельств, в результате которых преступления остались латентными. По первым основаниям (критериям) выделяют преступления с высоким, средним и низким уровнем латентности.

Вообще наличие латентной преступности является одним из закономерных проявлений феномена преступности. Полностью ликвидировать латентную преступность можно только вместе с самой преступностью, если предположить, что это бы случилось.

В научной юридической литературе различают латентность трех видов: естественную, искусственную и пограничную.

Естественная латентность – это совокупность тех случаев, когда факт преступления был, но он не стал известным правоохранительным органам, представителям администрации предприятий, учреждений, отдельным гражданам. О преступном событии знают только виновный и его сообщники, которые, разумеется, не заинтересованы в разглашении сведений об этом. Например, несообщение пострадавших о преступлении [5].

Искусственная латентность – представляет большой массив преступлений, которые хотя и известны должностным лицам, но по разным причинам они не информируют о них правоохранительные органы, которые не ставят их на учет. Среди мотивов, побуждающих их к этому, можно назвать: стремление

скрыть преступление, потому что его обнаружение может нанести ущерб престижу организации или ее руководителям.

Пограничная латентность – факт преступления произошел, но пострадавшему не известно об этом, или факт его совершения не принимается или не осознается потерпевшим как преступление (например, пожар, карманные кражи).

Промежуточную категорию составляют так называемые полускрытые преступления, или «серая преступность», то есть деяния, зарегистрированные правоохранительными органами, но не раскрыты или такие, что раскрыты, однако подозреваемые освобождаются от ответственности за недостаточностью доказательств вины.

Предложенный вариант разделения, по мнению криминологов, не охватывает все возможные причины и механизмы латентизации преступлений. Кроме того, некоторые из предложенных групп, в частности предельная латентность, не имеют четких критериев выделения.

Поэтому ученые предлагают другой вариант разделения латентных преступлений в зависимости от причин и механизмов их латентизации. Он реализован в программе изучения причин латентности преступлений и разработки средств обеспечения борьбы с латентной преступностью. Все латентные преступления из названных оснований (причины и механизмы приобретения латентности) делятся на шесть основных групп.

1. Преступные проявления, которые по ряду причин (совершение по неосторожности, правовая некомпетентность и т. п.) ошибочно не воспринимаются как предусмотренные Уголовным кодексом РФ уголовно наказуемые деяния.

2. Преступления, о которых потерпевшие по разным причинам не сообщают компетентным органам.

3. Преступления, в которых нет персонифицированного потерпевшего субъекта, заинтересованного сообщать об их совершении (посягательство на государственные, общественные объекты и отношения).

4. Преступления, факт совершения которых известен ограниченному кругу лиц или только виновникам, однако из-за принятия ими специальных мероприятий по нераспространению сведений об упомянутых проявлениях, а также из-за незаинтересованности в этом потерпевших, сообщения о преступлениях не поступают в правоохранительные органы. Очень часто

такие преступления совершаются в теневых сферах экономики, в коррумпированных звеньях аппарата управления.

5. Преступления, информация о которых известна правоохранительным органам, но они (ошибочно или сознательно) не оценены ими в установленном уголовно-процессуальном порядке как уголовно наказуемые деяния и оставлены без учета. Это так называемые «скрытые» преступления, где оценивалась современная практика правоохранительных органов по рассмотрению заявлений и сообщений о совершенных преступлениях, из которых только один из четырех-пяти получает реагирования в виде возбуждения уголовного дела. Сокращение этой латентности полностью зависит от соблюдения правоохранительными органами требований закона.

6. Преступления, по которым принято необоснованное процессуальное решение об отсутствии события или состава преступления [6].

Последствия преступности могут проявиться в самых разных сферах жизни и деятельности общества: идейно-политической, экономической, нравственной, правовой, трудовой, семейной. Естественно, что не всякий ущерб, наносимый преступностью, может быть исчислен или выражен в числовом эквиваленте.

Именно правильно подобранная квалификация преступного состава имеет ключевую значимость во время разбирательства. Конечно, признаки, с помощью которых происходит оценивание преступления, не являются постоянной величиной. Это скорее субъективный инструмент, потому что многое зависит от применяемого закона и правосознания юриста. Но зато подобные признаки максимально приближены к основам квалификации и расследования преступлений, которые постоянно меняются. И все-таки их называют оценочными со ссылкой на условность.

Оценочный признак – это существенный вред, наносимый во время злоупотребления властью, интересами общества или государства, а также охраняемыми законами интересами и правами граждан.

Правовая основа квалификации преступлений – самая важная часть судебного производства. Но важно и то, что по оценочным понятиям можно понять, какие отношения между явлениями или предметами. А также они дают характеристику ито-

гу сравнения какого-либо предмета и стандарта. Но стандарт, если его рассматривать по отношению к преступлениям, имеет весьма специфический смысл [7].

Проработав вопрос квалификации латентной преступности, можно сделать вывод о том, что снижение латентной преступности, в пределах допустимого является актуальной проблемой в стране. Государство не может реагировать на «невидимую» преступность, становится беззащитным перед ней. А потому следует употреблять всевозможные меры по снижению этого явления. Выявление латентной преступности – задача сложная, но все же ее можно решить. Как бы умело ни было подготовлено и замаскировано преступление, оно оставляет те или иные следы. Информация о нем полностью не исчезает, потому что любое преступление представляет собой сложную систему действий и поступков виновного по совершению преступного акта, в момент и после его совершения. Все эти поступки связаны с окружающей средой, оставляют свои определенные материальные и другие информационные последствия (отпечатки), по которым и можно установить само преступное событие. При обнаружении латентных преступлений обязательно должны приниматься во внимание их специфика, форма внешнего проявления, конкретные способы, место и время их совершения, морально-психологическая характеристика возможного виновного лица.

Примечания:

1. Брянцева В. А., Волкова Н. А. Латентная преступность: понятие, причины появления // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2017. № 1.

2. Аванесов, Г.А. Преступность и социальные сословия. Криминологические рассуждения: монография / Аванесов Г. А. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

3. Курганов С. И. Криминология / С. И. Курганов. М.: Юнити-Дана, 2017.

4. Алексеев А. И. Криминология. Курс лекций / А. И. Алексеев. М.: Щит-М, 2018.

5. Артеменко О. С. Латентная преступность: современное состояние и проблемы // Вестник магистратуры. 2018. № 12-5 (87).

6. Клейменов М. П. Нераскрытая и латентная преступность: различия и сходство // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1.

7. Мазитова Г. Ф. Латентная преступность: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: Изд-во «ООО Аэтерна», 2016. С. 255-257.

М. Ю. Рассказов, Г. Р. Сурхаев, М. В. Барданова

О РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассмотрены понятие и формы реализации уголовной ответственности несовершеннолетних; анализируются законодательство и преступления, совершенные несовершеннолетними; делается вывод о гуманитарной политике уголовной системы.

Ключевые слова: *уголовная ответственность несовершеннолетних, формы реализации уголовной ответственности, тюремное заключение, осужденные, гуманность.*

На территории России проживает около 146 миллионов человек, пятнадцать процентов из которых составляют подростки в возрасте до 15 лет. Это около 23 миллионов людей с еще не сформировавшимся собственным мнением и пониманием жизни.

Подростковый период жизни – это, можно сказать, решающая ступенька в формировании личности человека. Бывает, что подросток сбивается с правильного пути и идет на преступления. В уголовно-процессуальном праве таких подростков называют исключительными подростками, а в уголовном праве отведен целый раздел об уголовной ответственности несовершеннолетних.

Детская и подростковая преступность является серьезной проблемой для современной России, которую надо искоренять на начальном этапе развития.

Анализируя преступления, совершенные несовершеннолетними лицами, за июнь-декабрь 2019 года Министерством внутренних дел РФ было выявлено 22787 общественно-опасных деяний, из которых 1181 являлись тяжкими преступления-

ми [2]. Раздел пятый Уголовного кодекса РФ растолковывает, какая категория граждан является несовершеннолетними; виды наказания, которые могут быть назначены несовершеннолетнему лицу; применение принудительных мер воспитательного воздействия; освобождение от наказания несовершеннолетних и др.

Согласно действующему законодательству и на основании ст. 87 УК РФ: «несовершеннолетние – это лица, которым на момент совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не восемнадцать лет». При назначении несовершеннолетнему уголовного наказания судебные органы учитывают его условия жизни, образование, уровень психического развития, влияние на него взрослых и другие характеристики личности, за исключением обстоятельств, предусмотренных в статье 60 Уголовного кодекса РФ. В отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, применяются санкции иного характера, например, в виде обязательных воспитательных мер [4].

Несовершеннолетний может избежать уголовной ответственности, если совершено правонарушение легкой или средней тяжести, если суд установит, что эта санкция повлияет на его исправление. Обязательные меры не подразделяются на основные и дополнительные функции, что позволяет самостоятельно назначать одну из них. Самая легкая из мер принуждения – это предупреждение, которое не ограничивает несовершеннолетнего и не заставляет его платить никакими средствами.

Уголовный кодекс не определяет сроки действия и применения законодательства о несовершеннолетних. Один из назначаемых видов – это штраф. Если несовершеннолетний имеет регулярный доход или какую-либо недвижимость, штраф будет взиматься непосредственно с него. В тех случаях, когда человек не имеет регулярного дохода или имущества, штраф может быть наложен на его родителей или законных представителей, но только с их согласия. Возникает вопрос: кто будет платить штраф, если несовершеннолетний не имеет регулярного дохода и имущества, а также нет законных представителей? Уголовное право предусматривало такие обстоятельства. При отсутствии стабильных доходов, активов и законных представителей суд не может наложить на этого человека штраф. На этом основании суд наложит альтернативную форму наказания.

Кроме того, одним из видов санкций является лишение права заниматься определенной деятельностью. Исходя из практики судебных процедур, это наказание назначается судом довольно редко, а именно, согласно статистике, примерно в 5-7% случаев.

Согласно части 2 ст. 47 Уголовного кодекса Российской Федерации, данное наказание может применяться в качестве дополнительного штрафа на срок до 20 лет в случаях, специально предусмотренных статьями особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Изучив судебную практику с 2014 по 2017 год [1], мы можем сделать вывод, что эта мера применяется не как основной вид наказания, а только как дополнительное наказание.

Проанализировав статистику этой меры наказания, можно сказать, что она неэффективна в судебной практике и не нуждается в консолидации в Уголовном кодексе Российской Федерации. Наиболее распространенная санкция в Уголовном кодексе Российской Федерации в отношении несовершеннолетних – исправительные работы.

По нашему мнению, эта мера была введена для непосредственного влияния на преступника, привлечения его к работе, помимо вычета из его доходов определенного процента в пользу государства. Обратите внимание, что эта мера не может применяться к лицу, которое на момент вынесения решения суда не достигло возраста 15 лет. Основная цель этого вида наказания – исправить человека к лучшему и изолировать его от дальнейших криминальных нападений. Исправительные работы относятся к совершению преступлений малой или средней тяжести.

Осужденные молодые люди могут быть наказаны исправительными работами на срок от двух месяцев до одного года, о чем свидетельствует часть 4 ст. 88 Уголовного кодекса. Максимальное наказание для несовершеннолетних правонарушителей составляет половину наказания для взрослых. Учитывая это, можно отметить гуманность российской уголовной политики по отношению к несовершеннолетним. Однако, согласно уголовному законодательству Российской Федерации, процент удержания заработка для несовершеннолетних и взрослых правонарушителей одинаков (статья 50, часть 3 Уголовного кодекса Российской Федерации). По нашему мнению, законодатель должен обратить внимание на этот инцидент и изменить

процент вычетов из заработка. Также важно отметить, что в соответствии с Постановлением Пленума Вооруженных Сил Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения уголовных наказаний судами Российской Федерации» место отбывания наказания для несовершеннолетних не должно быть отражено в приговоре. Это определяется исполнительно-уголовной инспекцией в зависимости от основного места работы лица при исполнении приговора.

Если мы обратимся к судебной статистике, мы увидим небольшой процент практики применения этой меры. В 2019 году этот вид санкций применялся судами в 21,4% случаев [6]. Однако следует отметить, что при назначении наказания исправительных работ не было ошибок при изучении дел, подлежащих обобщению. Обязательная работа как один из видов наказания осуществляется осужденным лицом с целью общественно полезной работы для государства. Следует отметить, что во время вынесения приговора судья должен изучить распорядок дня правонарушителя, выбирая время и продолжительность работы, которая является для него обязательной. Это связано с тем, что осужденному должна быть предоставлена обязательная работа, то есть из-за его физического состояния, развития, здоровья и других жизненных факторов.

Такая работа также определяется исходя из распорядка дня, так как она должна выполняться в свободное личное время. Они не должны мешать учебе и другим нагрузкам на осужденного. Под бременем осужденного понимается спорт, хобби, амбулаторное лечение и многое другое. Приговор для несовершеннолетних сокращается на треть, т. е. минимальный срок составляет 40 часов, а максимальный – не более 160 часов. Законодатели устанавливают продолжительность работы и ограничивают несовершеннолетних по возрасту.

Исходя из этих положений, следует отметить гуманность уголовной политики в отношении несовершеннолетних, сократив время обязательных работ и обозначив границы их ежедневной продолжительности [5].

Если лицо уклоняется от назначенного судом наказания, оно может быть заменено арестом или лишением свободы. Расчет следующий: восемь часов обязательных работ будут равны одному дню ареста или тюремного заключения в соответствии с уголовным законодательством. Порядок исполнения таких

взысканий указан в статьях 25-30 УИК Российской Федерации. Обязательная работа отличается от исправительной работы во времени, а также от места исполнения судебного решения. Еще одной характерной чертой обязательных работ является отсутствие удержания процентов с заработной платы осужденного, они бесплатны. В 2019 году этот вид наказания использовался судами в 29,1% случаев.

Согласно отчету о работе общих судов по уголовным делам, в качестве штрафа, за который была выбрана обязательная работа, процент ее использования выше, чем процент работ. Ограничение свободы, заключающееся в установлении осужденным лицом ограничений и обязательств по уголовному законодательству, является одной из мер наказания для несовершеннолетнего. Около 60% преступлений, совершенных несовершеннолетним лицом, в отношении которого была избрана мера наказания в виде ограничения свободы, направлены против собственности другого лица. Срок действия этой меры составляет от двух месяцев до двух лет и присуждается в форме основного наказания. Осуществляется контроль со стороны уголовного исполнителя по месту жительства осужденного несовершеннолетнего.

Проверка проводится в дневное время, поскольку ночное посещение может причинить неудобства людям, живущим с осужденным. Такие посещения происходят в основном не реже двух раз в месяц [3]. По данным судебной статистики о применении этого приговора, его актуальность в судебной практике можно отметить: 2011 год – 655, 2013 год – 962, 2015 год – 573, 2017 год – 685.

По нашему мнению, применение этой меры более эффективно, чем других, за исключением тюремного заключения. Поскольку подростки не несут тяжелое бремя семейных и рабочих обязанностей, у них больше свободного времени, чем они хотели бы провести с друзьями в прогулках, поездках и т. д. Самым суровым наказанием, которое может быть применено к несовершеннолетнему, является тюремное заключение. Оно может быть назначено лицу в возрасте до 16 лет на срок не более 6 лет. Если особо тяжкое преступление совершено одной и той же категорией лиц, тюремное заключение может быть назначено на срок более 10 лет, но при условии отбывания наказания в исправительных колониях.

В наше время наблюдается тенденция к уменьшению цели этой меры. В 2013 году было назначено 25236 несовершеннолетних, в 2016 году – 17685, в 2017 году – 8644, в 2018 году – 3955. Можно предположить, что снижение показателей указывает на увеличение использования альтернативного наказания в отношении лишения свободы. Эффективность этого наказания обсуждается среди ученых и политиков. С одной стороны, она воспитывает преступника и подавляет его дальнейшие незаконные действия [3].

С другой стороны, это негативно сказывается на самом преступнике, который находится под влиянием негативных условий лишения свободы, что влияет на его поведение и образ мышления. Проанализировав каждую меру наказания несовершеннолетних в уголовном праве, мы можем прийти к выводу о гуманитарной политике уголовной системы в целом. Законодатель учел все особенности этой категории людей. Однако каждое наказание имеет свои противоречивые моменты, которые требуют дальнейшего разъяснения, что, в свою очередь, усложняет действия суда при вынесении приговоров.

Примечания:

1. Васильев А. М. Типология и особенности криминологической характеристики личности преступника, совершившего сопряженное с исчезновением человека преступление // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 629-630.

2. Васильев А. М., Скаян С. М. Профессиональные навыки лиц, совершающих преступления // Юридическая наука. 2019. № 7. С. 55-58.

3. Вяткина Д. А., Васильев А. М. Особенности криминологического описания юридической квалификации коррупционных правонарушений // Разработка и применение наукоёмких технологий в целях модернизации современного общества: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 140-141.

4. Дедов Д. Г., Васильев А. М. Законодательный процесс в Российской Федерации // Концепции устойчивого развития науки в современных условиях: Сборник статей по итогам Между-

народной научно-практической конференции: в 6 частях. 2017. С. 105-107.

5. Зубарева К. В., Васильев А. М. Уголовный закон и его основные критерии // Теоретические и практические аспекты формирования и развития «Новой Науки»: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 107-109.

6. Прудникова Н. А., Васильев А. М. Сложность квалификации мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию // Современный ученый. 2019. № 6. С. 236-237.

Т. М. Сидакова, Л. Х. Караева

МОТИВ И ЦЕЛЬ КАК ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Статья посвящена анализу содержания и субъективной стороны преступления, их основных критериев и особенностей. Авторы отмечают, что субъективная сторона преступления – это психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления. Она образует психологическое, то есть субъективное содержание преступления, поэтому является его внутренней (по отношению к объективной) стороной.

Ключевые слова: преступление, субъективная сторона, вина, психология преступника, поведение, психотип, мотив, цель, признаки.

Вина как определенная форма психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию составляет ядро субъективной стороны преступления, хотя и не исчерпывает полностью ее содержания.

Вина – обязательный признак любого преступления. Но она не дает ответа на вопросы, почему и зачем виновный совершил преступление. На эти вопросы отвечают мотив и цель, которые, в отличие от вины, являются не обязательными, а факультативными признаками субъективной стороны преступления.

В основе человеческого поведения лежат те или иные мотивы, они определяют его социальный смысл и целевую направленность. Значение мотива в поведении человека имеет

множество образов. Именно мотив побуждает человека к действию, он источник активности и стимул его поведения.

Таким образом, мотив преступления в уголовном праве – это внутренние побуждения, которые толкают человека на совершение преступления. Он руководствуется ими, совершая действия преступного характера.

Мотив и цель являются признаками субъективной стороны, но отличаются от вины своим факультативным значением. Мотивы формируются на основании потребностей, те, в свою очередь, способствуют уяснению целей [3]. Цель совместно с мотивом вызывает желание определенными способами достигнуть результатов.

Объективные обстоятельства не способны определить однозначное поведение человека. Его поведение, в том числе и опасное для общества всегда избирательно и целенаправленно.

Человек самостоятельно выбирает свое поведение, в зависимости от внешних условий и обстоятельств. При этом он руководствуется своими личными склонностями и намерениями. Важную роль в этом играют особенности мотива противоправного поведения. Мотив объясняет человеческое поведение и дает возможность понять, какими обстоятельствами вызвано совершение преступления и какую цель он преследует. От особенностей мотива зависят сила воли и динамический характер поведения. Мотив и цель тесно связаны между собой.

Мотив объясняет, почему человек совершает то или иное действие, а цель определяет к чему он стремится, совершая преступление.

В Уголовном кодексе предусмотрены мотивы в квалифицированных и особо квалифицированных составах. Все преступления, что совершаются умышленно, являются мотивированными. Относительно неосторожной формы вины, то по отдельным видам преступлений можно только условно установить мотив. В теории Уголовного права данный вопрос остается спорным.

Некоторые эксперты считают, что мотивы следует классифицировать таким образом [4]:

- Мотивы с выраженным антиобщественным содержанием.
- Мотивы эгоистического характера.
- Мотивы с изменчивым антиобщественным содержанием.

– Мотивы, лишённые антиобщественного содержания.

В 2019 году наиболее целесообразной признается классификация, что базируется на совокупности нравственной и правовой оценки мотивов и целей преступлений.

В соответствии с вышеуказанным, мотивы и цели можно разделить на четыре группы [1]:

1. Мотивы и цели, по которым устанавливается уголовная ответственность за конкретное деяние.

2. Мотивы и цели, с которыми уголовный закон связывает ужесточение наказания. К примеру, корыстные мотивы, хулиганские мотивы, личная заинтересованность, кровная месть.

3. Цели и мотивы, с которыми законодатель связывает смягчение наказания. К примеру, мотив сострадания, цель – избавление потерпевшего от страдания.

4. Мотивы и цели, с которыми уголовное законодательство не связывает установление уголовной ответственности, ужесточение или смягчение наказаний.

Рассматривая данный вопрос, следует разобраться, что такое мотив и цель преступления, их уголовное и правовое значение.

В соответствии с Уголовным кодексом, лицо подлежит уголовной ответственности только за те опасные для общества действия, бездействия и последствия, в которых установлена его вина.

Цель преступления – это мысленная модель желаемого результата в будущем. Цель преступления отличается от мотива тем, что в ней определены направления, имеется представление о будущем результате. В отдельных составах преступлений цель является обязательным признаком. Поэтому, если нет цели, то и нет субъективной стороны преступлений. Это означает отсутствие оснований для привлечения лица к уголовной ответственности.

Уголовно-правовое значение мотивов и цели, как признаков субъективной стороны преступления, довольно многогранное [5]:

1. Мотив и цель могут являться основными признаками состава преступления, если они указаны в диспозиции конкретной статьи. При их отсутствии нет состава преступления.

2. Мотив и цель могут выступать в качестве признаков, наличие которых составляет квалифицированный состав престу-

пления. Их присутствие превращает основной состав в квалифицированный.

3. Мотив и цель являются обстоятельствами, что смягчают или отягощают наказание.

УК РФ предусмотрена ответственность за совершение преступлений по мотивам корыстной или личной заинтересованности. При этом имеются в виду не любые личные побуждения, а только те, которые направлены на получение личной нематериальной выгоды для себя или своих близких.

Личная заинтересованность является более емким понятием, чем корыстная заинтересованность лица, совершившего преступление. Иная личная заинтересованность как мотив должностного преступления – это попытки должностного лица получить выгоду неимущественного характера для себя, обусловленная такими побуждениями, как карьерный рост, желание приукрасить реальное положение, получить взаимную выгоду, поддержку в решении какого-либо вопроса, скрыть собственную некомпетентность.

Для того чтобы правильно понять с уголовно-правовой стороны иную личную заинтересованность, важно ограничить ее кругом мотивов, которые свидетельствуют о неизменных интересах лица. Это объясняется тем, что иная личная заинтересованность не отражает негативного антисоциального оттенка, которые имеют другие побуждения.

Мотивы при совершении преступления, не отягчающие наказание – это такие мотивы, которые не предусмотрены в перечне обстоятельств, отягощающих наказание, а такие не используются в Особенной части УК РФ для усиления наказания. Такие мотивы не могут быть измененными, но степень их предосудительности может существенно отличаться. С точки зрения уголовного права не существует общественно полезных мотивов. С точки зрения уголовного права, характеристика таких мотивов означает только то, что они, в отличие от неизменных, не отягощают наказание и не смягчают его. Реальный мотив преступления виновный часто скрывает. Поэтому для определения психологического мотива конкретного преступного поведения может быть назначена судебно-психологическая экспертиза. Мотивы, не отягощающие преступление, уменьшают общественную опасность конкретных преступлений. К примеру, убийство при превышении преде-

лов необходимой обороны относится к убийствам при смягчающих обстоятельствах. Это объясняется тем, что в данном случае мотивом является защита от общественно опасного посягательства.

Хулиганские мотивы занимают определенное место в мотивационной системе преступности. Они являются наиболее распространенными при совершении преступлений. Хулиганский мотив разделяется на три вида [2]:

1. Собственно хулиганский мотив, который включает озорство и самоутверждение. Для образования этого мотива не требуются эмоции.

2. Хулиганский мотив причинения вреда. Определяется как эмоциональный мотив, характеризуется отсутствием рациональной цели, внешне беспричинным всплеском эмоций. Результатом является причинение вреда общественному отношению.

3. Хулиганский мотив несоответствия. Можно определить как рациональный мотив. Он характеризуется тем, что всегда предполагает постановку рациональной предметной цели.

Хулиганский мотив повышает общественную опасность преступлений. Главным признаком хулиганского мотива является способность вызывать глубокое нарушение общественного порядка, выраженное неуважение к обществу, так как хулиганский мотив – это необходимый признак состава хулиганства.

Мотив преступления является провоцирующим фактором к совершению преступления. Именно мотив дает возможность определить, почему человек совершает преступление.

Цель преступления определяет ради чего, на какой результат направлено его деятельность, опасная для общества. Кроме значения для уголовной ответственности, мотив преступления имеет важное доказательственное значение по уголовному делу. В отдельных случаях мотивы и цели могут выступать в качестве исключительных смягчающих обстоятельств.

Таким образом, субъективная сторона преступления имеет большое значение и для обоснования уголовной ответственности, и для квалификации преступления, и для назначения наказания. Поэтому высшие судебные органы не раз указывали судам на необходимость тщательно исследовать

содержание субъективной стороны преступления: форму вины, содержание и направленность умысла, мотивы и цели преступления.

Примечания:

1. Боровиков В. Б. Уголовное право. Общая и Особенная части / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов; под ред. В. Б. Боровикова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2014. 717 с.

2. Боруленков Ю. П. Мотив как элемент предмета доказывания / Ю. П. Боруленков // Мировой судья. 2013. № 2. С. 29-36.

3. Васяев Д. В. О видах мотивов и целей преступления (на примерах мотивов и целей убийств) / Д. В. Васяев // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. № 1. С. 17-28.

4. Видякин В. В. Уголовно-правовое значение мотива при квалификации преступления / В. В. Видякин, М. С. Фокин // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 2 (31). С. 207-215.

5. Волков, Б. С. Мотивы преступлений. Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование / Б. С. Волков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. 152 с.

НАШИ АВТОРЫ

Базаева Арина Артуровна – магистрант 1 года заочной формы обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Баликоева Альбина Рамазановна – магистрант 2 года заочной формы обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Барданова Мария Валентиновна – магистрант 1 года заочной формы обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Батяева Оксана Юрьевна – магистрант 2 года заочной формы обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Бзаров Заурбек Ирбекович – магистрант 2 года заочной формы обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Боравев Заурбек Константинович – доцент кафедры конституционного права и основ правоведения ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Борзова Ольга Олеговна – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»

Бугулов Хетаг Сергеевич – магистрант 3 года заочной формы обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Бузарова Нина Хасановна – доцент кафедры гражданского права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», к.ю.н.

Владычкина Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры гражданского права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Гадиева Алана Виленовна – доцент кафедры гражданского права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», к.ю.н.

Гадзиев Сосланбек Олегович – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)»

Джигоева Илона Вячеславовна – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Дзагоев Аслан Аликович - магистрант 2 года обучения направления подготовки «Экономика» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», аналитик ООО ВТЦ «Баспик»

Дзугаева Илона Аслановна – магистрант 2 года заочной формы обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Зангиев Валерий Тамерланович – магистрант 3 года заочной формы обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Зангиев Феликс Артурович – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Казиев Аслан Заурович – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»

Караева Лора Хазбатровна – доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»

Каргинов Сослан Николаевич – доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)», к.ю.н.

Карпенко Людмила Викторовна – магистрант 3 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Качмазов Олег Хазбиевич – и.о. заведующего кафедрой уголовного права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», к.ю.н., доцент

Кертанова Элона Валерьевна – магистрант 1 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Кесаев Дзамболат Олегович – магистрант 1 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Кокоева Луиза Темболатовна – заведующая кафедрой корпоративного права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», д.ю.н., профессор

Лазарова Эльвира Тамерлановна – доцент кафедры теории государства и права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», к.и.н.

Лишута Ирина Владимировна – заведующая кафедрой предпринимательского и трудового права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», к.ю.н., доцент

Мадзаев Чермен Эльбрусович – магистрант 3 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Маргиев Давид Джемалович – магистрант 3 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Моргоева Залина Олеговна – магистрант кафедры социологии ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»

Накусова Фатима Батразовна – магистрант 1 года обучения направления подготовки «Экономика» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Нигколова Линда Артуровна – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Рассказов Михаил Юрьевич – доцент кафедры уголовного права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», к.ю.н.

Санакоев Мераб Матвеевич – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Сидакова Тамара Маратовна – магистрант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»

Сурхаев Георгий Радикович – магистрант 1 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Тменова Татьяна Геннадьевна – магистрант 2 года заочной

формы обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Торчинова Стелла Муратовна – магистрант 3 года заочной формы обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Хадаев Эльбрус Артурович – магистрант 1 года заочной формы обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Хайманов Давид Тотразович – магистрант 3 года заочной формы обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Хаматова Светлана Хазбиевна – главный консультант Конституционного суда республики Северная Осетия – Алания, доцент кафедры конституционного и административного права Северо-Кавказского горно-металлургического института, к.ю.н., доцент

Хачирова Ксения Мирославовна – магистрант 1 года заочной формы обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Хугаева Алина Нукзаровна – студентка 4 курса направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Хугаева Алла Ахмедовна – доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», доцент кафедры финансов и кредита ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», к.э.н., доцент

Цакоев Артур Ахсарбекович – судья Верховного суда Республики Северная Осетия – Алания, преподаватель кафедры уголовного права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

Цаликова Марина Борисовна – доцент кафедры предпринимательства и трудового права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления», к.ю.н., доцент

Шафрановский Виталий Сергеевич – магистрант 2 года обучения направления подготовки «Юриспруденция» ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления»

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ
№ 58**

Издается с 1998 г.

Научный редактор *Н.Ю. Туаева*
Корректор *И.Г. Дзуцева*
Технический редактор *Е.Н. Маслов*
Оформление обложки *Е.Н. Макарова*
Компьютерная верстка *А.В. Черная*

Научный отдел
Владикавказского института управления
362025, Республика Северная Осетия – Алания,
г. Владикавказ, ул. Бородинская, 14
тел.(8672)540499, факс (8672)541580
E-mail: viu-online@mail.ru

Подписано в печать 31.01.2020.
Формат 60×90 1/16. Бумага офс. Печать цифровая.
Гарнитура Pragmatica. Усл. печ. лист. 14,8.
Тираж 200 экз. Заказ №58.

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3